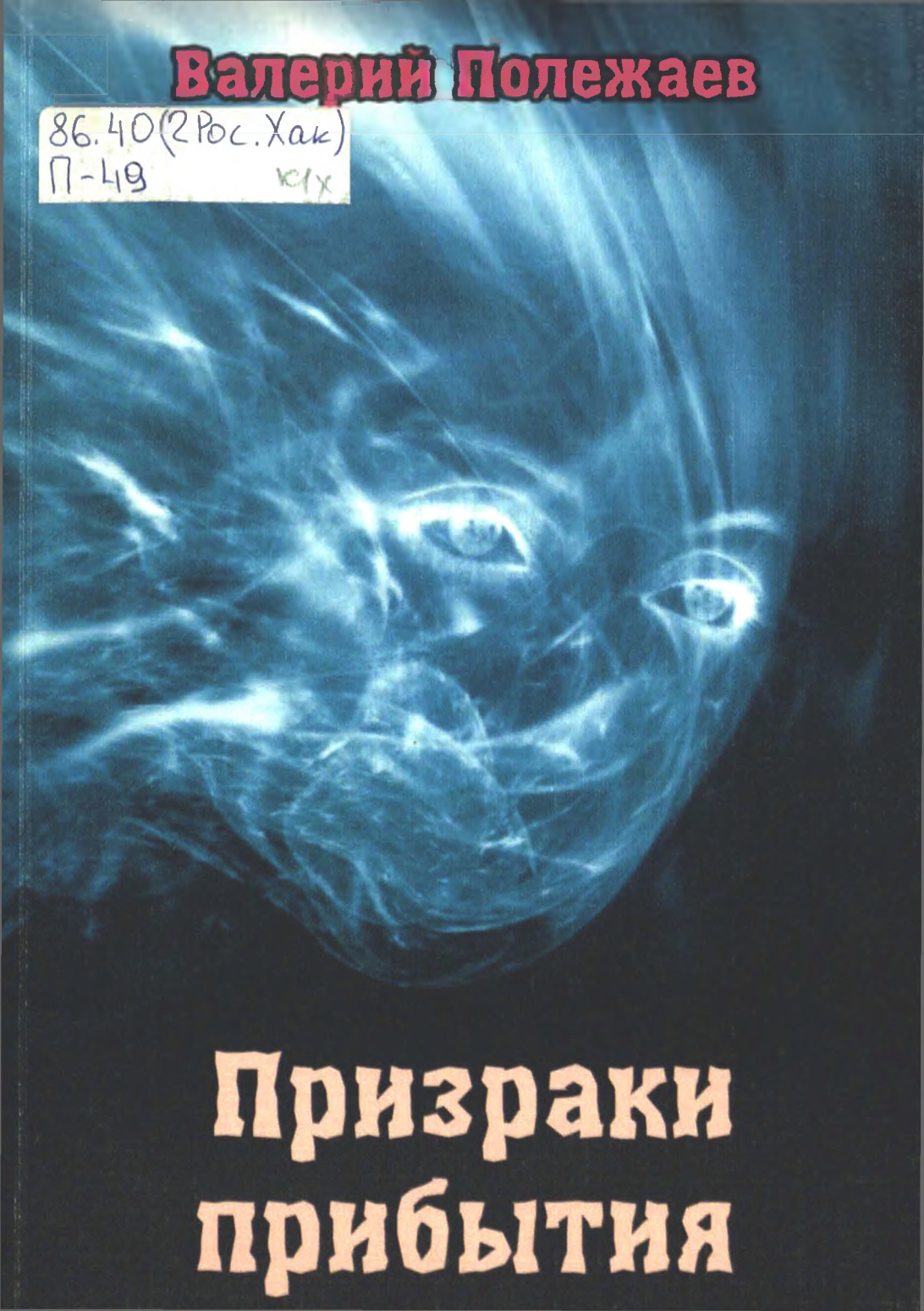

Валерий Полежаев

86.40(2Рос.Хак)

П-49

К/х

Призраки прибытия

18 OKT 2026

86.40 (2Рс.Хак)
П-49

ВАЛЕРИЙ ПОЛЕЖАЕВ

ПРИЗРАКИ ПРИБЫТИЯ

**Явления запредельного мира:
тайны, мистика, загадки бытия
(В Хакасии, в России, в мире)**

Эта книга – не дань многоговорливой моде.

Это в жизни встреченная мною правда

**Не торопитесь улыбнуться:
всему свое время**

ГБУК РХ "НБ
им. Н.Г. Доможакова"

Абакан, 2016 г.

W 911560-4X

УДК 1/14
ББК 86.40(2Рос.Хак.)
П-49

П-49 Призраки прибытия. – Абакан. 2016 г. – 120 с.

Автор – Валерий Полежаев.

Сверстано и отпечатано в ООО «Кооператив «Журналист»
655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Советская, 71, тел. (3902) 22-43-38.
Тираж 350 экз. Заказ № 4854. Формат 60х84 1/16. Печ. л. 7,5.
Бумага офсетная. Печать офсетная.

I. НЕЧТО

*Все усилия нашего интеллекта упираются в великую тайну.
Сомерсет Моэм.*

Нечто...

Есть факты в нашей жизни, когда мы что-то не-пре-мен-но исполняем, но почему – объяснить себе не можем. Если факты поддаются объяснению, то это что-то кажется глупым. Или – невероятным, во что до конца нельзя поверить. Ведь так? Каждый, каждый из нас сталкивается с подобным! И откуда они, эти, если не обряды, то обычаи? А между тем мы их бессознательно, а некоторые с опаской, исполняем, боясь кого-то (ведь не чего-то!) прогневать!

Начнем, давайте, с порога. Через порог нельзя здороваться. Первое объяснение – к разлуке. Вроде бы – чепуха. Однако мы соблюдаем этот обычай! В русских сказках почему-то именно с порога клубок катится. По хакасскому поверью, на пороге нельзя рубить мясо, хотя и удобно порой. У всех народов считается: у домашнего порога есть свой хозяин-дух. Невразумительное объяснение. Между тем мы не рискуем нарушить неясное!

Порог нужно держать в чистоте, нельзя его осквернять. И если мы перед тем, как перешагнуть его, шаркаем о коврик ногами, то это не совсем затем,

чтобы была чистой обувь. Ученые доказали, что этим самым движением мы снимаем с себя отрицательную энергию – перед тем, как войти в дом (квартиру, избушку, юрту).

Ну, а если человек надолго покидает родной дом? Что тогда? Мне рассказали, например, что известный контр-адмирал Бронислав Майнагашев, многие годы проведенный в дальних морских походах и плаваниях, каждый раз перед выходом в море (океан) брал с собой от родного порога землю. Как известно, его боевая морская биография благополучная и счастливая. Брал землю, чтобы вернуться домой? Конечно, так. Но почему именно от порога?

Все мы знаем богородскую траву. Почему именно ей окуривают дом (чаще обычно в деревнях), когда кто-нибудь умирает? Недавно стало известно, что именно дымящаяся богородская трава убивает сорок процентов микробов, находящихся в жилище. На могильном холмике Михаила Шолохова в Вешенской тоже растет ковром богородская трава... Чтобы отпугивать нехорошее?.. Нехорошие мысли, чувства тех, кто пришел сюда не только поклониться памяти великого писателя?

А помните, Андрей Вознесенский на смерть Василия Шукшина написал: «Занавесить бы черным Байкал, как зеркало в доме покойника»? Почему занавешивают черным зеркало в это время? Конечно, не только потому, что нехорошо увидеть еще и в зеркале гроб, находящийся в доме. А еще почему? Потому что при покойнике в зеркале отражается... параллельный мир. Трудно это понять, еще труднее в это поверить! Тем не менее – занавешивают зеркало.

Может, наука когда и найдет для подобных вещей вразумительное объяснение. Может быть. Ведь все мы знали и знаем про такое понятие, как «живая природа». Для меня это было связано, например, с ростом деревьев, растений, не больше. Но мы не можем услышать и увидеть, как говорит трава, как плачут цветы! И только специальные приборы подтвердили теперь это в сотнях экспериментов. Не потому ли от древних хакасских поверий идет: перед тем, как нарвать букет цветов, попроси у природы разрешения! Я, мол, беру только самую необходимую себе малость, не больше. Выходит, предки наши с незапамятных времен больше знали о живой природе, чем теперь многие из нас? Выходит, так. Этого, знаю, твердо придерживается драматург и актриса Алиса Кызласова, нередко проводящая священный ритуал на открытии больших межнациональных праздников – непременно у святого огня, с шаманским бубном.

Да что цветы!.. Еще раньше человечество узнало, что плачут дельфины...

В хакасской мифологии есть Богиня – мать Умай. На сороковой день (и у русских попробуй изменить этот обряд!) эта Богиня забирает на небо душу умершего и переселяет ее... в цветы, траву, ягоду – словом, в живую природу.

Вот почему у хакасов буквально священное отношение к природе, особенно у старшего поколения. И прежде, чем срубить дерево или сорвать ягоду, нужно произнести: «Дай нам, Умай, немного ягоды, чтобы прокормиться». Обязательно надо по-просить!

Ну, раз уж заговорили о живой природе... За Аршаново есть Сартыковская гора. А на той горе – колодец. Он – бездонный. Да, да. Брось камешек, брось огромный валун – звука падения не услышишь. Говорят, что когда-то туда, в колодец, на веревке спускался один смельчак узнать-проверить, что да как. Обратно на поверхность его так и не дождались. Наверное, когда-нибудь найдется разгадка и этого колодца. Наверное.

В гости к одному абаканскому литератору приехали якуты. Повезла их хозяйка на Салбыкский курган. Подвела к одному огромному камню, попросила приложить ухо. «Что слышали?» – спросила. И отец, и мать, и их дочь ответили одно: «Стук». Подвела она их к другому камню. «А тут слышим только свист и свист...» – был ответ гостей из Якутии. Вы знаете, какой был первый камень? Ат-тас, камень коня. Под ним захоронено 160 коней. Таково предание. А второй камень каким был, знаете? Сыт-тас – плач-камень!

Мне, например, трудно приписать услышанное не только якутскими гостями, но и другими стук и плач – одному воображению.

А вот загадка, которая уже разгадана учеными. Почему древние курганы сооружались именно на тех местах, где они стоят под вечным небом до сих пор? Исследования показали: на этих местах из-под земли идет сильное излучение, которым уничтожаются всевозможные микроорганизмы. Ну, это сейчас наукой определено. А как наши предки знали об этом? Вот в чем удивительный вопрос-то. Об этом, в частности и со мной, говорил когда-то ныне покойный профессор Яков Сунчугашев – там, на Салбыкском кургане, в Долине Царей.

Между прочим коновязи те же хакасы устанавливали на местах доброй силы. Между прочим, давным-давно! А мы только сейчас узнаем об аномальных явлениях... Ну, это – попутно.

За Аскизом, на Базинской поляне, долго праздновался Тун-пайрам. Выбрано было это место для народного праздника, наверное, потому, что оно просторно, рядом – отроги гор, с которых можно наблюдать игры, гулянье... После первых праздников летом на Базинской поляне стали появляться изумрудно-зеленые круги диаметром шесть-восемь метров, рядом – треугольник. Вспомните прекрасный документальный фильм о загадочных земных (земных ли?) явлениях, в том числе на одном из платов Перу... Может, и о Хакасии когда-нибудь появится фильм, сделанный своими ли, заезжими

авторами? А чабаны – и те раньше говорили, что на Базинской поляне всегда что-то непонятное происходит...

Мы скептически многому улыбаемся, потому что давно потеряли веру во что-то священное, понимание выше нашего...

А теперь приступим с другого конца, с науки. Еще в школе все мы узнали с вами, что небо имеет семь атмосферных слоев: биосфера, неосфера, стратосфера и т.д. Так? Между тем в языческой мифологии, которую всегда будут чтить многие народы мира, несмотря на ее древность, уже было сказано именно (!) о семи небесных покровителях. Иными словами, каждый из семи слоев неба (воздух) имел (или точнее сказать имеет) своего духа-покровителя. Та же, допустим, Богиня материнства и детства Умай у хакасов – хозяйка своего слоя небесного воздуха. Своего! Цифра семь, конечно, магическая. Но вряд ли здесь можно говорить о совпадении!

Э, это еще цветочки! Многие в Хакасии знали, да и после его смерти знают, конечно, художника Владимира Капелько – уже хотя бы потому, что он сделал эстампы, наверное, подавляющего большинства наскальных рисунков, которые были обнаружены в хакасских горах. Эта работа, попутно заметим, по плечу только по-хорошему фанатичному человеку. Ему еще ни одно поколение ученых скажет спасибо, поверьте! Но дело не в этом. Из сотен копий выделяется копия наскального рисунка со скалы у речки Малая Сыя. И что бы вы думали? На этом наскальном изображении – ракета (!) и... человек в скафандре! Я бы не стал, поверьте, ставить восклицательных знаков и неожиданных многоточий, если бы за этим не стояло ничего невероятного. Но в том-то и дело, что методом радиоактивного распада ученым удалось выяснить, что этим наскальным рисункам (зажмурьте глаза) – двадцать семь тысячелетий! Даже если ученые или я увеличили этот срок в десять раз, и человеку в скафандре и ракете, изображенным на скале древним художником, всего-то двадцать семь веков – суть дела не меняется, согласитесь?

И это все – на какой-то речонке в Хакасии – Малая Сыя!..

Так откуда человечество есть и пошло? От обезьяны, что ли, развились? А может, это дело рук пришельцев, которые до сих пор на летающих тарелках проводят нас? Не они ли забросили когда-то на Землю особь, созданную по образцу и подобию Божьему? Конечно, это уже в чем-то чепуха-философия... Но не мог же художник докаменного века видеть человека в скафандре и современной конфигурации – ракету. Ведь не мог!?

Не-е-т, в мире есть Нечто...

Горные мифы

Здесь, в пойме Белого Июса, среди родовых стел и кустов черемухи, день казался тихим и радостным. Белое солнце зимы заставляло жмуриться, а в глазах плясало миллиардами малиново-голубых искорок снежное поле...

Июс, кристально чистый (сквозь толщину воды был виден донный зеленый лед), струился молчаливо – величественно. "Э-эх! Приехать бы сюда летом!" – думалось и думалось.

Вскоре за белоснежными в желтых ковьях холмами показался приземистый улус Топанов. Раньше, говорят, тут было рядом местечко Золотой Ручей. В начале XX века в центре его стояла на взгорке церковь. С трех сторон ее окружали священные горы. Пришло время – умер шаман Золотого Ручья. По местному поверью, одежда шамана не должна оставаться там, где он жил. На священном дереве, где обитал дух хозяина одной из гор, одежду шамана развесили. А потом на веки вечные она была спрятана в глубокую пещеру Кошкулак (в переводе с тюркского – ушки горы).

И стали с тех пор твориться кошмарные чудеса в Кошкулакской пещере! Альпинисты, спелеологи из Абакана, Томска знают это и по себе, и понаслышке. В лучшем случае тот, кто спускался в пещеру, чувствовал мистический страх перед непонятно чем. Кто-то натыкался в многометровой глубине на желтые человеческие скелеты, которые вдруг возникали из темноты... Кто-то, не успев потерять сознание, видел шевелящееся чудище подземное с большими зелеными глазами. А тот, кто зрел самого умершего шамана, живым выглядывающего из-за скалы подземной, – тот уже не поднимался на поверхность...

Что это – предания? Мифы? Кошкулакская пещера хранит свою кошмарную подземную тайну. Не каждый и сейчас отваживается спуститься в нее. "Разум плющится, крыша срывается", – говорят люди знающие. И звуки доносятся из холодной и сырой утробы страшной пещеры – отдаленные, методично повторяющиеся.

В этих ширинских землях раскинулся Чоохчил-аал (ныне аал Трошкин). Раскинулся, глазу видно, у Большой горы. В начале XX века аешинцы под руководством Бориса Тачеева возвели на горе церковенку. Тогда повсеместно в Хакасии продолжалось введение христианской религии. И верующие люди близлежащих улусов, аалов и сел сносили в церковенку иконы. Особенно усердствовали в этом те, кто был стар и одной ногой стоял уже в могиле. Для них, считалось, это был пропуск на тот свет.

И случилось вдруг в аале неладное: в одно лето, как гласит предание, громом побило всех домашних коров. Люди недоумевали: не оттого ли, что были

преданы, в угоду христианству, языческие Боги? Другие считали наоборот: оттого, что верующие безоглядно не отдались в руки нового спасителя Иисуса Христа. Лет не двадцать ли назад в аале Трошкин встретился я с бывшим директором местной школы, тогда уже находившимся на пенсии, историком и археологом Виктором Ивановичем Коковым. У него на этот счет было вполне реальное объяснение:

– Тогда, в начале века, вскоре после открытия церковенки, пропала с иконстаса главная икона, – сказал он. – В ее раму-оклад был вмонтирован камень-самоцвет, а над изображением святого царствовал нимб – сияющий ореол. Ходили слухи: в каком-то городе продали эту икону... И разразился гром небесный!

Объяснение-то реальное. Но как так случилось, что сразу после поубивало громом всех местных коров? Не один я закусываю губу...

До войны, был случай, местные подростки прострелили в церковенке одну из икон – так их осуждал весь аал. Помнили люди тот давнишний необъяснимый, но карающий гром. А последние иконки вынесли с горной церковенки в конце пятидесятих годов... Сейчас у местных жителей в головах бродят, как дрожжи, робкие мысли: а не возвести ли заново церковенку Большой горе? Ведь нельзя безнаказанно позорить и гневить Всевышнего! Только ветер пока гуляет и воет на останках разрушенной церковенки, до которой не сразу и доберешься-то.

В земле наши корни...

1. Каменные страницы истории

Согласитесь: для такой науки, как археология, эта истина звучит в прямом смысле. Все еще загадку хранящие древние курганы, реальность и мистика гор, уходящие вглубь верований народа, наскальные рунические письмена с подчас загадочными рисунками... Они, как нередко и результаты археологических раскопок, дают ход чувствам и мыслям.

Обо всем этом думал я, помню, когда проходили дни празднования 50-летия Хакасской археологической экспедиции. Да, зачастую новые открытия скорее дарят не ответы на вчерашние вопросы, а факты, сначала вызывающие недоумение. И получается: прошлое трудно поддается чтению, как будущее – прогнозированию...

Я вовсе не наивный человек. И если удивляюсь новыми для себя сведениями из той же археологии, то это больше говорит прежде всего о моей искренности. Ну, допустим: до сих пор я не знал, что "скифы" в переводе с греческого – это "варвары", точно так же "динлины" – тоже "варвары", но уже в перево-

де с китайского. После этого историко-романтическая строка из Блока "Да, скифы мы..." стала такой банально оголенной!

Или вот: откуда произошло слово "мавзолей"? Оказывается, был в Греции такой правитель Мавзола. Когда он умер, его погребли в гробнице. Она стала называться: гробница Мавзола. Вот и появилось потом слово "мавзолей".

Курганы, они ведь тоже своего рода мавзолеи. Для меня, опять же, было внове услышать, что изначально они были пирамидами, и только под воздействием веков отекли, округлились. А я, допустим, все считал, что холмы эти – изначально насыпались округлой формы...

Четыре каменных изваяния, поставленные по углам кургана, обозначают четыре части света, причем узкими торцами они расположены строго по линии восток – запад. Значит, еще двадцать пять веков назад наши предки знали части света! Вот только не догадывались еще, наверное, что Земля совсем не квадратная и плоская, а кругленькая.

И вообще, курганы – уникальное явление! И не только потому, что они предшествуют даже Окуневской культуре. Это – образ мира, созданный для погребенных под (все-таки!) пирамидой, обрамленной каменными изваяниями. Это, наконец, – святилище. И пусть в представлениях древних мир казался квадратным, а не глобусным, – он был Божественным... И потому сейчас мы не можем уже смотреть на каменные столбы курганов как на каменных замаскированных шаманов. А ведь бытует еще такое их понимание!

Археология – наука, вооруженная лопатой. Уж куда вернее сказать! И цель этой науки – не раскопки, как многие считают. Они – всего лишь средство археологии.

Вот какую загадку преподнесла наша археология. Считается, что чуть ли не прямыми потомками хакасов явились тюрки. Где же существовал первый тюркский каганат?! Возможно, и на территории нынешней Хакасии. Но (!) археологического подтверждения присутствия тюрков именно на этих землях пока нет. По крайней мере, захоронение тюрка с конем – не тюркская особенность! Она куда более древняя и, скорее, является принадлежностью одной из горно-алтайских народностей. Ведь намного раньше тюрков, уйгуров на наших землях жили тагарцы.

Почему же погребение тюрка с конем – не тюркская особенность? Оказывается, войска древних тюрков состояли вовсе не из конницы, а... пехоты! Так где же прародина тюрков?!

По крайней мере, трудно сказать, что в Хакасии. И знаете еще, почему? На месте нынешнего села Чапаево давно – предавно стоял Абаканский дворец. Несколько лет назад его остатки были уничтожены при строительстве дамбы. Одно осталось известно наверняка: дворец был каменным. Нынешние каменные холмы – это нередко древние развалившиеся дворцы. Из камня

древние хакасы строили и другие сооружения: крепости, защитные валы... Между прочим, в том числе и Салбыкский курган! А если уж найдены древние каменные города, дворцы, крепости и так далее, то о кочевом образе жизни прежнего местного населения безоглядно говорить не приходится! А это, извините, уже в корне меняет наше с вами мировоззрение на историю хакасского народа.

И что турки – не прямые предки древних хакасов, говорит еще следующее: турки-то строили глинобитные города, а не каменные! Существовал такой древнетюркский город – Балык. А ведь корень этого слова – бал – означает: глина. Это еще одно подтверждение сказанному, только из области языка, этимологии слов.

Теперь самое время поговорить о языке (в этом смысле). Древнехакасское государство не было одноязычным! И нынешний хакасский язык – это язык не тюрков, а скорее – кетов, ненцев и даже... иранцев! Ибо в нем встречается разная лексика – южно-самодийская (североцентральная), арабская и так далее. Кстати, о присутствии лексики иранского языка в хакасском... Подтверждение этому стала каменная руническая надпись, найденная вблизи озера Беле. Так где же, где была прародина тюрков?

История листала и листает свои каменные страницы. Древние хакасы, которыми правили кыргызы, причем самые знатные рода (вот откуда у некоторых хакасов встречаются рыжие волосы и голубые глаза), в свое время разбили уйгуров. Их государство крепло, простиралось и заняло территорию от Северной Монголии до Иртыша. И потому Ермак, столетия спустя, шел вовсе не в неведомые земли и вовсе не по неведомым путям.

Именно в это время Древнехакасское государство активно развивало свою торговлю, осуществляя это сотрудничество с другими странами через... Новгород. И это – не догадка! В девяти городах Древней Руси, оказывается, найдены древнехакасские вещи — сбруи, железные штыри для пробивания дырок в кожаных изделиях (для шнурков, например). Это выявили раскопки, проведенные на Смоленщине, Урале, на реке Оке, в Новгороде, далеко южнее и западнее его! Время, "отрытое археологической лопатой", – XI–XII века. Это торговое сотрудничество опять же можно подтвердить посредством взаимопроникновения религий, языка.

В каменных рунических надписях, найденных на территории Хакасии, присутствует и санскритская, буддийская лексика. Где сооружались буддийские храмы, как не в Туве или Монголии, граничащей тогда с Древнехакасским государством? Буддийская лексика осела в словах народов, живущих не только в Хакасии, Туве, но и на Алтае. Об арабской лексике, присутствующей в каменной рунической надписи, найденной у озера Беле, уже говорилось.

2. Что скрывают Сундуки?..

А кому не известна в Хакасии гора Сундук? Слава Богу, что она моим глазам впервые предстала уже не во взрослые пресные годы, а еще в загадочном волнующем детстве. Родова моя по отцовской линии проживала в Андроновке (ныне Ужурский район) – там, за горой Сундук, если ехать по железной дороге в Красноярск. В девять лет я и увидел впервые показавшуюся из-за речного тумана далекую сиренево-розовую гору, соседями которой были облака – кучевые, величавые.

... Просматриваю один из последних номеров альманаха «Хакасия: культура, отдых, туризм». В нем правомерно говорится, что о Сундуках сегодня можно услышать и прочитать множество появившихся совсем недавно легенд и всевозможных мистических историй. Однако, мол, реальная история этого места намного интересней придуманных для привлечения туристов легенд. Но дело-то в том, что на Сундуках реальность – она плотно переплетается с мистикой!

Центральной и самой выразительной частью гряды, считает кандидат исторических наук Ю. Есин, безусловно, является гора Первый Сундук. У нее довольно сложный рельеф, образованный из нескольких гребней. Они сходятся к одной вершине, увенчанной огромным, видимым издали, каменным останцем практически прямоугольной формы – самым большим из представленных «Сундуков». Окончательный ответ на вопрос о времени строительства стен на Первом Сундуке и использования этого сооружения могут дать только будущие археологические исследования.

Да, Сундуки – уникальное и все еще таинственное место Хакасии! И то: ведь гора Сундук – хранительница древности земли. Что ни говори, предки хакасов знали, где остановить своих коней! Так вот... Меня всегда интересовало и интересует, откуда название? Считается, и вполне правомерно, что оно – тюркского происхождения. Русское слово – "сундук" – в данном случае этимологически образовалось из сочетания двух слов: сунь тут! Есть и другая, древне – русская основа уже другого глагола – "скрыть": скрыня. Не будем спорить: это два ручья одной реки. Гора Сундук, считают многие ученые, была как граница, как предупреждение врагу. Иначе сказать, она была наглядной горой.

По преданию, в средние века тут жил-был Красный богатырь (вспомните цвет горы Сундук!) – Силигол. И богатырь, и красавец!

Предание-то преданием, но до сих пор вокруг Сундука, на его склонах находят каменные укрепления, вполне реальные, как и огромные плоские глыбы гранитного камня, поднять которые не под силу и нескольким людям! Высота этих укреплений два метра. К тому же окружающие пригорки имеют свои маленькие сундуки – почти копии горы Сундук.

Как пишет Ю. Есин, точное время строительства этого грандиозного «укрепрайона» пока неизвестно. Предположительно стены могли быть построены в эпоху бронзы. Но продолжать использовать уже готовое сооружение в оборонительных целях в период военной опасности можно было и позднее. Например, по гипотезе новосибирского историка и археолога С.Г. Скобелева, именно здесь мог находиться загадочный «каменный городок», неоднократно упоминаемый в русских документах XVII века при описании «Кыргызской земли», как тогда называли Хакасию. Именно возле каменного городка на реке Июс проводились съезды представителей всех кыргызских княжеств и их союзников, принимавших наиболее важные решения, касавшихся отношений с другими народами и племенами.

Если Сундуки были оборонительным сооружением (а это, наверное, все же было именно так), то они выполняли, само собой разумеется, и функцию сторожевую. Говорят, еще на памяти тех, кто жил в начале XX века, было: если на озере Беле виден огонь, возжги его и на горе Сундук! Это подтверждает характер горы как сторожевой. Можно ли представить, сколько столетий (если не тысячелетий) горе Сундук и озеру Беле? Ведь огонь зажигали при приближении опасности, а это происходило в да-а-лекие времена! И чьими руками – богатырскими или простыми человеческими – были заготовлены дрова и береста, хранящиеся до сих пор в каменных норах Сундука, – Бог весть!

Исследования последних лет свидетельствуют, что почти на всех вершинах горной гряды Сундуки и у их подножия имеются следы пребывания наших предков – наскальные рисунки, развалы стен горных крепостей и святилищ, а также курганы, стелы и менгиры. Наиболее древние из них появились не менее 4000 лет назад, в эпоху становления скотоводства и использования первых орудий из меди и бронзы.

Самые интересные и легкодоступные наскальные рисунки горной гряды Сундуки находятся на горе Четвертый Сундук. Сверху они защищены от дождя созданными природой скальными навесами. Рядом с рисунками расположена удобная для проведения различных обрядов каменная площадка. Здесь на скальных породах представлена целая галерея образов позднескифского времени и хунно-сарматской эпохи.

Обращает на себя внимание, что на этом скальном святилище численно, по крайней мере, абсолютно преобладают изображения людей. Стиль наиболее ранних человеческих фигур, связанный с традицией наскального искусства тагарской культуры скифской эпохи (VIII – III вв. до н.э.), отличается высокой схематичностью и статичностью.

В расщелинах горы Сундук, где хранится столько тайн, если пристальнее взглянуть, то можно узреть и древние писаницы! Доисторические люди, со-

гласно этим писаницам, считали: откроешь сундук – там живая вода. Кто из мужчин попьет ее, – будет богатырем...

3. Сюрпризы древней земли

Тайны, загадки бытия... Они есть (непременно есть!) у любой священной горы. Одной из таких гор в Хакасии является, например, гора Изых. Пожалуй, стоит начать с того, что в июле 2004 года государственная археологическая служба Хакасии отмечала свое тринадцатилетие. Число хоть и "несчастливое", но этот полевой сезон археологи проводили как никогда насыщенно, с обнадеживающей перспективой.

В то время уже одиннадцать лет начальником археологической службы в республике являлся Валерий Порфирьевич Балахчин. Как же он в пришел в эту науку, "вооруженную лопатой"?

– К археологии меня тянуло с детства, – говорит он. – Когда подросток, поступил после школы в Абаканский педагогический институт, на физико-математический факультет: исторического тогда просто не было. Активно увлекался фотографией археологических памятников Хакасии. Так постепенно и перешел от физиков-математиков в археологи. Многое мне дало самообразование...

Археология – действительно занимательнейшая наука, которой нельзя не увлечься. Как уже сказано, в том году в свой полевой сезон археологи Хакасии, и не только, занимались интересными изысканиями на нашей древней земле. Одно из таких мест – Изыхский угольный разрез, где тогда, после непродолжительного перерыва, вновь были возобновлены археологические работы. Ведь на этой священной горе – множество памятников древней культуры, которые до сих пор таят свои вековые тайны.

... В тот год основные изыскания велись на месте вскрышных работ Изыхского угольного разреза. Этим занимались студенты ХГУ им. Н. Ф. Катанова и бывшие его выпускники начала девяностых годов. Руководили ими кандидат исторических наук института истории и права Валерий Серафимович Зубков и старший преподаватель Александр Иванович Поселянин.

Уже пятый год совместно с археологами Хакасии на месте раскопок находилась тогда и антрополог Красноярской медицинской академии Татьяна Рейс.

Что уже обнаружено на горе? Здесь вскрыт один из самых древних пластов земли – палеонтологический. История сохранила отпечатки окаменевших растений, в том числе и лиан, стволов деревьев, достигающих в диаметре до метра. Выявлен также слой земли, насчитывающий 30–50 тысяч лет. В нем обнаружены не только каменные орудия древних людей, но и остатки костей носорогов и даже мамонтов!

А на поверхности земли находится курган с коллективным захоронением древних людей. Здесь, по предварительным подсчетам, было погребено около ста человек. Еще предстоит разгадать загадку этого захоронения! Всего же археологи ведут раскопки на территории, составляющей полгектара. Эти работы начались в 2003 году. А вообще абаканские археологи пришли на Изых еще в 1989 году, предварительно заключив соответствующий договор с руководством угольного разреза.

Между прочим, по концентрации и разнообразию древних археологических памятников с Хакасией невозможно даже и близко сравнить ни один регион России. Да что! В мире, и то таких уникальных мест едва ли насчитывается свыше пяти... Легко теперь представить, в каком регионе, богатом историей и археологическими памятниками, мы живем! Иными словами, за археологическим туризмом в Хакасии – большое, интересное будущее!

Параллельно с раскопками на Изыхской горе подобные работы ведутся и в Усть-Абаканском районе, близ бывшего племзавода "Московский" – в тридцати километрах. В 2004 году здесь начались основные раскопки Татарского кургана, по размерам и значимости сопоставимого разве что с Большим Салбыкским курганом. Кстати: Большой Салбыкский курган начали исследовать почти шестьдесят лет тому назад. Теперь вот – Татарский, расположенный недалеко от своего уникального собрата.

Здесь все работы в том году возглавлял заведующий археологической лабораторией ХГУ им. Н.Ф. Катанова – ныне директор краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова – Андрей Иосифович Готлиб, при участии представителей Сибирского отделения Российской академии наук, а также немецких археологов, которые испытывают жгучий интерес к древностям хакасской земли.

Вот и получается, что Хакасия является настоящей Меккой для археологов как Абакана, так и всего мира. Ведь в том же Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова хранятся экспонаты, взятые у хакасской древней земли, подобных которым нет и в самом петербургском Эрмитаже!

Впереди у археологов Хакасии непочатый край работы – может, на десятилетия, а то и века. То-то еще преподнесет сюрпризов ученому миру наша древняя земля!

Спят курганы темные, солнцем опаленные... Спят – и хранят, все еще хранят свои замысловатые загадки! Вот, допустим, сколько столетий ученые не могли расшифровать орхоно-енисейскую письменность? Почти целых семь столетий! Необработанное каменное изваяние символизировало умершего человека. По тому древнему времени где могло осесть слово? Только высеченное в камне. Именно таким путем письмо пришло в поминальный обряд.

Почему же орхоно-енисейская письменность долгие века оставалась неразгаданной? Ученые, ломая голову, читали ее справа налево, слева напра-

во... А эти рунические надписи единственно следовало читать... снизу вверх! Такая манера письма восходит еще к доорхонской. А орхонская, в свою очередь, на век-два древнее енисейской письменности. Однако так-то вот...

Мавзолеи, скифы... Это что-то юго-западное. Мы же пусть останемся динлинами. А вместо мавзолеев у нас – курганы под вечным небом. И пусть неизвестна еще прародина тюрок, как пропавшая Атлантида. И хакасы – пусть не прямые потомки тюрок, а, возможно, результат антропологического смешения ранних кыргызов с динлинами, потом – теми же тюрками...

Всему – свое время: найдется разгадка и этому. Русские – тоже ведь не белых чистых кровей! Я не мог внутренне не согласиться со словами доктора исторических наук И. Л. Кызласова, сказавшего, что любая нация не имеет ни начала, ни конца, и никогда не существовала в чистом виде. Это – бесконечный процесс, идущий, как река, в берегах смешения разных национальностей. Нет и не может быть, одним словом, "застывших", обособленных наций.

В земле – наши корни...

Это и буквально, и иносказательно, конечно. Словом, в истории. А история – она и на камнях писалась. Причем, и это особенно важно, в разное время. К примеру, многие считают, что наскальные рисунки, найденные в Хакасии, появились еще в раннюю железную эпоху. Увы, это касается не всех рисунков! Многие из наскальных изображений появились не так давно, в XVIII – XIX веках, и именуются шаманистскими. Почему? Да потому, что подобные художества на камне появились в качестве ответной реакции местного населения на распространение в Хакасии в то время христианского православия.

Все это и многое другое теперь доказано ею же, археологией, – наукой, вооруженной лопатой.

Тайна Кошкулакского подземелья

Сперва – присказка. Сказка – впереди... В Хакасии есть загадочное и уникальное место – долина Белого Июса. Я бывал на его берегах в районе сел Ефремкино и Малая Сыя. Оказывается, во времена оледенения, считают ученые, именно здесь, в районе Ефремкино, остановился ледник. Спустившись в долину Белого Июса, ледник перекрыл реку, и выше по ее течению на пятьдесят километров вытянулось озеро... Ледниковая подпруда, как пишет В. Е. Дмитриев, автор книжки «В лабиринтах пещер, гор и истории», образовалась как минимум 200 000 лет назад! В период оледенения темнохвойная тайга Кузнецкого Алатау "спустилась" на равнину. А это значит, что человек эры палеолита той же, допустим, соседней Малой Сыи был знаком с лесом, его обитателями: при раскопках грота Проскуракова, что расположен рядом с Ефремкино, были найдены останки мамонта, лося и бурого медведя!

Да, заселил нынешние ширинские пределы древний человек очень давно. Как пишет автор уже названной книги, находка в районе Малой Сыи позволяет с уверенностью говорить о том, что произошло это, по крайней мере, не позднее восьмидесяти тысяч лет назад. Эта территория не пустовала и несколько тысяч лет спустя (34000). Причем, что удивительно, здешнее население отличалось высокой культурой. В позднем палеолите жители древней Малой Сыи, например, читали не только звездное небо, но и календарь. А ведь для его создания нужен был огромный опыт наблюдений и, что не менее важно, интеллект!

Отроги Кузнецкого Алатау, расположенные в Хакасии, до сих пор таят много загадок, особенно подземных. От Малой Сыи по дороге в Ефремкино встретится вам пещера Ящик Пандоры. В свое время нашлись энтузиасты разбирать ее завалы. В пустотах был найден глиняный горшок, которому, как оказалось, около двух тысяч лет! Значит, древние люди обитали в гротах этой пещеры. Воодушевленными "копателями" было пройдено под землей... тринадцать километров! Сейчас, чтобы преодолеть (в темноте!) это расстояние, требуется не менее двух суток. Ящик Пандоры теперь – вторая по длине пещера Сибири. И она – у нас под боком, в Ширинском районе.

Как временное убежище, древними людьми использовалась и пещера Археологическая, расположенная в километре от устья реки Малая Сыя. Найдена она была, как и Ящик Пандоры, по куржаку над заваленным скалами входом... Осмотр грота поразил первопроходцев. Пол его был "умощен" глыбами, между которыми виднелись кости. За пять последующих лет в этой пещере было найдено и около десятка черепов древних людей.

В середине же Археологической исследователи подземелья наткнулись на четыре кострища, вокруг которых валялись кости различных диких животных и костяной наконечник гарпуна. Дальше – больше. Найден был и наконечник стрелы, и не какой-нибудь, а бронзовый.

Как же в свое время образовалась скальная преграда при входе в пещеру? Наверное, однажды произошел каменный обвал, и это временное убежище стало семейным родовым склепом.

А теперь от присказки, создавшей вам определенное настроение, к сказке...

Естественно, я в этих пещерах не был и вряд ли буду. Все сказанное – зеркальная выборка из приведенной книжки В. Е. Дмитриева. Что с того? Меня просто заинтересовала эта "подземная тема", и ее продолжение я случайно нашел года три назад в одной из газет, в других источниках. И больше всего сами дальше поймете – почему, привлекло мое внимание аномальное Кош-кулакское подземелье.

...Оно расположено в этих же краях – правда, несколько в стороне от на-

званных пещер. Кошкулак с хакасского переводится очень красиво: парные ушки. Есть и другая интерпретация названия – ушки горы. И действительно: на склоне этой Кошкулакской горы находятся два входа, которые практически сразу соединяются в общую горизонтальную галерею, выводящую в обширный грот. Мне приходилось бывать в подобной пещере, расположенной в скально-меловой горе близ Анталии, на берегу Средиземного моря.

Внешне Кошкулакская пещера – безобиднейшее место, как, впрочем, и ее название, тоже ничего тяжелого не обещающее... Ну, есть в подземелье вертикальные колодцы. В первом гроте, у сталагмита – скопление угля, из которого, правда, торчат... кости. Одно закопченное место, другое, третье... Обгоревшая береста. Значит, в пещере временно (или постоянно?) тоже обитали древние люди. По кострищам, углю, костям можно догадаться, что здесь ими было съедено очень много мяса. Скорее всего, на этом месте нашими предками совершались какие-то культовые приношения. Возможно, духам гор?

А может, сталагмиту, внешне очень похожему на фаллос, который многими народами боготворится как символ рождающего начала природы? Одно точно: как показал радиоуглеродный анализ углей, эти подношения, в том числе и человеческие, совершались в Кошкулакском подземелье более двух тысяч лет назад.

Все это более-менее объяснимо... А дальше начинаются тайны, которые, конечно, тоже можно объяснить, в свою очередь, аномальностью этого древнего горного места. Об этом с уверенностью говорил мне одно время Сергей Михайлович Тотышев, сотрудник ХакНИИЯЛИ, трижды побывавший на Кошкулакской вершине. Сами-то тайны, конечно же, объяснить можно... Но почему они устойчиво имеют одни и те же образы-призраки, одинаково действующие на психику совершенно разных людей? Людей, побывавших (осмелившихся побывать!) в Кошкулакском подземелье, причем в совершенно разное время?!

Вот ведь какой темный ларчик – эти Парные ушки! О Кошкулакской пещере уже много веков идет недобрая слава. В переводе на русский – с какого-то, правда, неведомого мне языка, она называется еще "Пещера Черного дьявола".

Прибегну к одному из газетных источников, где было сказано: "Инициатива научного исследования Кошкулакской пещеры и вообще мест, где есть следы древних культовых площадок с аномальными свойствами, принадлежит директору Новосибирского института клинической и экспериментальной медицины академику АМН СССР В. П. Казначееву".

В конце лета 1989 года состоялась экспедиция ученых этого института в загадочную и зловещую Кошкулакскую пещеру с грудой полуистлевших чело-

веческих и звериных костей. Эта экспедиция была шестой по счету. Участники ее тоже заметили существование необычных явлений.

Вот пример. Ученый А. Каманов, участник еще пятой экспедиции, приводит рассказ старшего научного сотрудника ИКЭМа А. Трофимова, не раз спускавшегося в эту таинственную пещеру: "Вдруг мне стало как-то не по себе, возникло чувство тревоги. Волнение нарастало. И вот я, который никогда не был трусом, уже трясусь весь, как осиновый лист. Панический страх! А чего боюсь – сам не знаю. Потом ребят расспрашивал: с ними происходило то же самое".

О подобном сообщил и И. Барановский, участник шестой экспедиции: "Побывавшие в Кошкулакской пещере рассказывали мне, выдавшему виды, не менее удивительные истории. В какой-то момент их вдруг охватывал беспричинный панический страх. Забывая обо всем, бросая снаряжение, люди со всех ног мчались, обгоняя друг друга, на выход, к свету.

Уже потом, придя в себя, никак не могли объяснить: что же случилось? А ведь это не новички – бывалые спелеологи, которые на своем веку повидали пещеры куда посложнее этой!"

Повторяюсь: в Кошкулакской пещере я не был и вряд ли буду. Но, хоть и в самолете, хоть и краем, я целых двадцать минут летел над ночным Бермудским треугольником – известнейшим аномальным местом Атлантического океана и всего мира, и мне знакомы чувства, испытанные учеными, только уже в Кошкулакской пещере: та же тряска, тот же необъяснимый страх...

Чем больше ученые интересовались пещерой, тем чаще они встречали людей, испытавших на себе ее магическое воздействие. А что же сами ученые мужи? Они тоже "имели" это паническое влияние подземелья. Тот же И. Барановский сообщает: "Было это еще в 1985 году. Сотрудник нашего института Константин Бакулин с группой спелеологов обследовал гроты Парных ушек. После нескольких часов работы люди потянулись к выходу. Константин шел последним. Закрепил веревку на специальном поясе, обхватывающем грудь, и приготовился к подъему.

Вдруг он почувствовал на себе пристальный взгляд... Первое побуждение было – бежать! Но ноги словно оцепенели. Посмотреть, что творится за спиной, было безумием. И все же, будто в состоянии гипноза, повинувшись чьей-то чужой воле, он повернул голову и увидел... пожилого шамана. Метрах в пяти. Развевающиеся одежды, мохнатая шапка с рогами, горящие глаза и плавные, зазывающие движения руками: мол, иди, иди за мной!

Бакулин безотчетно сделал несколько шагов вглубь и тут, словно сбросив чары, начал отчаянно дергать за веревку..." Больше, сообщает далее И. Барановский, Бакулин в пещеру не спускался, но еще долго шаман являлся ему во сне и... звал с собой!

В Кошкулакской пещере рядом с гротом скелетов соседствует грот Призрак, в котором, как свидетельствует уже названный нами А. Каманов, находится хозяин грота, который наказывает нарушивших его покой тем, что является им во сне, а то и наяву в образе человека в диких развешенных одеждах и жестами манит смельчаков вглубь.

Недаром в разговоре со мной о тайнах Кошкулакской пещеры Сергей Михайлович Тотышев обронил: "Вот почему спелеологи, да и все, кто решился-таки спуститься в это загадочное подземелье, должны идти в одной связке. Поодиночке спускаться в колодец нельзя: хозяин грота уведет ..."

"Если сам факт галлюцинаций можно еще как-то объяснить, – замечает А. Каманов, – необычностью обстановки, давящей на психику атмосферой замкнутого темного пространства, – то что стоит за повторяемостью одних и тех же видений разным людям, особенно – во сне?!"

Что?..

Ледник, в свое время остановившийся на ширинской земле в этом аномальном месте, назадал людям многих поколений слишком немало темных вопросов. Но, может быть, это не зря? Может быть, это и хорошо, что не все в подлунном мире можно пока объяснить?

Чудеса ведь от объяснения тускнеют...

Так пусть тайное и останется тайным. По крайней мере, пока. Всему – и явному, и тайному – отмерен свой срок на Земле.

«Хуртуях-тас», себе дарованная

«Хуртуях-тас»... Сравнительно невысокая стела, всего 3 метра 2 сантиметра, из них 90 сантиметров – под землей. Серый, с оттенком красной глины, цвет. Этой стеле неизвестно, сколько веков, хотя Э.Б. Вадецкая и другие археологи датируют подобные памятники Окуневской культурой, т.е. началом второго тысячелетия до нашей эры. Остается удивляться, как «Хуртуях-тас», состоящая, в принципе, из спрессованного песчаника, сохранилась на ветрах времен, под дождями, на морозе и в зной до наших дней. Сейчас ее вес составляет ни много, ни мало – 2 тонны 608 килограммов. Нет, об этой стеле не скажешь, что с нее сыплется песок!..

Изваяние зафиксировано было, как сообщает в своем проспекте Л.В. Горбатов, научный сотрудник МУ «Анхаковский муниципальный музей под открытым небом «Хуртуях-тас», в 1722 году Даниилом Готлибом Мессершмидтом. Действительно, в описаниях путешественников и ученых, начиная с восемнадцатого века, часто встречается упоминание об «Улуг Хуртуях-тас» и обрядах, проводимых около Матери Матерей. В каждом из этих описаний говорится о том, что каменная Хуртуях – Великая Богиня, и с ней нужно обходиться соответственным образом.

Современный обряд заключается в следующем: как и прежде, нужно обойти вокруг изваяния три раза, открыв к нему свои ладони, и обратиться с почитанием к Великой Матери Матерей. После этого следует положить в траву, к ее ногам, принесенные подарки. Местные жители утверждают, что пищей она может воспользоваться, когда ей заблагорассудится. Удивительно то, что обряд поклонения за века не претерпел серьезных изменений. Еще в доисторические времена охотники и путники останавливались возле «Улуг Хуртуях-тас» для неперенных поклонов Богине. А желающие иметь детей обходили древнюю скульптуру три раза и обращались к ней с молитвой: «Наша Белая каменная Мать! Все звери имеют детей, Все птицы имеют детей, Все рыбы имеют детей, У всех людей есть дети, У меня одной нет ребенка... Помоги мне стать матерью!»

Это происходило в незапамятные времена, на берегу зеленоглазого Абакана, вблизи нынешнего аала Анхаков... И Великая «Хуртуях-тас» откликалась! Тому есть тьма примеров, в том числе и современного летоисчисления. Но то было, когда Великая каменная бабушка стояла на своем историческом (родовом!) месте, в Аскизских степях... Но она стала совсем другой – злой и непредсказуемой, когда по воле людей, признающих только одно пространственное и временное измерение на Земле, то есть которое мы видим и ощущаем своим зрением, слухом, осязанием и обонянием, была перенесена со своего знакового магического места в стены реального музея – Хакасского республиканского... И вот тут-то «Хуртуях-тас», с виду молчаливая и недвижимая, вдруг «заговорила», тем самым грозно дав понять людям, что есть еще и другой, параллельный мир, откуда она пришла и какой она мистически представляет! Нет, люди, конечно, его не видят, но вот она-то и есть его земное олицетворение. А чтобы это было понятно реальным посетителям музея, Богиня устроила настоящее светопредставление.

А случилось это... случилось это в начале девяностых годов XX века – будто «Хуртуях-тас» почувствовала скорое свое освобождение из кирпичных стен музея – туда, под открытое Космосу и Ей небо! И она решила ускорить свое освобождение, как бы сама себе даруя возвращение «на круги своя». Я тогда, работая заведующим отделом культуры республиканской газеты «Хакасия», и совсем не атеистически относящийся к горной мистике духов древней земли, на волне поднявшегося шума по долгу службы и по душе поспешил к месту удивительных событий. Вскоре на свет появилась заметка примерно такого содержания...

«В Абакане, республиканском краеведческом музее, случилось то, что можно сравнить, наверное, со светопредставлением. В зале древнего искусства Хакасии буквально «заговорили» с посетителями монументальные ка-

менные изваяния. Некоторые, особенно эмоциональные люди, перед седьмым каменным изваянием «Хуртуях-тас» вдруг начинали чувствовать резкое беспокойство, слышать степной нарастающий гул, ощущать явственное покалывание между пальцами... А на одну посетительницу каменный идол (так тогда и написал!) произвел такое впечатление, что она упала на колени и... по-волчьи завывала!..

Предварительное исследование показало, что древние монолитные изваяния обладают мощным магнетическим полем. Остается тайной, что заставило заговорить камни...

Могу свидетельствовать: при встрече с упомянутым изваянием у меня онемели коленные чашечки, появилась острая, прокалывающая боль в плечах. Правда, до крика не дошло. Но другие-то кричали...

Я поспешно покинул зал».

Эта публикация моя, рассказывающая об удивительном случае в краеведческом музее, каким-то образом была перепечатана тогда в Горно-Алтайской газете... Сейчас к этому я бы добавил следующее. Выйдя тогда из музея, я вспомнил вдруг одно из произведений М. Е. Кильчичакова, которое так и называется «Ожившие камни»! Он, выросший в десятках километров от аала Анхаков, что, знал или пророчествовал по поводу камней, которые «ожили» или «оживут»?! Как тут ни рассуждай-домысливай, а факт остается фактом. Ну, а насчет эмоциональных людей... О них стоило сказать (фигурально) гораздо выше: это люди, имеющие скрытую связь с Космосом. А значит, с другим, пусть и виртуальным, но энергетическим миром. Ведь про «не эмоциональных», людей-интеллектуалов еще Владимир Маяковский сказал вполне однозначно: «Кто ясен, тот просто глуп». Так-то, вот, мол!

Насчет того, что я тогда каменную старуху обозвал «идолом», мне откликнулось уже в наши дни, но об этом – чуть ниже.

А пока... В конце июля я вместе с коллегами и своей семьей побывал в аале Анхаков, на встрече с Великой «Хуртуях-тас», в наши дни вернувшейся на свое исконное историческое (и магическое!) место. К стеклянному, открытому всем сторонам света, павильону, где царствует Богиня, ведет асфальтовая дорожка. Несколько ступенек вниз, уже внутри светлого павильона, – и вот мы у ног Матери Матерей. Здесь, на траве у изваяния, – конфеты, баночка с молоком, печенье, сувениры... И тебя пронзает такое ощущение, что ты сейчас находишься под присмотром всепроникающего мощного каменного духа.

Памятник «Улуг Хуртуях-тас» признан чудом Хакасии и является одним из наиболее посещаемых в республике музеев под открытым небом. Инициатива возвращения этого памятника старины исходила от совета старейшин ха-

касского народа. В 2003 году сюда, в Сагайскую степь, и вернулась Мать Матерей. Воздействие влаги и мороза губительны для скульптуры, высеченной из хрупкого и подверженного эрозии спрессованного песчаника. Поэтому для сохранения уникальной стелы в степи требовалось построить какое-то закрытое сооружение.

... Сейчас я стою со своими спутниками внутри павильона, у каменной бабушки, и даже не представляю, сколько специалистов разных направлений трудилось над разработкой этого выставочного павильона! Ведь нужно было выполнить множество требований: выдержать традиционный хакасский стиль, учесть пожелания шаманов, ученых, инженеров, геофизиков, почвоведов, климатологов, искусствоведов, музейных сотрудников, местных жителей, наконец!.. Учесть, чтобы ненароком снова не «запереть» священную силу и не навредить магической скульптуре!

... Я напряженно вглядываюсь в фигуру Богини. Лицо олицетворяет верхний мир, Космос... В средний мир, короткий, символизирующий наше пребывание на Земле, перетекают из мира верхнего, молочные реки. Ниже пояса уже царствует мир подземный, «правильный», как считает Каменная бабушка. Здесь разлилось молочное необъятное озеро. Кто, по преданию, имеет в земной жизни мало грехов, тот, омывшись в этом озере, омолодится душой, и примет новый образ жизни – загробный...

Нашим гидом по музею стала Галина Тюкпиекова, педагог по образованию, музейный сотрудник по душе. Она многое порассказывала нам о Хуртуях-тас, чего не найдешь в проспекте, который является все-таки официальным документом.

– Матери Матерей для задобрения ее духа приносили на ритуальный стол жертвенного барашка – белого, с черной щекой. Сейчас этот обряд остался только в народной памяти...

В день музей под открытым небом посещают где-то до двухсот человек, в выходные дни «главенствуют» новоявленные супружеские пары – до восьми и более. «Вот до вашего приезда, в субботу, у нас тут было десять молодых пар, – говорит Галина. – Прося у Хуртуях-тас детей, они обязаны искренне верить ей. Не редкость тут и те супружеские пары, что прожив многие годы, так и не смогли завести сына или дочку. Они молят об этом Богиню, и есть случаи – она им помогает!»

Галина – живая, расторопная, не жадная на исповедальные истории, связанные с Матерью Матерей, скоро ушла в служебное помещение, чтобы снова явиться перед нами в традиционном хакасском женском наряде. И стало сразу как-то теплее, уютнее, сказочнее в музее, и она сама, довольная собой, с искренней улыбкой повела нас на воздух, к очень своеобразному шаман –

дереву: высоченному кряжистому тополю, который стоит чуть поодаль, за бревенчатым навесным мостиком через оросительный канал, заросший по краям сочной зеленой травой.

– Вот, смотрите, – указала она на могущественный тополь, – это чудодейственное дерево, которое, как и сейчас, стояло когда-то рядом с Хуртуях-тас под этим просторным степным небом. Но тогда оно, не одно столетие назад, было небольшим, а сейчас – четыре метра в обхват! Обязательно надо под держаться двумя руками за его кору: перестанет, если болит, болеть голова, в норму придет пониженное или повышенное давление.

...Светило жаркое степное солнце. Яркая национальная одежда на Галине шелковисто отблескивала своими «загоревшими» оранжевыми, малиновыми, золотистыми, изумрудными цветами, больно бьющими даже в зажмуренные глаза. Особо выделялось своей яркостью синее пого... Галина, довольная произведенным впечатлением, улыбалась. А мы, как и многие посетители до нас, оставляли под царственным тополем монетки, чтобы по этой же сухой, протоптанной сотнями, тысячами ног дорожке, однажды снова посетив Богиню, смогли подойти и сюда, к этому кряжистому шаман – дереву...

Ну, а теперь обещанный эпизод, связанный с тем, что я когда-то Великую каменную Хуртуях-тас назвал «идолом». Она обиделась! Видать, не только таким словом недопустимо прикасаться к Богине. К ней прикасаться, уже в буквальном смысле слова, запрещают легенды, таким образом оберегающие ее во все времена. Местные жители не помнят того, чтобы ее мазали какими-нибудь веществами... И вообще: любое прикосновение к святыне накладывало на человека дополнительные обязательства. А я вот не только когда-то прикоснулся к ней незаслуженным словом «идол», но и сейчас, при новой встрече, опрометчиво не виртуально, а реально уже прикоснулся к ней, да еще двумя руками! И последующие факты моего пребывания на территории этого музея я волей-неволей связываю с этими двумя своими оплошностями. Как бы там ни было, но вскоре, выйдя из павильона и направляясь к шаман – тополю, я потерял, да и все тут, ручку, которой заносил в блокнот интересные не только мне факты. Потом, перед оросительным каналом, у меня упал и опасно стукнулся о камень сотовый телефон. Ну, а еще, если хотите, вдруг ни с того, ни с сего, пропал и сам блокнот – размером с ладонь всего... Что, скажите, было думать мне? Конечно, я все эти «проделки» отнес на действия загадочной (и злопамятной, получается?) Хуртуях-тас. Между тем я места не находил себе, ища свою журналистскую пропажу... Обойдя не один круг по местности с выжженной травой у павильона и на том берегу, где разбросал многолетние ветки-сучья шаман-тополь, показавшийся мне теперь тоже не в меру загадочным, я наконец-таки нашел свой блокнотик в его корнях, поросших пикулями...

Наверное, своими действиями, бывшими и нынешними, я подвиг Хуртуятас к ответным, которые она посредством своего мощного магнетического поля применяет к человеку, так или иначе прикоснувшемуся к Ней, – то есть накладывает на него какие-то свои дополнительные обязательства. Если я, паче чаяния, заслужил их, – Бог даст мне силы быть достойным их земного исполнения.

Музей: ожившие идолы

...Во время визита бывшего президента СССР М.С. Горбачева в Хакасию планировалось посещение им краеведческого музея в Абакане. Люди, отвечающие за охрану президента, осмотрели каждый уголок музея: все было готово. Но посещения не состоялось. Почему? Оказывается, в самый последний момент (посредством СЭС) было выявлено: в музее – высокий фон радиации, особенно в зале монументальных каменных изваяний. Вполне возможно, не это стало главной причиной срыва посещения. Но именно тогда была обнаружена в стенах краеведческого музея радиация.

Август 1990 года. Музей посетила художница из Алушты. Она впервые тогда и почувствовала, что от каменных изваяний исходит какая-то сила. «Можно, я поговорю с ними?» – обратилась она к научной сотруднице, природоведу Л.Г. Угдыжековой. А потом высказала такую гипотезу. Хакасия – место древней цивилизации. Люди, умирая, оставляли свое тело в курганах, душу – в небе, а ее энергию – в изваяниях. Поэтому они и «заговорили» с людьми. Но почему тогда столько лет молчали? Тут резонно задать и встречный вопрос: а кто у нас, скажите, до этого открыто поднимал проблему о существовании биополей? Или изваяния «заговорили» потому, что попали под крышу и лишились непосредственного контакта с Космосом? Их, наверное, это возмущает, и они таким вот образом сигналият об этом.

Январь 1991 года. В краеведческом музее побывала экстрасенс международного класса З.С. Горелова. Уже с порога она ощутила в себе возрастающее беспокойство. Потом услышала гул. Началось покалывание между пальцами. «Я ощущаю влияние каменных скульптур на себе, – сказала она. – Они обладают каким-то огромным биополем. Возможно, со временем могут обрушить и потолок здания». (Кстати, он тогда был весь в трещинах, подтекал).

Сентябрь 1991 года. Музей посетил художник из Киргизии Ж. Кадрамов, изучавший наскальные рисунки. Когда он оказался в зале каменных изваяний, его начало раскачивать, появилась зевота, из глаз брызнули слезы. Он никак не мог объяснить, какая сила воздействует на него.

Декабрь 1991 года. Подобные же признаки «подмены себя» ощутил в зале древнего искусства Хакасии народный целитель П.В. Шигалаков. На этот счет

он высказался более определенно: «Нельзя держать столько много каменных изваяний в одном зале. Их суммарная энергия огромна. Люди могут заболеть».

Тем, что вдруг стало происходить в музее, заинтересовался тогда доктор исторических наук, профессор Яков Иванович Сунчугашев. С помощью специального прибора (я был у него в кабинете, и он его демонстрировал), ученый определил огромное биополе каменных идолов. Больше того: выявился переклест биополей всех изваяний, некий их вихрь.

Февраль 1992 года. Я. И. Сунчугашев пришел в музей с геофизиком В. Фоминых. При помощи магнитомера они замерили магнитное поле зала каменных статуй. Стрелку резко зашкалило. Но прибор сломанным не был. Выйдя на улицу, они убедились в этом.

Март 1992 года. Рассказывает Л. Г. Угдыжекова:

– На экскурсию пришли члены клуба биоэнергетиков из Абакана. Я, как всегда, проводила экскурсию. Вдруг уже в зале каменных изваяний, за спиной, я услышала внезапный не то крик, не то вой. Обернулась: одну из женщин сильно качало. Она упала на колени перед древним изваянием и продолжала рыдать и буквально выть.

Другая женщина вдруг спросила себя вслух: «Что со мной?». И стала отряхивать пальцы, как будто налипло что на них. «Мне хочется кричать!», – выдавила она.

Из зала эта женщина вышла вся в слезах.

Спустя некоторое время женщины эти вернулись в заколдованный зал, и у скульптур «Ким-Тас» и «Хуртуях-Тас» оставили березовые веточки, «покормили» Каменную старушку и Каменную лодку. Затем помолились за то, чтобы древние духи не наказывали их за неожиданное вторжение в зал.

После этого случая Я. И. Сунчугашев решил создать комиссию из ученых, которые бы на научной основе выяснили, что же происходит с музеем? В комиссию вошли геологи, геофизики, этнографы, представители санэпидстанции. Они старались найти общий язык с древними духами, поселившимися в каменных изваяниях, но ничего из этого не вышло: менгиры требовали своего возвращения на исконные места под открытым небом.

...С Людмилой Георгиевной Угдыжековой, сами понимаете, не без мистического волнения, вошел я тогда в зал монументальных каменных изваяний. (Это было еще до переноса Хуртуях-Тас на ее исконное место – авт.) У Каменной лодки вижу засохшую березовую веточку... «А Каменную старушку, олицетворяющую женское плодородие (символ материнства), – говорит моя спутница, – недавно «поили молочком».

Верить или не верить? Верю, что взрослые люди в детский садик в музее играть не станут. Значит (вглядываюсь в каменные глаза старушки), в ней что-

то есть? И тут у меня немеют коленные чашечки, а плечи прокалывает методичная резкая боль.

Прикасаюсь рукой и лбом к каменному изваянию. Холода камня не ощущаю.

– Я вам расскажу короткую историю о «Хуртуях-Тас», – полушепотом почему-то говорит Людмила Георгиевна. – Одна женщина долго страдала бесплодием. Пришла сюда, разговаривала с ней, покровительницей женского плодородия. Она ей послала сына ...

... Спустя месяц я сделал публикацию в республиканской газете (потом эту заметку перепечатали в одной Горно-Алтайской газете), где были такие слова:

«В Абакане, в республиканском краеведческом музее, случилось то, что можно сравнить, наверное, со светопреставлением. В зале древнего искусства Хакасии буквально "заговорили" с посетителями монументальные каменные изваяния.

Некоторые, особенно эмоциональные люди, перед седьмым каменным изваянием "Хуртуях тас", вдруг начинали чувствовать резкое беспокойство, слышать гул, ощущать покалывание между пальцами. А на одну посетительницу каменный идол произвел такое впечатление, что она упала на колени и ... завывала.

Предварительное исследование показало, что древние монолитные изваяния обладают мощным магнитным полем. Остается тайной, что заставило заговорить камни...

Могу свидетельствовать: при встрече с упомянутым изваянием у меня онемели коленные чашечки и появилась острая боль в плечах. Правда, до крика дело не дошло. Но другие-то кричали... Я поспешно покинул зал».

Чьи руки прикоснулись к Ергакам?

Ни для кого не явится открытием, если скажу: есть мир реальный, а есть мистический. Ергаки в высшей степени имеют и то, и другое измерения. Не торопитесь иронично улыбнуться: всему свое время.

... Впервые я увидел Ергаки, Ойское озеро в 1975 году, когда с одноклассником проехался до Кызыла, второй раз – с отцом и матерью на «Жигулях», и уже со своей семьей – в 1981 году... Потом были частые поездки в Кызыл, где живут наши родственники. Теперь Ергаки для меня – не только зубчатые горы, но и одноименный природный парк. И надо же было именно здесь разбиться на вертолете губернатору Красноярского края Александру Лебедю!.. Я видел «бугорок» на проводе линии ЛЭП, поперек тянущейся над дорогой Абакан – Кызыл. На высоте всего лишь нескольких метров (!) лопасть заднего

винта «хватила» именно в этом месте, как раз над дорогой, натянутый провод, и вертолет кувыркнулся на мерзлую землю... Реальная история, но произошедшая – нет, не в аномальной, а действительно мистической зоне, о чем речь ниже...

Но сперва – о реальном ландшафте Ергаков, какой мы привыкли видеть из окна автомобиля, автобуса ли, или непосредственно сами побывав в этом высокогорном отдаленном месте.

Ергаки, по сути, находятся почти на середине Усинского тракта, связывающего Хакасию и Туву. Сейчас это место стало достопримечательностью: здесь находится горно – лыжная база отдыха «Ергаки». Столько людей, в том числе и знакомых, бывает там! Почему бы не съездить и мне? И вот я – в краю ослепительно белого снега, тишины и вечнозеленых елей.

Перед этим, еще в Абакане, счел, конечно, нужным поинтересоваться у Виктора Викторовича Верьясова, хозяина турбазы, с чего все началось, как вдруг возникла в горной тайге такое шикарное место отдыха?

– Все произошло случайно, – объяснил он. – Как-то раз мы с друзьями, прихватив лыжи и сноуборды, отправились было покататься на Гладенькую, но узнали: база на время закрыта. Не терять же выходных! И покатали на машинах на Ергаки. У обочины дороги, где находится дорожный участок, смотрим, стоит мужик со снегоходом. Он сказал: «Здесь, парни, отличное место для активного отдыха!» Мы действительно весело провели день на Ергаках. Уже на обратном пути решили: построим тут домик, баньку и будем каждый выходной приезжать сюда отдыхать! Какая здесь природа, какой воздух и Ойское озеро – рукой подать!..

Это было самое начало. Вскоре Виктор Викторович решил построить на облюбованной заимке несколько домиков для отдыхающих. Для этого надо было получить разрешение главы администрации Ермаковского района Б.И. Ситникова. Визит к нему обернулся удачей, и в Ергаках дело, как говорится, пошло в гору.

– Правда, к нам часто, бывало, подходили старые альпинисты и говорили: «Ничего у вас не получится!», – вспоминает Верьясов. – Но мы считали по-другому. Ведь Усинский тракт – место хоть и отдаленное, но оживленное. Тут постоянно курсируют автобусы в Туву, Монголию. Непременно найдутся поклонники горных лыж и сноубордисты, сторонники активного образа жизни. Ожидаемое произошло!

... В тот свой предвесенний приезд на турбазу «Ергаки» я встретил у ее ворот десятки машин – как оказалось потом, – из Абакана, Кызыла, Кемерово, Красноярска, Новосибирска... На мангалах румянились в легком дымке шашлыки, топилась баня, шум, смех и визг стоял у двух подъемников на вершину

лыжных трасс протяженностью в полтора километра каждая... В нескольких деревянных домиках, в том числе и двухэтажном, я уже знал, проживает до 150 человек ежедневно. А вечером в кафе было праздничное застолье и дискотека. Вышел на свежий воздух – над головой острая луна, мохнатые звезды, таежная темень ночи и светящиеся снега. И как-то не верилось, что теперь на Ергаках – одна из главных баз тренировки сборной России по зимним видам спорта, в том числе и олимпийских спортсменов. А летом здесь – одно- и многодневные пешие походы в «Каменный город», на горные озера и ключи... И все это началось совсем недавно – тогда, в 2003 году, случайно...

– Теперь я бываю на турбазе с друзьями практически каждый выходной, – говорит Виктор Викторович. – Покатаешься с гор, смоешь усталость в баньке – и заряд бодрости на всю рабочую неделю!

... Уезжая, я успел поговорить со многими отдыхающими: золотодобытчиком из Магадана (!), актером из Первоуральска, молодой мамой с двумя детьми из Кызыла, группой студентов из Абакана, медвежатником из Горной Шории, случайным московским знакомым, приехавшим с женой сюда «за экзотикой», и стало и без того понятно: у Ергаков – надежное будущее.

Но, оказывается, у Ергаков есть и тайное, даже эзотерическое прошлое!

... Из откровения посвященного Тибетского Ламы Лобсанга Рампы: «Из Лхасы... мы двигались все время на север. Сколько дней продолжалось наше путешествие? Отсчет времени потерял для нас значение... И все это время в пещерах Тибета было сокрыто Знание. И все это время среди гор..., далеко на севере..., находился заброшенный, никем не охраняемый город, в котором были погребены самые ценные в мире Знания. Этот город ждал, пока в него придут те, кто сможет понять их и воспользоваться ими. И когда они пришли, их взорам открылся ЛЕЖАЩИЙ... ЧЕЛОВЕК». Эта выдержка из откровений Тибетского Ламы приведена в одном из выпусков журнала «Приключения. Открытия. Путешествия», посвященном Ергакам. Выпуск полностью называется так: «Ергаки» созданы руками человека. Человека Великой Цивилизации».

Не спешите иронично улыбнуться про себя! Именно в Сибири, на юге Красноярского края, в горах Западного Саяна, и находится горный массив Ергаки. Визитной карточкой этого нагромождения причудливых скал на площади свыше 100 квадратных километров является он, «ЛЕЖАЩИЙ ЧЕЛОВЕК», иначе говоря, – скальное образование под названием «Спящий Саян». Со всех сторон явно видно, что это фигура человека. Лоб, горбатый нос, как у индейца, подбородок, губы, прямые волосы. Какое-то нагромождение камней можно интерпретировать как сложенные на груди руки, а дальше торчащие скалы – как ноги. Даже на расстоянии 20 километров (!) легко определить, что

форма лица «Спящего Саяна» не является случайным сочетанием отдельных скальных образований. По своим размерам он сопоставим разве что с «марсианским сфинксом»: и у того, и у другого лица обращены к небу. Сколько загадок, но и сколько удивительных совпадений!

Стена «Спящего Саяна» словно «охраняет» одну из крупных глыб, название которой знает любой старожил этих мест. Он, как и карта, скажет, что перед нами – горная фигура «Мать Саян». Эта (природная ли?) скульптура не меняет своих очертаний века!...

Тибетский Лама говорит о заброшенном, никем не охраняемом городе, в котором погребены самые ценные Знания. А вспомните, как еще иначе называют горный массив Ергаки? «Каменный город»! И за этим кроется тайна, открывающаяся лишь посвященным... Но она доступна и простому человеческому взгляду!

Здесь, на 614-м километре федеральной автомобильной дороги «М-54», в трех километрах от Усинской трассы, сотрудниками географической экспедиции НПО «Геоэкология» обнаружено гидротехническое сооружение – плотина искусственного происхождения, которая перегораживает горный ручей... Форма плотины в плане такая же, как и у Саяно-Шушенской ГЭС! Это сооружение имеет дугообразный, выпуклый в сторону истока ручья, внешний вид. Протяженность дуги – 750 метров, ширина у основания – 150 метров, на вершине – 50 метров, высота – до 40 метров. Это почти половина высоты Красноярской ГЭС! При этом плотина на Ергаках перегораживает русло ручья, как и положено, в узком месте. «Если эту искусственную плотину построили, то Кто и Когда?!» – задается вопросом автор Д.Т. Туэло. Учитывая максимальный возраст растущих здесь кедров (120 лет) и плюсуя годы уже отживших и сгнивших стволов деревьев, то получается, что плотина в Ергаках построена не позже 1585 года. А вот на вопрос «Кто?» пока можно с изрядной долей уверенности ответить: явно не пришлые казаки, не кочевники-хакасы хана Кучума, не тувинцы и не киргизы, ушедшие с берегов Енисея на лошадях и верблюдах на дальний юг... Но кто-то владеющий «тяжелой горной техникой».

Но никаких признаков подъездных путей экспедиция не обнаружила, да и вообще есть ли на свете марка экскаватора или крана 500-летней давности, что способны поднять ... 500 тонн?! Между тем остатки искусственной плотины – реальность, и она держала в свое время объем воды 22 500 тысяч кубических метров! Для наглядности: этим количеством воды можно напоить в течение года 170 000 человек! Так познаваем ли до конца реальный мир, если его познавать только реальными мерками?

Дальше. В трех километрах от этого гидротехнического сооружения, на высоте 1660 метров, находится «Висячий камень». Все туристы, бывавшие на Ергаках, непременно были и здесь. Огромная глыба, прозванная лягушкой, весом около 500–600 тонн, стоит на ребре, да еще покатою (!) плоскости и, кажется, тронь пальцем – ухнет вниз, сметая все на своем пути перед обрушением в пропасть. Но этого не происходит, хотя желающих спихнуть глыбу, даже с помощью 10-тонного домкрата, более чем достаточно... Эта фигура, как и другие скальные образования («Парабола», «Кит», «Дырка от бублика», «Черепаша», «Крокодил», «Кот», «Арка», «Дьявольские башни» и т.д.), вовсе не игра природы. Они, изваяния, созданы Разумом.

Каким?..

В моем книжном шкафу есть объемное издание: «Тайная доктрина» Е.П. Блаватской. В этом эзотерическом труде, в разделе «Антропогенезис» (том 4), читаю: «... Кто же, если не великаны, могли когда либо поднять подобные массы... и распределить их в... порядке..., и установить их на такой точке равновесия, что кажется..., они едва касаются земли... Самые огромные среди них являются, очевидно, реликвиями атлантов...». И то: если сейчас на Земле есть лилипуты, то почему когда-то не могли быть Великаны?

Автор выпуска «Приключения. Открытия. Путешествия» ссылается на Г. Бореева, Д. Сора, М. Шазалья, всем известного писателя В. Гюго, которые тоже свидетельствовали в пользу древних цивилизаций гигантов, обрабатывавших горы своими руками. Это период 10 000–13 000 лет до н.э. Самое приемлемое свидетельство о том, что человеческие племена были высоко цивилизованы и руководили ими гиганты, позже объявленные богами, дает нам книга книг – Библия.

Так чьими же руками сотворены Ергаки, такие известные и неизвестные?

II. Вещая радоница

Призраки лунной ночи

*Наука подробнее изучает видимое,
но ни во что не ставит незримое.*

Хоу

Мир вокруг нас... Мы воспринимаем его через слух, зрение, обоняние, осязание, наконец. И при этом, конечно, не верим в то, чего не видим, не слышим...

Я и сам долго ни во что не верил – в те же, например, летающие тарелки. Пока однажды ее не увидел. Чувствую: кто-то сейчас улыбнулся. Ну, это надо самому увидеть, чтобы перестать быть веселым скептиком. За жизнь уже немало встречал я людей, которые сталкивались или даже становились жертвой чего-то незримого.

Одна семья, очень мне знакомая, поселилась в заговоренный дом. Бабка там жила до этого, у всех соседей коров портила дурным глазом. При покупке дома соседи предупреждали будущих жильцов об этом. Время было совет-

ское, суевериям не верили как-то. Я потом не раз и в бане-то у них мылся. И забываться предупреждение новыми хозяевами стало... Летом как-то пригласил их на берег Енисея – сальца там покоптить, порыбачить.

– Не можем, – сказала хозяйшка Надя, – в Ужур поедem на машине за младшей дочкой.

...А вечером в понедельник узнаю: не доехали они до Ужура: все трое погибли в аварии. Старшая дочка вылетела в лобовое стекло, ранена лишь была, но машина, перевернувшись, догнала ее... Это были ужасные похороны! Ох, кому было легко, без слез, смотреть на их оставшуюся младшую дочу, шестиклассницу, к которой они ехали в Ужур?!

Старухи-соседки тихо переговаривались за оградой: "Вот видишь, чо. Не жить было им тут".

Да, над этой семьей нависло призрачное черное колесо. Через год-другой и младшенькая попала под машину – правда, врачи спасли. Но я просто ужаснулся, когда через несколько месяцев узнал, что бедненькую Таню все-таки настигла злая старуха-смерть: погибла девчоночка, и именно, как и вся семья, под колесами машины. Как это вам?

В доме погибшей семьи поселились родственники, но потом быстро съехали. Этот огромный дом долго был пуст, лишь одна ставня открыта... Я каждый день, проезжая мимо этого дома, представлял его внутренние холодные, темные комнаты, и у меня замирали зрачки.

Этой истории я сам свидетель. Подобную же ей слышал лет пятнадцать назад на берегу Ои, в Ермаковском районе. Жил в доме хромой Степан. Одна нога у него была пристегнутая, деревянная. Умирая, говорил, чтобы в его доме никто не поселялся. Вроде глупость... Приехали горожане, и им дали Степанов дом. И вот, как наступала полночь, в сенях вдруг раздавался об пол стук деревянной ноги, с шумом распахивалась дверь и до утра, к ужасу въехавших в дом горожан, незримый Степан, реально стуча деревянной ногой, ходил по всем комнатам. А соседи, представьте, видели, как в это же самое время мимо окон туда-сюда скакала на белой лошади дородная мать Степана, давно умершая, скакала, при этом высоко поднимая над головой скрюченный указательный палец.

О, конечно, конечно... Съехали горожане из Степанова дома. Прошло время – поселились другие. И все повторилось. Кто-то подсказал разобрать дом и сложить его заново. Только после этого Степан прекратил являться и стучать об пол деревянной ногой. Как это понимать?

А вот одна пожилая женщина мне рассказывала, сама тому свидетельницей была. Сама! В юности умер отец у ее подруги. Мать с дочерью первые ночи боялись одни ночевать в доме. Пригласили ее. Вдруг среди ночи все

углы в доме заходили ходуном, затрещали. И на вторую ночь это повторилось! И на третью. Испугалась подружка, не пошла больше к ним. Я почему-то не могу не поверить этой истории. Зачем пожилой женщине врать-то?

А этот факт, слово в слово, услышал недавно в автобусе. Один мужчина (!) другому рассказывал, по-детски удивляясь: "Похоронили мы Сеню, да что-то при похоронах не так сделали. А тут на сорок ден собрались, только подняли стопки помянуть – стол-то как затрясется с посудой!!!"

Что-то близкое к этому слышал я раньше. Закопали старуху, а крестик нательный, как она просила, забыли ей надеть. И стала она каждую ночь у дочери просить его. Можно представить, с какой мыслью ложилась дочь спать! Пришлось раскапывать могилу и исполнить просьбу умершей (!) матери...

А перед войной многие видели: красный конь с белым дрались. Это предвещало: белый свет залит будет кровью. И ни для кого из старых людей не секрет, что к тем, кто в войну по своим ушедшим на фронт сильно тосковал, к тем ночами прилетали горящие шары с хвостами и кружились над крышей. Деревенские люди считают по сей день: это душа отца или сына с фронта прилетала домой.

С одной девочкой, которой сейчас уже под восемьдесят, в войну случилось такое. Отца убили на фронте. Но семья об этом еще не знала. Играет она с детьми в лапту – вдруг видит – живой отец зовет ее из лесу, что за огородом. Рукой машет. "Папочка!" – закричала она и, сломя голову, побежала к нему. «А то, – рассказывала она, – я разговариваю с ним прямо среди улицы, вижу его. А дети станут вокруг меня, слышат, что я разговариваю, а с кем – не видят... Мать этому не верила поначалу, потом испугалась. Лечила она меня у одной старухи."

Я вот сейчас думаю: а от чего она лечила-то ее? От чего?!

О Ванге уж не будем говорить. Уж Вангу-то, ну, невозможно не признать!

Но что непосредственно заставило меня взять и написать обо всем "этом" – так это следующий случай.

Умер мой тесть. Осенью умер. Я знал его, как каждый из вас знает близкого своего родственника... Похоронили мы Владимира Павловича. Девять дней отвели... Сорок дней еще не успели, как началось потемну странное: ведь все подобное, о чем идет речь, происходит ночами. А каково человеку одному спать в пустом доме и просыпаться вдруг от...

Словом, теща моя, Надежда Яковлевна, одна-одинешенька осталась. Приезжаем мы к ней, а она и говорит: "Ведь скажи – вы не поверите, а дед мой ночью ко мне является!"

"Как, мама?!" Мы обмерли – наверное, и за нее, и от неожиданности факта. Ведь это там у кого-то подобное происходит! А тут... в родном доме жены, ее матери. "Как, мама?"

Стали расспрашивать: "Может, вы спали, и вам приснилось?" – "Я еще в своем уме, что вы", – уже пережившая непонятное событие, отвечала она. И эта ее уверенность создавала какое-то осязаемое оцепенение.

– Сплю, это, я. Вдруг ни с того, ни с сего открываю глаза. А ночь за окошком такая лунная-лунная! Аж полосы на домотканых дорожках мне видны. И вдруг в кухне все разом, на глазах, темнеет. Слышу – в зале шаркающие шаги... Так явственно слышу! Господи, думаю. Раздвигаются тут шторы мои зеленые, и из-за них появляется... мой дед. Темно, а я его вижу. Постоял у изголовья, потом молча наклонился надо мной и начал не то к шее лезти – душить, что ли, то ли целоваться. И все – молча.

– Мам, может, все это...

– Кого там! Я, чо, придумывать буду?! Я руки-то выпятила встречь ему, а он мне вдоль моего тела их с силой сдавливает.

– О, Господи...

– Аха... А щетина-то у него на подбородке – ко-о-лючая такая! Я сопротивлялась, а сказать слова не могу! Не могу, и все. Осерчал он тут на меня, ругаться стал. Не помню, ей-Богу, не помню, как и ушел.

Мы с женой, стоя днем у этой койки и этих зеленых штор, сдерживаем дыхание.

– А... а в другие ночи – он что, тоже являлся?

– Аха... Тут два дня до вас ночью под окном кричал, просил открыть. А перед этим, не знаю кто, ночью, за ноги меня тащить пытался. Я с головой укуталась одеялом – и глаз не казала до утра. Да, а когда первый-то раз он ушел – в кухне опять стало светлехонько. Как днем! Вот такие дела у меня творятся...

В следующий раз приехали мы в деревню – у матери на всех косяках мелом были начертаны кресты...

– Мне тут бабки насоветовали сделать это. Еще вот маком порог по их совету посыпаю. И голову посыпала, только коноплей, а потом вычесывала из волос, как вшей... Говорят, помогает от силы нечистой.

– И что? Больше не приходил? – спросила, тревожно ожидая ответа, жена.

– Да, нет. Говорят, они в полнолуние только приходят. Не надо, говорят еще, привечать их, впускать, ложить рядом с собой, ласкать. Надо отталкивать их, ругать, материть даже. Тогда ходить и перестанут...

Я на минуту представил, если бы ко мне одному в пустом доме кто-то подобный пришел, как бы я с полусна, да еще в темноте, стал бы выполнять подобные старушечьи указания. Духу-то хватило бы? Вряд ли. И как на дивного человека, посмотрел на тещу: ведь она уже боролась с ним! С кем? Увы, наука не дает ответа! Почему ей-то, теще, я должен не верить? Вы верите мне?

...Когда обо всем этом пошел у нас после разговор, теща сказала: "Вот скоро родительский день. Так поминать деда надо идти на кладбище тем же путем, каким несли гроб. Ведь душа его ждет нас не у могилки, нет, так бабки сказывают. Она будет ждать родных у ворот кладбища."

Оно, кладбище, прячется на опушке, среди берез и черемух, калины, и от него видна пойма Ои, на бережку которой я слушал как-то однажды историю про того хромого Степана...

Я долго размышлял на эту тему. И когда мне на глаза попались слова английского метафизика Хоу, которые я вынес в эпиграф, – это было последней каплей, чтобы сесть и написать то, что вы сейчас прочитали.

Царь – баба

(документальный рассказ)

Слабо потрескивая, на столе горела восковая свеча... Крохотный язычок пламени мерцал неуверенно, готовый, казалось, потухнуть каждую минуту. Рядом со столом, сплошь уставленным закуской, бутылками, красовалась ярко украшенная елка. Было далеко за полночь. В окна хлопьями снега хлестал ветер и время от времени завывал в печной трубе.

За столом с красными возбужденными лицами сидели трое мужчин. Разговор между ними шел о загадочных привидениях, предсказаниях. Позы их были непринужденны, глаза блестели. Невысокого роста врач, пузатый, с большими залысинами на черепе, оглянувшись по сторонам и тяжело вздохнув, произнес:

– Что вы все про духов, призраков каких-то рассказываете... Вот был случай – прямо из жизни. Хлеще не придумаешь! Стоит мне вспомнить его, как мороз пробегает по коже.

Лица его собеседников придвинулись к огню и выражали желание тотчас выслушать историю.

– Так вот, – произнес врач без всякого перехода, – жил я тогда в далекой деревне. Практику там начинал свою. Однажды приехал к нам в деревню холостяк... По специальности он был, как вскоре я узнал, фармацевтом.

Мне надолго врезалось в память его бледное лицо, острый нос и черные, жесткие волосы. Ходил он, скажу я вам, как-то странно, все озираясь по сторонам. Взгляд был какой-то лихорадочный. Я все ловил себя на мысли, что он ведет себя так, будто за ним постоянно кто-то следит.

Так вот. Стал он работать (его Игорем Семеновичем звали) в аптеке при больнице. Село хоть и дальше, а большое было. Я, помню, обрадовался, что нас, медиков, двое стало. Ведь это, сами понимаете, хорошо и для практики, и для совместного проведения досуга.

И все бы ничего, да не было квартиры заезжему холостяку.

На окраине села у речки стоял один заброшенный дом. Все его обходили стороной. Но этот дом был единственно свободным для житья. Крыша у него местами провисла, окна смотрели угрюмо, ставень не было... Во дворе нередко бегала какая-то черная кошка, оставляя едва заметные следы на снегу, да над огородом крутилась иногда ворона и зловеще, не переставая, каркала... Калитка во дворе держалась на одной петле, и при любом порыве ветра жалобно скрипела. За домом сразу начиналось болото, усеянное сгнившими, чахлыми деревьями.

А жила некогда в этом заброшенном доме царь – баба... Она, правда, за год до приезда аптекаря умерла. Это еще при мне случилось. Так вот... Старуха эта – дородная, с глубокими морщинами на лбу, пугала многих. По селу ходила она степенно, с высоко поднятой головой, заглядывая в соседские дворы. Завидев ее в улице, люди закрывали калитки своих домов. Носила старуха фуфайку, причем даже летом. В солнечную погоду она обычно сидела дома. И только когда небо заволакивало тучами и поднимался ветерок, она выходила на улицу. Все это было, конечно, странно. Голосом старуха обладала скрипучим, сухим, взглядом – тяжелым... А прозвали ее царь-бабой не только за дородность, но и за колдовство, знахарство, которым она, говорили, занималась втайне от людей.

Так вот... На следующий день после приезда Игорь Семенович, по своему обыкновению оглядываясь по сторонам, подошел ко мне в коридоре больницы и спросил:

– Где же мне жить? Предложили, понимаете, дом у речки. Но его надо подмонтировать. Как вы на это смотрите?

Я немного был озадачен, и не знал, что сразу ответить. Потом решил, что не надо коллегу отговаривать... Хотя, признаться, сам бы я не пошел в этот дом, хорошо зная его бывшую хозяйку.

– Пусть вам отремонтируют домишко, – ответил я, – и вселяйтесь. Он небольшой, но вам хватит... Да и до работы не так уж далеко будет.

Игорь Семенович странно, как мне показалось, взглянул на меня, передернул плечами и, поблагодарив, ушел.

Я долго смотрел ему вслед. Он шел, вглядываясь то вправо, то влево, как будто что-то искал по сторонам. Несмотря на декабрьский холод, на его голове была надета лишь одна шляпа. Смолистые волосы спускались на уши, красные от мороза. «Станный какой-то... – подумал я. – И одет не по сезону, и ведет себя как-то...» Но, признаться, тогда я особо не задумался над этой странностью в поведении аптекаря.

Вскоре Игорь Семенович поселился в доме царь-бабы. Я первый навестил его на новом месте. Из старой конуры, стоявшей в глубине двора, выгляды-

вал лохматый пес. «Уже сторожем обзавелся», – заметил я про себя, глядя на пса. Он тявкнул раза два, когда я входил во двор, и тут же замолк. В доме был я впервые... Из окна виднелось кладбище... Помню, это меня несколько покорило. Кладбище располагалось за речкой, на взгорье, у лиственного лесочка... Отбросив нехорошие мысли, я с аптекарем выпил бутылочку портвейна и вскоре, по темноте, ушел...

Прошло несколько недель... Как-то, занимаясь в своем кабинете, я увидел в окошко Игоря Семеновича. Он быстро шел к больнице по узкой тропинке, вилляющей между сугробами. Войдя без стука ко мне в кабинет, и не поздоровавшись, он, мельком взглянув на дверь, потом в окно, с размаху сел в разбитое кресло. Прерывисто дыша, бледный аптекарь выпил полстакана воды и только после этого уставился на меня, будто желая удостовериться, здесь ли я.

– Что... с вами, Игорь Семенович? – с некоторым беспокойством в голосе (не знаю, отчего), спросил я.

Он еще раз тяжело вздохнул, передернул плечами и произнес, бросая шляпу на кровать:

– Сегодня, представьте, у меня была... ужасная ночь! Да, более, чем ужасная! Мой пес долго выл... На звезды или еще на что... не знаю! Я, считай, не сомкнул глаз. И, знаете, мне показалось, что под окнами кто-то ходил... По крайней мере, я отчетливо слышал хруст снега! Да, под окном у меня! И всю ночь напролет выла эта собака... Я только под утро уснул.

– Странно, конечно, – вставил я, – но ничего особенного, друг мой, я пока не вижу...

Это еще не все! – с чувством перебил меня аптекарь, вставая с кресла. – Утром я нашел пса мертвым!

У меня остановился взгляд. Этого, признаться, я никак не ожидал.

– Моя психика расстроена, – продолжал возбужденно Игорь Семенович. – Я лечусь... Нервы, знаете... Могло все показаться... Но как быть с собакой?.. Ведь она мертва!

– То утро надолго запомнилось мне, – продолжал рассказчик, поднося спичку к сигарете. Его друзья по застолью, казалось, застыли в ожидании продолжения рассказа. Их лица, взгляды были напряжены. Никто не обмолвился и словом, пока рассказчик затягивался сигаретой.

– Так вот... – продолжал врач. – Исподволь стал я наблюдать за этим аптекарем. Мне, признаться, стало не нравиться, что он живет в доме царь-бабы. Непонятный случай с псом мог вконец расшатать его нервы. С другой стороны, я продолжал все это считать нелепым случаем, и успокаивал себя, как мог, различными доводами.

Помню, вскоре этого бедного пса аптекарь вывез на болото и закопал там в снегу. Каково же было наше изумление, когда мы узнали, что этот пес лежит уже в переулке, причем весь ободранный и наполовину засыпанный снегом!

«Может, кому-то на унты понадобилась его шкура?» – высказал тогда я предположение, сам ему не веря. Игорь Семенович ничего не ответил. Бледный и отрешенный, он тут же распрощался со мной.

Однажды утром, уже в конце января, Игорь Семенович не пришел на работу. Я не придавал этому никакого значения, и только под вечер зашел в гости. Он лежал на койке, и то и дело прикладывал ко лбу мокрое полотенце. Я потрогал его голову – она пылала. Черные, жесткие волосы были взлохмачены, глаза горели.

Да у вас температура, голубчик! – удивился я. – Впрочем, сейчас и не мудрено простудиться... На дворе – за все тридцать!

Игорь Семенович молчал. Лицо его в полутемной комнате казалось желтым. Красные веки говорили о том, что ночью ему не спалось. Какая мучительная мысль терзала его сердце?

Со мной творится... что-то неладное, – слегка заикаясь, пробормотал он и уставился на меня не моргающим взглядом, от которого мне почему-то стало не по себе.

Что еще... случилось? – произнес я, невольно поддаваясь необъяснимому страху.

Сейчас... все сейчас... расскажу, – проговорил, кашляя, больной. – Видите, нет, это была не галлюцинация!.. Да... Хотя нервы мои... я в детстве был напуган, знаете... Но это была явь!

Я внутренне вздрогнул, поддаваясь его бредовому состоянию.

– Что... такое?

– Так слушайте... Сплю я как будто... Вдруг кто-то зовет меня... Я, знаете, встал с койки и подошел, не знаю почему, к окну... Вот к этому окну, что на кухне... А ночь лунная такая – лунная... И, знаете, снег за окном блестит, как днем! «Что за чепуха?» – только успел подумать я. – Вдруг вижу, по улице, мимо моего дома, проскакал белый – белый конь. Кругом тишина – и этот конь... И на нем сидела... – нет, я не ошибаюсь! – какая-то старуха... Она пронзила меня своим взглядом... Это продолжалось какое-то мгновение... Но я запомнил ее одутловатое лицо, свирепый взгляд, и ... это самое жуткое!.. Она погрозила мне... скрюченным пальцем! Я как сейчас это вижу... Едва заметная улыбка скользнула по ее лицу, и все исчезло. Мне стало страшно! Не помню, как добрался я до постели... Помню только – от окна отпрянул... У меня начался жар, я бредил... Я не думал, что доживу до утра, нет! Темнота обступила меня со всех сторон, и луна больше не светила.

Я слушал бессвязный рассказ бедного Игоря Семеновича, и с ужасом вспо-

минал прежнюю хозяйку этого дома. Я долго еще сидел у больного, нервы мои были не в порядке... Возвращаясь домой, я то и дело озирался по сторонам, как аптекарь. Черная изгородь, вдоль которой я шел, казалась мне бесконечной. Я не выдержал и побежал... Ту ночь я плохо спал, мне снились сплошные кошмары.

...Рассказчик прервал свой рассказ и, чтобы смочить рот, пропустил рюмку сладкого пунша. Его друзья сидели не дыша и ждали продолжения истории, некогда разыгравшейся на глазах друга.

– Я и теперь, – подал свой тихий голос врач, – жалею, что не свез тогда Игоря Семеновича в райцентр для лечения. Он все отнекивался, говорил, что это наваждение, оно пройдет...

Как-то вечером, в конце рабочего дня, Игорь Семенович необыкновенно, как мне показалось, взволнованный, зашел ко мне в кабинет. Его лицо, по обыкновению бледное, на этот раз было просто безжизненным от страха. Он судорожно комкал шляпу в руках, потом вдруг вскрикнул: «Что?» Но, поняв, что я ни о чем его не спросил, глупо захихикал и уставился на меня, перед этим оглянувшись на дверь.

– Если не торопитесь, – начал он отрывисто, – я вас задержу... на несколько минут! – загадочно произнес он. Голос его звучал надтреснуто... Я понял, что с ним произошло что-то чрезвычайное. Это было заметно по его неустанной ходьбе туда-сюда по комнате, многозначительным взглядам, которые он изредка бросал на меня. Остановившись, наконец, он отчетливо произнес:

– Я скоро умру!..

– Что вы!.. – воскликнул тут же я испуганно. – Откиньте напрочь эти мысли!

– Слушайте и не перебивайте!.. – остановил он меня, подняв правую руку. – Вчерашней ночью со мной был очередной припадок... – глухо начал он. – Спать лег я рано, читать не стал, чтобы не напрягать нервы. Помню, как тикали на стене часы. Не знаю, долго ли я дремал... Вдруг мне ни с того, ни с сего стал мерещиться лохматый пес, слышаться его вой, потом этот жуткий белый-белый конь... Старуха, грозящая скрюченным пальцем... И услышал я, как будто сквозь сон, что кто-то хлопнул калиткой. И тут же в сенях раздался чей-то скрипучий сухой голос... «Кого это принесло поздней ночью?» – подумал я, просыпаясь окончательно. Шаги затихли... Ужас охватил меня... Я приподнялся на локтях... Чьи-то шаги послышались снова... и дверь открылась. Я упал, обессилев, на подушку и натянул одеяло на себя. Но даже и сквозь него я чувствовал чье-то присутствие в доме! Были минуты, когда мне казалось, что я закричу от ужаса...

Вдруг чья-то мерзкая рука сдернула с меня одеяло и я... я, закричав, открыл в страхе глаза... Передо мной стояла старуха... с венчиком на голове. Было темно, но я отчетливо ее видел! Она вращала выпуклыми глазами, и все

ближе наклонялась надо мной, что-то шептала, растопыривая пальцы... Я... я сейчас не в силах вспомнить ее слова! Но они были жуткими, как и само привидение!

Я впал в беспамятство... Впрочем, точно не помню... Открыл глаза, когда передо мной уже никого не было.

– Что же было дальше? Почему ты... замолчал? – перебили рассказчика его друзья и сами, вероятно, испугались своих голосов, вразнобой прозвучавших в полутемной комнате.

Аптекарь ушел от меня, не простившись, – произнес, волнуясь, врач. – Я тогда же решил, что его нужно свезти к психиатру, в область.

...А наутро бедного Игоря Семеновича нашли замерзшим у речной проруби. Он умер, как потом было установлено, от разрыва сердца... Лицо его, с остекленевшими глазами, обращено было на дом, ноги занесены снегом... Одну руку, окровавленную, вероятно, при падении, он прижимал к тощей груди.

– Это она, старуха, за ним гналась, – высказал догадку один из слушателей.

– Никакой старухи не было, – перебил его второй. – Просто он был больной человек.

– А ты как думаешь? – обратились к рассказчику друзья, вздыхая при этом.

– Не знаю... – раздумчиво ответил врач, и без видимого перехода добавил: – Неужели так до утра и просидим без света?

На улице все мела поземка, и в окна хлестали хлопья снега. Рождественская ночь близилась к концу. Друзья переменили тему разговора. Один из них наполнил всем стаканы.

Портрет на память... Добрую или... вечную?

1. Кто водит рукой живописца?

Кто не знаком с таким необъяснимым явлением, когда камни вдруг оживают и даже начинают... говорить? Когда мысли наши кем-то читаются и потом вдруг воплощаются в реальной жизни? Когда художественные картины (фотографии) пишутся (и дарятся!) на добрую память, а получается – на вечную?! Недаром мой студенческий друг и замечательный хакасский поэт, с которым мы сидели за одним столом в аудитории, Анатолий Кыштымов, пророчески и так беспощадно, чуть ли не наотмашь, однажды написал:

На кладбище кресты, как плюсы:

Прибавить, и прибавить, и прибавить...

На фотографиях еще смеются,

Сфотографировавшись на память.

... За месяц до гибели певец Игорь Тальков сделал фотографию для своего готовящегося к выходу альбома по-революционному жгучих песен, получивших в обществе большой социальный резонанс. Он (не до улыбки!), точно заглядывая в свое скорое будущее, со взглядом мужественной обреченности позировал перед языками пламени, а его шевелюра была подсвечена с краев багровым отсветом. Певец, ни дать, ни взять, словно чувствовал близкую кровавую развязку своей песенной и человеческой судьбы, и пророчески, вот так загодя, озарил себя, получается, вечным огнем.

Именно этот снимок впоследствии и был установлен на его надгробии!..

Так что это такое – портрет на память? Просматривая относительно старые местные газеты, я натолкнулся на интересное (и невольное) признание художницы из Абакана Ларисы Кискидосовой, которая в свое время иллюстрировала две мои книжки. Так вот... Она пишет, что многим, наверное, знакомо состояние, когда рисуешь, не особо задумываясь что-то специально изобразить. Говоря по телефону или слушая лекции, а может, и на серьезном совещании, если у тебя в руках ручка или карандаш, и есть место, где можно почеркнуть, – рука как будто сама выводит какие-то линии или геометрические узоры, а может, даже лица – забавные образы...

Вроде бы и внимание твоё не на этом занятии заострено, а ты всё рисуешь, черкаешь. Вписываешь слова, подрисовываешь глаза, зубы... Психологи даже разработали специальные тесты. Всё, оказывается, не случайно, и всему есть объяснения, и работе нашего подсознания – тоже. Так вот...

«Я бы хотела рассказать историю одного такого рисунка, – пишет автор. – У меня часто рука сама рисует: профессия такая – рисовать... Сначала были просто отрывистые линии на листке, а пригляделась – вроде бы похожи на бутоны роз. Дорисовываю, чтобы закончить образ цветов, а потом вдруг вижу – в них женские лица. Начинаю усиливать этот эффект, прорисовываю детали лиц... Приглядевшись уже повнимательней к рисунку, смотрю, получилась роза в виде девушки – очень красивые черты лица у нее и такой мечтательно-горделивый взгляд!

Рядом другие розы, но уже не молодость в их глазах, а мудрость и понимание того, что и ты ведь была когда-то такой, как и эта барышня, и такие же рассуждения были у тебя. Одна роза даже как будто нравоучительное говорит, другая молчит, вся ушла в свои грустные воспоминания.

Появилось на рисунке и совсем юное создание, девочка-роза в виде нераскрывшегося бутона, с пушистой челкой и наивными глазками, которые смотрят по сторонам внимательным взглядом – с желанием поскорей стать настоящим цветком, в предвкушении и томлении наступления манящего будущего...

Есть на рисунке и засохший бутон, он лежит вниз головой на земле, но в его сторону никто не глядит и не замечает, делая вид, что его и вовсе... нет!

И неожиданно как-то получился у меня философский рисунок о жизни, о молодости, зрелости и даже... смерти».

Так кто водил рукой художника?! Почему все ее творческие фантазии натолкнулись именно на угасание одного цветка, когда рядом другие распустились, источая тонкий аромат, а некоторые только еще силятся раскрыть свой нежный бутон? Ведь дело не только в том, что настоящий художник острее остальных людей чувствует трагедийность жизни. Не только в том! И в других головах витают запредельные образы, и простым людям снятся так называемые вещие сны. Откуда они, эти сны, или, сказать осторожнее: от Кого?..

Вот ведь что!

Обо всем этом я думал, когда давно знакомый мне художник из поселка Новостройка Аскизского района, Владимир Волков, рассказал мне насколько реальный, настолько и мистический случай, причем непосредственно из своей жизни. Все это, представьте, без всякого намека на продолжение, началось для него в конце 2013 года. Но сначала, наверное, надо рассказать, кто такой сам Владимир Юрьевич и каков образ его творческой жизни.

2. Мастер кисти и красок

– Я родился, вырос и до сегодняшнего дня проживаю в поселке Новостройка, – сказал он при встрече. – Наш поселок когда-то был известным на всю страну своим деревообрабатывающим комбинатом, поставлявшим свою продукцию не только по Советскому Союзу, но и в зарубежные страны. Нам, сельским ребятишкам, да и взрослым, само собой разумеется, нельзя было этим не гордиться.

– Когда вы начали рисовать, Владимир Юрьевич?

– С самого детства... Кто бы мог подумать, что это станет определяющим занятием, моим увлечением на всю мою жизнь! Загадочные, темные стороны изобразительного искусства откроются мне намного позже, когда я начну читать биографические истории знаменитых живописцев. А тогда... Начальные знания по рисованию я получил, учась еще в средней школе. В те годы с краской и кисточками было трудно. Акварель (так называли кирпичики) была такой, что с трудом размачивалась, а кисточки больше походили на... метелку. Ну, а мое знакомство с настоящей масляной художественной краской случилось, когда я учился уже в четвертом классе.

– Как это произошло? Помните?..

– Моя крестная знала, что я люблю рисовать, и на день рождения подарила мне набор красок из девяти тюбиков в картонной коробочке – такие металлические цилиндрики, твердые и необычайно для меня пахнущие. И вот

со школьного учебника я срисовал Нахаленка, одного из героев рассказа Михаила Шолохова – в его широких штанах, с ляжкой через плечо, в большом картузе со сломанным козырьком... Я раскрасил его этими новыми красочками!

– Понравилось?

– Понравилось, и очень. Я, правда, только понять не мог: почему эти краски такие густые, плотные и долго сохнущие? А немытая кисточка, представьте, после работы превратилась вдруг... в ежа! Тогда я и понятия, конечно, не имел, что краску надо разводить специальным разбавителем, а кисти после работы промывать с мылом. И только лишь спустя годы ко мне пришло самое главное: какая это прелесть и радость – масляная живопись! И я долго еще не задумывался над тем, что полотна художника, особенно портретные, могут, представьте, нести мистический, если не сказать больше – пророческий свет...

– С чего, Владимир Юрьевич, вы начинали свое, если можно так выразиться, вхождение в жизнь – как оказалось, не всегда до конца понятную, однозначную?

– Все начиналось более, чем реально, более, чем прозаически... В 1981 году я начал работать художником-оформителем в строительной организации – ПМК – 582. И пошло-поехало, как говорится! Шрифтовые плакаты, таблицы социалистического соревнования, транспаранты к праздникам... Такова была тогда моя основная работа. Но я и тут умудрился добавлять творческие мазки! Например, в большие стенды-плакаты, которые вывешивались перед конторой ПМК, я вносил элементы живописи. Дальше – больше: сделал и огромную живописную копию В. И. Ленина работы Андреева... Людям понравилось! Так я, можно сказать, своими творческими вкраплениями и стал разбавлять каждодневную рутину, когда приходилось рисовать, допустим, те же шрифтовые плакаты, где надо было точно рассчитать размер букв, пробел между букв и слов, количество строк и междустрочий... Да мало ли! Это было, словом, очень трудное занятие. Ну, а творчеством для души занимался, в основном, только в отпуске, который в то время составлял для меня всего 15–18 дней. О портретной мистике я тогда, понятно, даже и не задумывался!

– И долго это ваше, советского стиля официальное ремесло, длилось?

– Включительно до 1995 года, который и стал для меня в реальном (и художественном смысле) по-своему знаковым. В то время по инициативе директора В. А. Пузырева музыкальную школу преобразовали в детскую школу искусств, и там появился класс изобразительного искусства. Так в моей жизни открылась новая страница: я стал преподавать в этом классе. Волновался

сильно, когда шел на первый урок в качестве учителя. Этот класс изобразительного искусства располагался тогда в обыкновенной комнате со столом и школьными стульями.

– Словом, вы пришли практически на пустое место?

– Пожалуй, да... Все, все пришлось начинать и делать самому: мольберты, натюрмортные столики, таблицы с хронологией работ... Из папье-маше я вылепил муляжи фруктов, из проволоки смаковал каркасы разных предметов, от чурки сделал спил дерева, чтобы были видны его годовые кольца... Кроме этого, из дома принес кружки, чашки, ложки, самовар, чайники, ткань для драпировки... Вот так в те лихие девяностые, когда зарплату учителям постоянно задерживали, а то и вообще выдавали продуктами, я и начал учительствовать.

... Теперь, когда отчасти знаком характер и творческая кухня художника Владимира Волкова, самое время продолжить рассказ об интересном случае, произошедшем с ним осенью 2013 года – случае, который имел удивительное, если не сказать больше, продолжение.

Владимир Юрьевич приехал в Абакан – естественно, побывал в картинной галерее «Чылтыс». Здесь он встретил одну из посетительниц вернисажа. Разговорились... И незнакомая женщина рассказала ему, что совсем недавно, летом 2013 года, она приехала в Хакасию из Украины... Там, на родине, ей вдруг стали сниться страшные сны: стреляющие танки, бомбящие города самолеты, грохочущие пушки, полыхающие в огне дома... «Мне стало просто невыносимо там дальше жить! – громко заключила она, – и я, перекрестив родную землю, уехала – сюда, в Сибирь...»

– Ну, поговорили мы – поговорили, – озадаченно делится своими прошлогодними впечатлениями со мной Владимир Волков, – и я забыл об этой случайной встрече в картинной галерее. Сколько таких встреч бывает с незнакомыми людьми, ведь правда? Она ни к чему не обязывает... Но когда на Украине практически внезапно, в конце зимы 2014 года, началась, как с неба свалившаяся, гражданская война, и случилось то, что та самая женщина еще летом прошлого года видела в своих, получается теперь, буквально вещей пророческих снах, я, честно сказать, просто был поражен той встречей и тем что тогда услышал от незнакомой женщины! Кто, скажите, кто ей приоткрыл эту картину скорого страшного будущего? Провидением можно это назвать или еще чем? Вот ведь в чем загадка!..

Заключая слова Владимира Юрьевича, необходимо добавить, что эту загадку, получается, таят не только портреты нарисованных художниками людей но и Кем-то (!) наваянные пророческие, а не какие-либо другие сны – сны словно подающие весть о тревожном будущем, как будто предупреждающим человека об этом тревожном!..

3. «Я люблю рисовать портреты! И мои ученики – тоже...»

... Не так давно Владимир Юрьевич прислал мне письмо. Читаю: «Валерий Викторович! Отправляю вам ксерокопию письма Александра Шилова, написанного в ответ на мое, еще в 1981 году! С тех пор прошло, видите, более тридцати уже лет, а я бережно храню у себя это письмо и следую советам его автора, так как глубоко уважаю этого Мастера! С живым интересом слежу за его творчеством и искренне радуюсь его успехам».

Я, прочитав эти строки, живо вспомнил великолепную картину Александра Шилова – пожалуй, самого лучшего художника современной России, не считая Ильи Глазунова, – вспомнил его портрет первого космонавта Земли Юрия Гагарина. Он нарисован живописцем в белой рубашке, не застегнутой на верхнюю пуговицу, с неповторимой, чисто гагаринской улыбкой, и (вот оно, прозрение таланта!) – на фоне ржаного поля с голубеющими васильками. Так художник смог соединить Космос, который первым покорил Гагарин, с чисто человеческим, земным существованием космонавта. Это впечатляет, заставляет радостно расширяться зрачки...

Но вот опять же, опять же необъяснимое! Кто тогда знал, что вскоре Гагарина-то не станет? Вот в чем вопрос (и загадка!) портретной мистики. Вот в чем! Людская молва тогда, да и после утверждала: первого космонавта взял на небо сам Бог, потому что он покусился на Его владения. И хотя несколько дней спустя на месте катастрофы разбившегося самолета Гагарина космонавт Леонов нашел лоскуток его кожи с родимым пятном, которое при жизни, он видел, было у Гагарина в области шеи, – но народную молву переубедить этот факт все равно уже был не в силах...

И я тогда сам впервые задумался о страшных последствиях, к которым порой приводят вроде бы такие реалистические, такие невинные портреты! И окончательно написать об этом (пришло время!) натолкнула меня внезапная смерть Машеньки – дочери самого художника-портретиста Александра Шилова! В Москве, на Ваганьковском кладбище, где в один из приездов я непременно решил побывать, увидел аккуратный памятник из червонного гранита, над которым взметнулся и тут же головой поник (вспомните засохший бутон розы, нарисованный Ларисой Кискидосовой!) – поник небесной красоты херувим – хранитель ее души...

Странное совпадение, но Александр Шилов много рисовал дочь! Запечатлел ее в картинах, фотографиях, само собой разумеется. Я привел тогда в статье немало примеров, почему портреты притягивают черную энергию. При этом интересно было следующее: чем талантливее был выполнен тот или иной портрет, тем ранимее оказывался оригинал!

Портреты-убийцы – они преследуют художников во всем мире – от Гойи до Ильи Глазунова! Не по этой ли самой незримой причине ушла в другой мир любимая дочь художника Александра Шилова – Машенька?

Не собираюсь утверждать необъяснимое!..

Я не однажды, а в каждый приезд в Москву бывал на могиле дочери Александра Шилова – Маши... И сейчас вот снова встает перед моими глазами великолепная узорчатая ограда, золотом увенчанный ангел, словно летящий вместе с душой умершей дочери, блестящие золотом выгравированные слова отцовской щемящей скорби, вызывающей слезы даже у чужих, лично не знавших художника людей. И ее, Маши, портрет на червонном, с прожилками, мраморе... Он рисовал ее не раз, и вот такой, юной... Кем же, кем же был прерван так рано прерванный полет его любимицы?

И что это: невидимый какой-то рок, что по жизни преследует великого художника?

Вспомнить, опять же, того же Юрия Гагарина...

И вот передо мной – ксерокопия письма этого художника – письма, написанного от руки, и присланного Владимиру Волкову в Хакасию, в Аскизский район. Всего полторы странички крупных, размашистых букв и строк. Вот они:

«Уважаемый Володя! Извините, что не мог сразу Вам ответить. Рисунки Ваши посмотрел. Хочу сказать, что талант у Вас есть, но этого мало, хотя и очень важно.

Володя, вы спрашиваете: может ли из Вас получиться художник? Первое, что для этого нужно, – бесконечная влюбленность в свое дело, и забыть про все соблазны и легкий успех. Почитайте биографии великих художников! Копировать старых мастеров, изучать анатомию, перспективу, рисовать гипсы, изучать мастерство и мысли великих художников и, руководствуясь всем этим, писать с натуры, превращая разноцветные краски в жизнь.

Желаю Вам творческих успехов и трудиться, основываясь наукой, и не покладая рук!»

... Вынуть из своего почтового ящика письмо знаменитого на весь мир живописца подающему надежды провинциальному художнику – это, согласитесь, то же самое, что получить письмо обыкновенному провинциальному писателю от знаменитого на весь мир художника слова – допустим, того же Михаила Шолохова. Говорят, правда: любое сравнение хромает... Но только не в данном случае!

Так, наверное, не случайно в свое время Владимир Волков в своей изостудии начал работать с детьми со всей душой и горячим сердцем: по- другому

он просто не умел и до сих пор не умеет – возьмись он за любую работу. И он подтвердил это при нашей встрече, при нашей беседе.

– Любовь к детям – у меня от мамы, – сказал Владимир Юрьевич. – Она всю жизнь проработала в детском саду, а уж как ее любили дети – так это не описать! Ну, а для себя я вывел: просто любить детей, и все, в моем случае будет очень мало, и потому старался учить их всему «от и до», что знал сам. Например, делая упор на композиции, я учил их развивать свое воображение, мыслить пространственно... Забегая вперед, скажу: профессора-художники из Санкт-Петербурга в своих рецензиях на работы моих учеников как раз и отметили цельность композиционного решения предоставленных им рисунков! Это было приятно...

И еще о композиции... Знаете, что я заметил тогда? У детей, которые читали книги, – у них-то как раз и было хорошо развито образное мышление, а это для творческого человека – наипервейшее качество, согласитесь. Вскоре это свое наблюдение я взял, что называется, на вооружение, и стал практиковать на занятиях своеобразные литературные чтения.

– И как пошли после этого ваши дела – точнее, дела ваших воспитанников?

– Судите сами... В апреле 1997 года в Аскизе прошел первый районный конкурс юных художников. Из шести учеников изостудии Бельтирской ДШИ, участвовавших в конкурсе, четверо заняли призовые места! Тогда впервые о работах моих детей напечатали заметку в районной газете. Можно сказать, с этого конкурса и началась известность нашей изостудии. В последующие годы о моих учениках станут писать не только в газетах, но и показывать их по телевидению. Но это все будет потом, а пока, окрыленные успехом мои ученики и я, как учитель, продолжали творить, брать новые, хоть и небольшие, но свои высоты. О темных пропастях искусства они, конечно, еще не ведали, и в силу своего возраста просто не могли, конечно, ведать.

– Что-то изменилось в работе изостудии после этого?

– Изменения были налицо. Желающих учиться становилось все больше, и школа принимала всех без предварительных экзаменов, в отличие, к слову сказать, от городских ДШИ и ДХШ. На уроках мои воспитанники стали читать стихи, слушать аудиозаписи литературных произведений, обсуждать прочитанную классику, новинки современной литературы, проводить краткие, но достаточно глубокие экскурсии в историю... Затрагивали даже некоторые вопросы философии! А главное – рисовали, рисовали и рисовали – много и самозабвенно...

Я в работе с детьми, да и в отношении себя молил Бога только об одном: чтобы наше с ними творчество не коснулась портретная мистика.

4. От учителя до... свободного художника

С Владимиром Юрьевичем мы продолжили беседу несколько дней спустя... На этот раз мне, перво-наперво, было интересно узнать от него, какие новые плоды принесли предпринятые им в отношении воспитанников изостудии меры – чтение прозы и стихов известных авторов – собственно, то, на чем оборвался наш предыдущий разговор...

– Я хорошо помню республиканский конкурс юных художников 1999 года, посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, – сказал не без воодушевления, словно мы и не расставались, мой собеседник. – В те дни вместе с учениками мы столько перечитали его стихов! Да и для себя я словно заново открыл поэта и понял: Пушкин – это, действительно, наше все в поэзии. И мои воспитанники пошли за мной, сделали интересные, необычные иллюстрации к его произведениям! Жюри конкурса эти работы отметило, между прочим, дипломами!

– Ну, а что дома?

– В Аскизе мы были, конечно, тоже на виду. Во многих районных конкурсах ученики моей изостудии стабильно получали призовые места. К тому же ни один год все значимые мероприятия в районе не обходились без выставок наших юных художников из поселка Бельтирский. Это всем нам придавало новые творческие силы, конечно.

А в 2003 году в райцентре состоялась первая персональная выставка ученицы изостудии Елены Ачитаевой. Фойе районного Дома культуры украсили семьдесят две ее работы. Я был доволен и счастлив за свою воспитанницу – просто надо было видеть ее глаза!

Но все это время, само собой разумеется, меня все-таки не оставляла загадка портрета! Я читал биографии знаменитых художников и непременно находил в этом смысле новые подтверждения этому необъяснимому явлению. Конечно, со своими учениками подобной внутренней проблемой я, естественно, не делился, но она не давала мне спокойно жить.

Между тем реальная жизнь текла своим чередом, мои воспитанники делали новые успехи. Конечно, самым запоминающимся событием того времени для всех нас стало участие в престижном Международном конкурсе «Портрет России глазами детей», который проводили Российская Академия художеств и Санкт-Петербургский государственный институт живописи скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Возглавлял жюри ректор Академии художеств, академик, профессор, народный художник России Альберт Серафимович Чаркин.

Так вот... Этот конкурс проходил в два этапа и заканчивался в июне 2005 года. В нем принимало участие 3500 юных художников страны. Три

моих воспитанника – я даже и подумать, представить себе не мог! – получили в этом престижном конкурсе дипломы победителей. Мы, конечно, надеялись на какой-то успех, но все равно все это оказалось настоящим громом среди ясного неба – для нас, членов всего-то поселковой изостудии... И я еще раз убедился в том, что когда работаешь с душой, то результат непременно будет, и результат замечательный!

– Да, это, действительно, поразительное ваше достижение!

– Но этим дело не закончилось... Какова же была наша радость, когда в Бельтирское, помимо дипломов, пришло еще и письмо от руководителя проекта «Портрет России глазами детей» Е. А. Щукиной, в котором были такие одобряющие (и ободряющие!) нас слова: «Благодарим вас за активное участие в Международном конкурсе. Ваши работы отличал высокий педагогический профессионализм, бережное отношение к творческому потенциалу каждого юного участника, заинтересованность в создании замечательных работ». И далее: «Дорогие ребята! Вы даже не представляете, сколько радости, восторга и восхищения вызвали ваши рисунки и у членов жюри, и у посетителей выставки, проходившей в Белом зале особняка Румянцева (музей истории Санкт-Петербурга)! Важно, что вы нашли свой путь в искусстве и движитесь навстречу своей мечте. Желаем Вам духовного света! Оставайтесь такими же чистыми, непосредственными, искренними и яркими, как сейчас!

Пусть все у Вас сбудется!»

К слову сказать... Читая эти высокие строки о духовном свете, я невольно задумывался тогда о том, почему все-таки существуют портреты-убийцы? Задумывался, и в душе, конечно, радовался тому, что мои дети, слава Богу, так далеки от этой неразрешимой на сегодня проблемы – таинственной, но все равно существующей! Радовался еще и за себя: в моей практике художника-портретиста не было пока ни одного случая, чтобы портрет того или иного человека накликал беду.

Мы, взглянув друг на друга, невольно улыбнулись этому.

Что говорить... Обучая детей, Владимир Юрьевич ведь и сам учился, не забывая о том, что учитель должен постоянно заниматься своим самообразованием. Исходя из этого, в 2008 году он окончил факультет изобразительного искусства отделения живописи и графики заочного Народного Университета Искусств (г. Москва). Все эти годы он каждую свободную минуту спешил к себе в мастерскую. Понятно, не забывал и о готовых к показу работах: провел много персональных выставок в разные годы и в разных городах и весях. Но...

Но, несмотря на свои собственные результаты и успехи своих учеников,

государство, пришло время, в лице директора ДШИ, а также управления культуры и администрации Аскизского района в 2011 году сказало ему: «Вы нам больше не нужны, так как у вас нет специального педагогического образования». Вот так прямо сказали и сразу, без недоговоренностей и извинений. И это – после участия и победы его учеников в Международном художественном конкурсе! Однако...

Да, формально-то все было действительно сделано вроде бы правильно, а по существу получилось практически неприкрытое издевательство над художником, несущим свет детям, издевательство над всеми его достижениями и достижениями всех его воспитанников.

Так Владимир Волков стал... свободным художником.

– В следующем, 2012 году, состоялась моя персональная выставка в Бейском районном доме культуры, – отойдя от нерадостных мыслей, продолжил он нашу беседу. – Моя мама, Екатерина Дмитриевна Зданюк – родом из Беи. Все ее братья и отец Дмитрий Викентьевич Зданюк были призваны в армию в самом начале Великой Отечественной войны – именно отсюда, из Беи. В том, 2012 году, исполнилось 70 лет, как мой дед в 1942 году пропал без вести под Ленинградом...

К этому трагическому событию в истории нашего рода я и написал картину, которую посвятил памяти деда... Выставка демонстрировалась два месяца, и очень понравилась жителям Бейского района. Надо ли говорить о чувствах, которые я сам испытывал в это время?!

... В 2014 году Бейскому району исполнилось 90 лет. Глава администрации района Ю. Н. Курлаев и начальник управления культуры Ю. М. Кощеев решили открыть галерею портретов почетных граждан Бейского района. Владимир Волков с глубоким уважением относится к людям труда, к ветеранам, поэтому посчитал за честь написать портреты этих заслуженных людей. Он трудился и трудится за мольбертом с большим вдохновением, которое исключает даже мысль о том, что его работы могут не понравиться темным силам.

Земной думает о земном!

5. И все-таки – загадка!

... В свое время (если вернуться несколько назад) в Абакане была-таки открыта выставка картин Владимира Волкова, в которой преобладали портретные композиции. Не опускать же руки оттого, что над художественными портретами иногда витает демонический дух! А началось все вот с чего... В одной из своих публикаций я, независимо от творчества аскизского художника, взялся за тему, которая меня уже тогда очень интересовала: загадка портрета. Да, да...

Так или иначе, но после публикации мне позвонили в редакцию три человека... Одна из пожилых женщин была мне знакома. Она недавно только что похоронила свою дочь Таню, мою бывшую однокурсницу по институту. Когда мы были на поминках, над столом висели два портрета: Татьяны и ее сестры, живущей сейчас в Москве.

И вот, надо же, эта женщина позвонила мне. И знаете, что сказала? «Валера, я прочитала вас и напугалась. Что мне делать с портретами моих дочерей? Я уж додумалась вплоть до того, чтобы порвать их. Вот и не знаю, что делать, звоню теперь вам...»

Я, знаете, растерялся даже: ведь надо было что-то отвечать! А что? Предложить не рвать эти портреты? А сколько явных, а не придуманных печальных фактов из творческого наследия художников и судеб тех, кого они нарисовали?! Тяжелых, необъяснимых фактов! Судьба той же Танечки... Господи! И что мне было сказать бедной матери – порвите портреты своих дочерей? Это, согласитесь, объективно – чепуха какая-то. И я посоветовал в трубку то, что считал единственно возможным: «Трудно вам сказать... Поступите, как подсказывает вам ваше сердце, интуиция».

Вот такой состоялся у нас с матерью умершей Татьяны странный разговор. Но другим-то он и быть не мог! Ведь мы, по сути, имели дело с необъяснимым явлением.

А потом... потом пришло письмо от него, художника из поселка Бельтирский Владимира Волкова. С той поры мы и стали знакомы... Он – портретист-самоучка. Прочитал я тогда его письмо и был рад тому, что нашел во Владимире Волкове человека пытливого, сомневающегося, творческого. Ведь я – приверженец именно таких. О людях же все знающих и во всем уверенных, помните, как Владимир Маяковский отозвался? «Кто ясен, тот просто глуп». Я ответил Владимиру Юрьевичу... Следом от него пришло второе письмо. И вот что он тогда написал:

"Оставив все сомнения, решил с вами поделиться тем, что меня волнует многие годы. Да, меня глубоко затронула ваша статья. Она – об этом! Такие философские вопросы вы подняли в этой статье.. Дело в том, что я об этой мистике в живописи тоже думаю, потому что это напрямую касается меня. Объясню, почему. Я переживаю, я пытаюсь понять: портреты-убийцы – что это? Плата за талант, успех, известность? Или, может, что-то иное? То, что не подвластно нашему разуму?

Валерий, можно еще несколько примеров привести, когда художник писал чей-либо портрет, и тот человек вскорости умирал. Репин, которого вы упоминаете в статье, кроме Гаршина, сбросившегося в проем лестницы, писал портреты и таких известных людей, как писатель Писемский, композитор

Мусоргский, реформатор Столыпин... Все они вскорости умерли. По этому поводу у Репина, в свое время, были большие неприятности.

Или вот портретист XVIII века В.Л. Боровиковский пишет портрет княжны М.И. Лопухиной, и вскорости эта юная княжна... умирает. Неужели так много случайностей? О ее портрете один поэт потом скажет так: «... но красоту ее Боровиковский спас».

Или известная Вера Мамонтова – та самая Вера, которая в двенадцатилетнем возрасте позировала молодому, начинающему Валентину Серову и известная всему миру как «Девочка с персиками». В более зрелом возрасте ее писал и Виктор Васнецов... И вскорости Вера умирает (!) от туберкулеза...

Что это? Судьба? Злой рок?

Вопросы, вопросы, и нет на них, как видите, ответов!

Еще... Во времена Возрождения, например, портретная живопись получила заслуженное место при дворцах царствующих особ. Художники были обласканы вниманием церкви. Знали короли и Папы римские, кардиналы, знать, приближенная ко двору, что через них, художников, они проникнут в... бессмертие.

Такие таланты живописи, как Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти обессмертили своими произведениями подобных людей. Благодаря гению этих великих живописцев мы можем теперь видеть тех, кто жил 500 лет назад!..

Словом, так или иначе, но Машенька Шилова будет жить в работах ее отца, и для ее портретов пошел новый отсчет времени – с той самой минуты, когда она ушла в Вечность.

А знаете, почему я переживаю по этому поводу? Дело в том, что я тоже люблю писать портреты!

В свое время я самостоятельно освоил технику многослойной масляной живописи. Это, кстати, моя самая любимая техника. Один запах свежей выжатой на палитру краски приводит меня в творческое волнение. Бывает, по двенадцать – четырнадцать часов не отхожу от мольберта!

Я рисую и пишу портреты своих родных и близких, хорошо знакомых мне людей. Это самые обыкновенные люди: рабочие, учителя, водители, кузнецы, столяры, строители. Мне каждый человек интересен по-своему! Прав классик, говоря, что глаза – зеркало души человека. В них действительно – самая суть человеческая, и никуда ее не спрячешь. И поэтому самое трудное в портрете – это глаза. Сумеешь написать их живыми – будет живым и портрет.

И еще... Дети, которых я когда-то рисовал, теперь стали взрослыми людьми. Смотрю на них и поражаюсь: как я смог угадать-то их теперешний характер, который ярко проступил в них с годами?! А ведь я был в то время молодой, без жизненного опыта, человек!

В моем творческом багаже более 100 графических и более 20 работ маслом (на момент написания письма – авт.) Почти все они "живут" у меня в мастерской. Их видел только ограниченный круг знакомых. Как творческой личности мне хочется, чтобы работы мои узнало как можно большее количество людей, интересующихся реалистическим искусством».

Так мы, идя параллельным курсом, но не зная об этом, сошлись в одной точке и, естественно, заинтересовались друг другом. Ну, а ответил я тогда художнику из Новостройки на это равнодушное его послание в том смысле, что стоит, видимо, сделать ему выставку своих картин в Абакане... Ну, а что касается черной энергии...

Жизнь ведь не остановишь необъяснимым!

6. «Когда человек умирает, изменяются его портреты»

Ну, а если вернуться к самым истокам, то, сами понимаете, наше творческое знакомство с Владимиром Волковым, наша переписка с ним завязалась именно с публикацией моей статьи-размышления «Портрет на память». Дело давнее... Тем не менее, что же нас сблизило тогда в наших, где-то близких по направленности, творческих делах, что в моих поисках и догадках нашло отзвук в душе художника из Аскиза? ...Чтобы понять отправную точку той мистической темы портрета, в том числе в мировой живописи, заглянем вглубь колодца, на дне которого даже днем отражаются ночные звезды.

Скажите, что же такое – наша жизнь? Ведь иногда она кажется пустой насмешкой над нами, обреченными на смерть рождением своим. И вправду: как будто Жизнь находится в сговоре со Смертью: одна производит нас, чтобы другая умертвила. Жуткая игра Природы, по сути...

Насмешка. Ее почувствовал я и в том, что то же, например, Ваганьковское кладбище в Москве находится на месте, где когда-то жили в своих домиках ваганьки-шутники, то есть скоморохи русских царей!

Об этом я узнал почти два десятка лет назад. Что же изменилось с тех пор на Ваганьково? У ворот кладбища много нищих, калек. Запомнилась одна опустившаяся женщина с одутловатым, испитым лицом. Она сидела на ящике у паперти кладбищенской церкви и что-то жевала, протягивая одну руку для милостыни. Правая нога ее была отнята по колено и как попало замотана грязно-пыльной тряпкой... Презрение к здоровью, смерти... А может, к жизни?

Было 26 июля – спустя день после дня памяти Высоцкого. На его могиле было много нескромных цветов. Парни и девушки под гитару пели песни поэта. А трое держали плакат "Высоцкий – Пушкин нашего времени". Люблю, ценю Высоцкого за выверенность каждой его строки, ранимое равнодушие к жизни, но... сказано слишком.

Иду дальше. Оказывается, рядом – могила Влада Листьева. Останавливаясь, пораженные первой встречей (после стольких экранных!) с другим Владом... Если могила Высоцкого вызывает чувство официальной парадности, чего он никогда не любил, то могила Листьева кажется нереальной, какой-то придуманной. До сих пор не верится, что такого умно-ироничного, общительного, серьезного и одновременно веселого человека больше нет. Он сейчас вот здесь, захороненный, лежит.

Помните, второго марта 1995 года на экране телевизора то и дело появлялась остановившаяся строчка под жизненно-достоверным портретом: "Убили Влада Листьева". Убили... В этом первом слове было и неверие в случившееся, и глуже подчеркивалась беззащитность даже такого вот любимца телезрителей перед преступным, продажным миром. На черном плоском надгробии, на мраморе, – бронзовые буквы "Влад Листьев". Цветы.

На фотографиях еще смеются... Помните?

Дальше меня ждало внезапное, тяжелое открытие, о котором я уже упоминал. Дальше, чуть вглубь, за могилой Листьева, золотисто сверкала на солнце ажурно-узорчатая ограда. Почти у тропы... Над аккуратным памятником из червонного гранита взметнулся и тут же покорно головой своей поник херувим: ангел-хранитель чьей-то души. Чьей? – в те секунды я еще не знал. Но блестящая бронзовая ограда, небесной красоты херувим – настоящие произведения искусства – сразу привлекли к себе мое внимание.

Красота и Смерть. Так они исключают и одновременно так подчеркивают друг друга!

Да, это, оказывается, был памятник Машеньке Шиловой, дочери знаменитого художника-портретиста Александра Шилова! Он так тонко и мудро, на помню, нарисовал первого космонавта Земли Юрия Гагарина среди василькового поля.

Внезапное же тогда, тяжелое открытие для меня заключалось в том, что, оказывается, такой талантливый, знаменитый человек потерял свою дочь – потерял так рано!.. Ну, пусть кого-то бы из старшего поколения своих близких. А тут – дочь... Перед смертью все равны, конечно, в том числе и знаменитости, и глупо тут чему-то удивляться. Но все же...

Я сразу, глядя на эту неповторимую красоту надгробия Машеньки Шиловой, умершей в шестнадцать лет, почувствовал всю бездну горя одареннейшего художника. Насколько дочь остается дорогой ему, было видно по тому, что предстало перед глазами. Чуть правее памятника, увитого бронзовым лавром, среди притихших желтых цветов стоял (на земле) большой портрет Машеньки, и похожа она была на Софию Ротару – с короткой кокетливой стрижкой. Анна Ахматова говорила: "Когда человек умирает, изменяются его портреты".

После этого даже могила Сергея Есенина, обновленная, не вызвала тех щемящее-тонких, заплаканных чувств, как до этого почти восемь лет тому назад, при первой встрече под куполом ваганьковских сумрачных кленов... Надо же. Можно определенно сказать: могила Машеньки Шиловой – одна из самых богатых, художественных на этом известном московском кладбище.

Отстраненно подумалось богатые – они и на кладбище богатые...

В столице, после той трагической для художника зимы 1996 года, с громадным успехом прошла его персональная выставка. Тысячи людей, как писала одна газета, любовались полотнами живописца. Но чаще всего посетители застывали перед портретами дочери художника – Маши. Не все знали, конечно, о трагедии мастера. Маша умерла от неизлечимой болезни. Там-то, на выставке, кто-то и услышал от старушки: "Потому, сердешная, и отмаялась, что отец ее много рисовал" (!)

Портреты. В картинах, фотографиях... Кому неизвестно-то: экстрасенсы могут по фото искать пропавших, лечить больных на расстоянии, насылать порчу, даже смерть... А почему при разводах люди почти непременно рвут фото своего супруга (супруги)? Ответ прост: хотят, чтобы все шло у бросившего их человека наперекосяк! А о чем, как не о подобном запредельном, необъяснимом, но существующем (!) мире повесть "Портрет" Гоголя или роман Оскара Уайльда "Портрет Дориана Грея"?!

... Александр Шилов действительно много рисовал дочь. 1985 год – "Автопортрет с дочерью Машей". 1986-й – "Портрет дочери". 1995 год, накануне семейной трагедии, – "Портрет Маши". И это далеко не все! Исходя из сказанного, можно предположить (и не моя в том заслуга!), что у талантливого мастера много коллег-недоброжелателей. На его выставки приходит масса народа. На кого переносится черная энергия? Конечно же, на портреты близких, в которые мастер вкладывает всю свою любовь. И чем талантливее портрет, тем ранимее, сами понимаете, оригинал.

Ну, в это непросто поверить, ведь правда? Но давайте без всякой подставки приведем факты. Илья Глазунов. Первый художник России в настоящее время. Очень любил рисовать жену Нину (Виноградова-Бенуа). Она, красавица, любящая жена и самый верный друг Ильи Сергеевича, выбросилась из окна...

Илья Репин боготворил Всеволода Гаршина. С него срисовал Царевича в знаменитой картине убийства Иваном Грозным своего сына. Потом художник сделал блестящий портрет писателя. Вскоре (именно вскоре!) писатель Гаршин бросился в пролет лестницы и разбился насмерть...

Портреты-убийцы?! Они преследуют (и преследовали) художников во всем мире. У Пикассо, например, покончили жизнь самоубийством две жены,

которых он удостоил своей кисти. На самые громкие полотна вдохновляла итальянского мастера живописи Модильяни Беатрис Гастингс. Затем ему позировала новая любовница – студентка Жанна Эбютерн. Первая сбежала от художника, вторая разбилась насмерть, выбросившись из окна...

Самые знаменитые картины Гойи – "Обнаженная Маха" и "Одетая Маха". Позировала живописцу герцогиня Альба, отбивавшая любовников даже у королев! Это была безумная страсть стареющего художника и молодой вдовы. Спустя три года (всего три) Альба скоропостижно скончалась...

А Рембрандт? Один из величайших мастеров кисти! Саския знакома всем по "Даная", "Флора" и другим полотнам. Умерла тридцатилетней, спустя восемь лет после свадьбы. Второй его женой была Хендрике Стоффельдс. Излюбленная модель, запечатленная на многих картинах. Она тоже как-то быстро умерла...

Рембрандт много рисовал и детей. Трое из них умерли в младенчестве, Единственный выживший – некто Титус – умер, не дожив и до тридцати. Словом, Рембрандт пережил двух жен и всех своих детей!..

Можно еще продолжить примеры. Из жизни Рубенса, например, или на моей памяти ушедшего из жизни поэта из Абакана, так и не издавшего ни одной книжки... Так чья же ты жертва, Машенька Шилова? Искусства, которое требует ее?! Или...

О мистической связи человека и его портрета знали (!) с древних времен. И одна из первых заповедей Бога, переданная через Моисея, звучит так: "Не делай никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в воде ниже земли».

Вот, наверное, почему я привел в этой публикации стихи талантливого поэта Анатолия Кыштымова, с кем мы дружили институтской порой. Он не менее талантливо умел, между прочим, и рисовать. Жизнь Толик покончил самоубийством, за несколько лет до этого написав это устрашающее, по своей сути, четверостишие.

Средь бела дня, среди темной ночи...

Принято считать (и это подтверждает жизнь), что многие потусторонние явления, вещие сновидения, пришельцы из параллельного мира и так далее, являются к нам в ночь под Рождество. Так что эта священная христианская дата – не только буквальное явление Христа народу, но и явления другие – необъяснимые, загадочные, ни с чем несравнимые. Как будто небо с шестого на седьмое января над Землю разверзается, и мы вдруг ощущаем связь свою с ожившими привидениями, потусторонними силами, видим

невидимое и слышим неслышимое... Нам вдруг становятся доступны ранее скрытые возможности для святочных гаданий, для того, чтобы в зеркале при свече увидеть своего суженого, вылить из воска знаковую фигуру того, кто желает нам зла, а в форме обуглившегося пепла узреть плохое или хорошее предзнаменование...

Но недавно встретил я человека, который на протяжении всей своей жизни, начиная с детства и кончая престарелыми годами, встречался с представителями того, потустороннего мира, совсем не в ночь под Рождество, а в самые что ни на есть рядовые дни, а чаще, конечно, ночи, и при этом испытывал настоящий животный страх, который знаком, пожалуй, каждому из нас... Примерьте на себя, при прочтении его воспоминаний, эти страшные события, и вы ярко ощутите, что пришлось испытать этому человеку не в воображении, а в реальности, когда случались с ним подобные необъяснимые и загадочные явления, причину возникновения которых он и сам не знает до сих пор. Он – это ветеран спорта Хакасии Н.М. Филягин. Когда до ночи под Рождество, в которую принято не только гадать, но и рассказывать страшные истории, оставалось меньше недели, мы и побеседовали у Новогодней елочки с неординарным человеком о причудах, и очень даже ужасных (!), которые случились с ним в его жизни...

– Николай Матвеевич, Вы помните, когда в первый раз Вас посетило необъяснимое явление, которое заставило все ваше тело буквально задрожать от страха?

– Еще бы! Я после того случая даже к папиросам стал прикладываться. К слову сказать, было отчего закурить! Мать моя в то время уехала на заработки в Кызыл... И я так заскучал по ней, что мне всякие чертики даже стали сниться. Иногда, проснувшись ночью, чувствовал, будто возле моей головы кто-то крадучись прополз. У меня волосы вставали аж дыбом, и я с головой уходил, прятался под одеяло. Дело дошло до того, что я вечером даже боялся на улицу выходить! И вот однажды ночью захотелось мне по-маленькому. Ведро стояло возле двери, а подполье было открыто для того, чтобы не замерзал картофель.

Так вот... Начал я с печи-то слезать, как вдруг увидел перед собой черного человека, поднимающегося из подполья. Я, конечно, дико закричал и не помню, как буквально взлетел на печь. Конечно, всех разбудил своим ужасным криком. Бабушка тут же все проверила, даже в печь заглянула, но нигде никого и ничего не нашла. Ладно... Уже утром я пошел в туалет и только начал свое дело, как опять ко мне стал приближаться черный человек! Что это было? – убей, не знаю! С ним были и какие-то маленькие черные человечки.

После всего увиденного я заболел, и бабушка попробовала лечить меня своими молитвами. Потом взяла воск, начала выливать его и получился настоящий петух. Видать, он когда-то напугал меня, что ли? Или это был отголосок страха крупной и толстой черной змеи, которая меня чуть было не ужалила летом на покосе? Не знаю. Как бы там ни было, меня вылечили, и никто после этого не стал меня преследовать.

– И так, скажите, длилось долго?..

– Относительно. Второй непонятный случай произошел со мной уже в школьные годы. В то время у меня появился новый друг Николай Егоров, учившийся в параллельном классе. Мы подолгу, допоздна бродили с ним по улицам Бай-Хаака, а потом я его провожал, но возвращаться домой через кладбище опасался, и потому часто, если не всегда, оставался у него ночевать.

Кладбище располагалось у нас, как и обычно, на возвышенном месте, а село привольно раскинулось перед ним. И вот однажды произошел такой случай. Уже темно было, а мы идем с Егоровым от Юры Тарасевича, который жил как раз рядом с кладбищем. Неожиданно недалеко от нас дорогу пересекает какой-то непонятный человек, вышедший из кладбища, и идет как раз по направлению к огороду Тарасенко. Мы оба это прекрасно видим. Затем человек подошел к забору и вдруг... исчез. Мы подбегаем к забору, а там никого нет. Потревожили Юру Тарасенко, сообщили ему о наших видениях, и уже вместе с ним все вокруг, хоть и не без страха, обшарили, но никого так и не нашли. Я уж, грешным делом, подумал: не вернулись ли ко мне те черные человечки из детства?.. Но ведь я на сей раз был не один, и если мне что-то и почудилось, то значит – не только мне, а значит, нам обоим! Вот ведь какие странные дела получаются...

– Потом, как у всех, было окончание школы, армия... Так?

– Да... Я за те годы аж четыре раза приезжал на побывку домой! Еще один непонятный случай произошел в мой третий армейский отпуск. Днем я отдыхал, а ночами оставался один с сестрами. И вот однажды ночью, когда мать была на дежурстве, я проснулся и почувствовал, как мое сердце часто-часто колотится. А потом мне показалось, будто меня кто-то как молотком по голове ударил! Я схватился руками за голову и на некоторое время потерял сознание, а потом очнулся и чувствую, что мое сердце бьется уже еле-еле, а потом пульс как будто совсем и затих... Но это, видимо, продолжалось недолго, потому что немного погодя мой моторчик начал снова включаться, опять я почувствовал его просыпающиеся ритмы и окончательно пришел в сознание. Что это было, кто меня ударил!?

– Вы уже были взрослый, если не сказать – бывалый человек, и все равно к Вам, как когда-то в детстве, непонятно кто являлся...

– Это продолжилось и после армии, когда я уже женился, и даже имел сына-первенца Андрея. Людмила с сыном переехала в Абакан, где жили ее родители, а потом следом за ними и я. Андрейка стал спать спокойнее, так что за ночь всего лишь один или два раза и просыпался – то. Я вставал, давал ему соску, и он снова засыпал. В ночное время на улице свет был выключен, ставни закрыты наглухо, поэтому в комнате было темно.

... В тот раз теща и тесть заснули, жена – тоже, один я все никак не мог уснуть. Лежал на спине, а тут вижу, светлячки по потолку прыгают. Я заинтересовался и приподнялся, чтобы посмотреть в щель оконной ставни. Светлячки запрыгали уже там, где спал Андрей – видно, поэтому он тут и заплакал. Тогда я встаю, иду на кухню, щелкаю выключатель, и лампочка неожиданно... взрывается. Я оборачиваюсь вправо – и вижу огромного белого человека ростом примерно до потолка. Он бьет меня по мягкому месту. Я чувствую очень сильный удар, как мне показалось – лапой, примерно лапой, как у медведя. Конечно, после этого удара я закричал так, что всех разбудил. А сам – на диван, и с головой под одеяло. Теща ко мне подбежала. Она подумала, что мне что-то повредило глаза, поскольку взрыв лампочки и она слышала. А я в это время находился в шоковом состоянии. Кое-как меня родственники вывели из этого состояния, после чего я честно рассказал им про увиденного мною человека в белом. Теща проверила все углы, даже в подполье слезила, но там тоже никого не было. В сенях входная дверь тоже была на запоре, и большая собака во дворе не лаяла. Страсть!..

Я сразу подумал, что хозяин, то есть домовый, не принял меня в этой семье, и мне очень трудно будет здесь жить. Это, правда, не сразу до меня дошло... И в самом деле, фантазировал я, жизнь будет здесь у меня очень тяжелая, я себе места не буду находить ни на работе, ни тем более – в семье. Мне это все представлялось адом в прямом смысле этого слова. Вот после этого и не верь тому, что со мной приключилось! Однако об этом я пока серьезно не думал – не было времени. Надо было в первую очередь найти работу и продолжать учебу.

– Скажите, Николай Матвеевич, а на природе, вне дома, бывали Вы свидетелем чудных, мягко говоря, явлений?

– И в этом смысле есть что вспомнить. Ездили мы как-то в тайгу за шишкой. Набрали несколько кулей и уже возвращались домой, и все вроде было хорошо. А тут с запада, видим, уже всю надвигается черная туча, и можно было легко представить, что когда она дойдет до нас, дождь хлынет, как из

ведра. Надо было поторапливаться, так как до тракта еще оставалось целых двадцать пять километров, и мотоцикл по грязи мог не проехать. И только мы начали было от тучи убегать, как она всех нас тут же и настигла. Буквально рядом сверкнула молния, ахнул гром, и мотор у мотоцикла сразу заглох. Я при этом чуть не упал с сиденья. Костя вновь завел мотоцикл, и мы тронулись дальше.

Смотрю, прямо перед нами, как на парашюте, спускается огненный шар. Не успел я как следует разглядеть его, как этот шар взорвался над нами, и мотоцикл снова заглох... Что за светопреставление!.. Дождь, между тем, полоскал, не переставая, пока мы с грехом пополам доехали до какой-то деревеньки, и тут напрочь забуксовали, совсем немного не дотянув до трассы. Дождь все хлестал, гром все гремел и ухал в горных распадах, и молнии зигзагами беспрерывно распарывали тяжелое пухлое небо...

– Странное, по крайней мере, явление! Но мне больше запомнилась Ваша борьба с домовым... Интересно узнать, были у Вас повторные встречи с ним или нет? Если были, то это косвенно, получается, подтверждает далеко не случайный характер этих необъяснимых явлений из параллельного мира.

– Расскажу и об этом, а вы судите сами. Уже после развода с первой женой я приехал в Абакан, чтобы повидать сына... Теща и тесть не ожидали меня увидеть на пороге своего дома. Сын Андрюшка, как всегда, очень обрадовался и бросился ко мне на шею. Не помню, что я ему тогда купил, так как был все время в дороге, и некогда было что-то покупать. Супруга к тому времени еще не вернулась из Сочи, да я ее не очень-то и ждал...

Отпуск прошел, и я опять вышел на работу. К тому же деньги мои закончились, и надо было вкалывать. Через несколько дней приехала супруга, но я ее не встречал. Да она и телеграмму не отправляла с просьбой встретиться, так как думала, что я опять куда-нибудь уехал. И тут во сне я снова увидел домового, которого очень не любил еще с детства, так как он приносил мне одни неприятности. Поэтому после того, как я увидел его во сне, решил любым способом выгнать из квартиры. Открываю входные двери, и выпроваживаю его вон... Для меня этот случай был реальнее, чем сон!

Лето – еще в полном разгаре. В квартире было душно, и я решил спать на балконе. На наш девятый этаж мухи и комары залетали редко. Не успел я еще как следует заснуть, как возле двери, слышу, как будто кто-то топает, кто-то ходит по квартире в сапогах... Так мне показалось. Когда кто-то «он» зашел в зал, я не выдержал: встал, взял в одну руку молоток, в другую утюг и включил свет – сперва в спальне. Потом захожу в зал и тоже включаю свет. Никого нигде не оказалось. Я все проверил, тем не менее, зашел на кухню, в туалет, ванную и даже дверь входную потрогал – но она была закрыта...

Опять иду на балкон и ложусь спать. Проходит несколько минут, и – что за черт! – я снова слышу шаги по квартире. Жду, пока кто-то «он» пройдет по залу и зайдет в нашу спальню. Вижу, как днем: мелькнула тень маленького мальчика, а потом он сам нырнул под нашу койку. Я опять не выдерживаю, встаю, беру молоток и утюг и подхожу к койке. Наклоняюсь и вижу, что под койкой действительно кто-то находится. Думаю, ну теперь-то тебе не уйти от меня, мил человек! Человек ли? Встаю, включаю свет, но опять никого, на этот раз под койкой, не оказалось.

После этого – уф-ф! – я снова со спокойной душой ложусь спать, и до утра мне уже никто больше не бластился, и даже во сне я никого больше не видел. Это, между прочим, было перед моим днем рождения. Зачем, спрашивается, домовый вновь напомнил о себе?..

– У Вас неожиданные, просто жуткие встречи – соприкосновения с призраками происходили, выходит, чаще всего ночью, за исключением некоторых случаев. А случались ли Вам потусторонние видения прямо среди бела дня?

– Да!.. Особенно сильное впечатление на мою психику произвело следующее. У нас за городом имелась хорошая дача. Моя работа там была – поливать и полоть грядки. Там же, на даче, я проводил и тренировки, используя естественные подъемы и спуски. При этом в основном штурмовал подъемы, а спуски опасался пробегать в полную силу. Туда, с автобуса, и обратно с дачи бегал и ходил через кладбище. И все вроде было нормально. Но однажды я тоже, доехав до конечной остановки, пошел на дачу пешком, но через кладбище. До сих пор не пойму, почему я шел пешком, а не бежал, как обычно? Наверное, потому, что перед тем, как уйти с работы, я сытно поел на мясокомбинате, то есть желудок мой был полон, и бежать после этого было трудно, да просто-напросто нельзя, так как мог случиться заворот кишечника.

И вот я прошел ворота кладбища, углубился на его территорию, и тут мне показалось, что мертвые ожили и стоят, поднявшись из ям, по обе стороны дорожки, по которой я иду. Я продолжаю, как сквозь строй, проходить через них, а они как бы осуждают меня за это – то есть за то, что я им мешаю отдыхать... И тут такая жуть меня взяла, что я сперва склонил голову, а потом не выдержал и побежал во весь дух бегом, прочь с этого страшного места!..

С тех пор я через кладбище без дела больше не ходил. Хотите – верьте, хотите – нет, но, увы, такое со мной вот случилось. Произошло это всего лишь в шесть часов вечера.

Расстрельный Абакан

(страницы из очерка)

1. Остров ночных выстрелов

Это произошло лет шестнадцать назад. Собственно, не произошло, а случилось. Даже так: просто было... Это сейчас я могу сказать, что тогда «это» действительно произошло! Но я не знал еще про «это», и потому – ну, было и было...

Сентябрьским деньком, порыбачив на протоке реки Абакан и ничего не поймав, я перебрел в болотных сапогах перекат, и напрямик, через полянки и буераки, кочки и болотные выемки, заросшие тальником, тополями, шиповником, калиной и еще Бог весть чем, направился, заплетаясь сапогами в пожухлой высокой траве, туда – к руслу Абакана: от Верхней Согры в сторону Никольской церкви, что стоит на противоположном берегу реки. Я пробрел таким образом полуостров Согренок, потом Долевой и оказался на острове Поповский. Тогда я, правда, не знал еще, что это островное место носит такое название – впрочем, как и предыдущие полуостровки...

На одном из спусков, споткнувшись о что-то, со всего маху, в движении, не сумев устоять, прямо лицом уткнулся в сухую траву. «Ч-черт возьми! – раздраженно выругался. – И так ничего не поймал, а тут еще...» Мне стало зло и любопытно увидеть, за что это я так сильно запнулся. Наверняка камень или сук... Но из-под сухого мха, больно сбитого носком резинового сапога, едва торчало полусгнившее ложе какого-то оружия с напрочь заржавевшим цевьем. Я нагнулся, расковырял мох и, преодолевая сопротивление цепкой травы, с силой вытащил из травянистого дерна холодное и мокрое ложе явно не охотничьего ружья! Повертел его в руках, подумал минуту-другую, и... решил взять с собой – благо, рюкзак способствовал этому.

Мое краеведческое любопытство впоследствии оказалось не напрасным! Через месяц-другой, встретившись с одним знакомым прапорщиком, давно находящимся на пенсии, и показав ему в гараже ту сентябрьскую находку, неожиданно услышал от него: «Ты где это нашукал? Интересно, интересно... Это ж, знаешь ли, приклад винтовки Мосина, причем образца 1898 года! У нас такие винтовки в части были, когда я еще во Владике служил...» Когда мой прапорщик узнал, откуда взялась эта моя странная находка, он выразил некоторое недоумение: «Разве только с гражданской войны это осталось?..»

Сейчас, после смены гаража, я уже не знаю, куда делось-подевалось то сгнившее, получерное ложе со ржавым цевьем. И вот тут вдруг вспомнил я о своей странной находке тогда на острове Поповском – вспомнил совсем недавно, когда, наконец, стал собирать материалы о незаконных политических репрессиях в Хакасии тридцатых годов XX, еще нашего, века. Вспомнил, потому что этот остров Поповский в те страшные тридцатые годы был, ока-

зывается, островом расстрельным! Летом, по всякому обычно ночью, сюда переплавляли обреченные жертвы на лодках, зимой перевозили на санях, а то и просто вели пешей цепочкой по льду под дулами винтовок Мосина сюда, на остров... Те, кто жил в то время поблизости в набережных домах, нередко слышали, как гремели в глухой ночи сухие винтовочные выстрелы – там, за рекой, за тополями и кустами ивняка, шиповника и калины...

2. Набережная, 4...

Набережная, 4... Невысокое продолговатое здание. Современная облицовка из белого кирпича, над крыльцом – российский флаг, флаги ведомственные. При входе справа – вывеска: «Хакасское республиканское отделение российской общественной организации «Всероссийское добровольное пожарное общество». Здесь же находится и «Клуб добровольных пожарных спасателей и волонтеров ВДПО и МЧС по Республике Хакасия».

С шестидесятых годов прошлого века размещается здесь «ВДПО». Солидная, так нужная населению организация. И в миру уважаемая! А до этого тут размещался, представьте, даже детский садик – куда как безобидное, к слову сказать, заведение! А до него – очень даже серьезная, между прочим: «Уездный ревком Хакасии». Между ревкомом и детсадом в этом продолговатом здании находилась, было время, еще одна организация, вполне приемлемая для социальной жизни населения. Но до сих пор на фасаде Набережной, 4 вы не найдете вывески о том, что в этом, с виду ничем не примечательном здании, располагалось и грозное НКВД! При упоминании этой аббревиатуры разве что только у представителей нынешнего молодого поколения не пробегут мурашки по коже. А вот у несчастных людей, переживших страшные годы незаконных репрессий, – у тех непременно содрогнется сердце, вмиг оцепенеет душа и выступят по-детски беспомощные слезы на выцветших от соли глазах...

Между прочим, напротив именно этого здания как раз и находится упомянутый ранее остров Поповский! Я только вот о чем, прямо сейчас, горько думаю-раздумываю-то: это кому ж, в свое время, пришло в голову устроить в этом мрачном кровавом здании, где в подвале расстреливали невинных, криком кричащих людей, – устроить детский сад?!

И дело тут даже не в ужасном сравнении – контрасте: где зверствовали убийцы, впоследствии стали, мол, играть детишки, хотя и это – страшное, даже по прошествии долгого времени, соседство! Дело в другом, в другом!.. Я, взрослый человек, и вот уже спустя почти сто лет после «действующих» здесь когда-то застенков НКВД, – и то входил в это не в ночь будь помянутое черное здание Абакана с неотвязным чувством какого-то внутренне-утробного содрогания. С неотвязным чувством содрогания и животного страха!.. Ведь как-никак, а именно здесь расстреливали беспомощных, оговоренных

властью людей, именно напротив этого здания – вон он, на другом берегу реки, Поповский остров, где я бродил (да и другие рыбаки!), и наткнулся случайно на приклад винтовки образца 1998 года, из которой, помимо револьвера системы «Наган», приводили здесь в исполнение решение Военной коллегии Верховного суда СССР!..

...Не с первого раза, но я попал на прием в кабинет нынешнего председателя Хакасского республиканского отделения «ВДПО» Раисы Григорьевны Галкиной. Был апрель, в Хакасии полыхали жуткие «пасхальные» пожары, и ей было не до того, чтобы уделить час – другой пришедшему человеку. Но во второй, уже условленный день, заранее зная, что меня интересует, эта четкая и строгая по характеру, но миловидная женщина действительно любезно (!) приняла меня, и во многом помогла психологически правдиво проникнуться в недобрую историю этого опасного, в своем недавнем прошлом, и мрачно молчаливого здания...

– Раиса Григорьевна, неужели и вправду в подвале этого дома расстреливали когда-то людей? – неизвестно для чего спросил вдруг я у собеседницы, начиная разговор, наперед прекрасно зная ответ. Спросил, наверное, все-таки потому, чтобы из уст конкретной нынешней хозяйки этого дома лично убедиться в кровавой правде, до сих пор словно витающей в воздухе этого, хранящего огромную и жуткую тайну, такого тихого, теперь служебного здания.

– Да, это действительно так, – выразительно и спокойно ответила мне Раиса Григорьевна и обратила ко мне свой долгий взгляд, полностью, думаю, понимая мое первое непреодолимое чувство человека, впервые попавшего в стены здания местного НКВД, хоть и давно бывшего! – Я на этом месте работаю уже восемь лет, – далее услышал я, – и могу смело утверждать, поверьте мне на слово: в этих стенах могут работать только добрые души! Люди с мелкой душойкой, придя в нашу организацию, выдерживают от силы две – три недели, в редком случае – два – три месяца. Стены эти, слышавшие пытки и последние стоны незаконно репрессированных, по навету и несчастию попавших сюда на мучения и смерть людей, являются словно лакмусовой бумажкой для тех, кто переступает порог этого дома. Так вот... Слабые, мелкие душойки не выдерживают невидимого глазу испытания, и уже через несколько дней становятся неуравновешенными, раздражительными, при встрече прячут глаза, смотря куда-то в пол, а не на тебя...

– О чем я говорю вам? – спросила вдруг моя собеседница.

– Да, конкретно о чем? – сразу согласился я с вопросом и предстоящим, пока до конца непонятным мне, ответом.

– Видите... В стенах этого здания тяжело погибали люди, которые являлись

цветом нации – русской или хакасской, любой другой нации – все равно!.. Являлись цветом общества! Люди погибли – десятками, сотнями, тысячами... Относительно давно это было, да... Но сильная аура их высоких душ осталась жить, как ореол, в этих много выдавших (и слыжавших!) стенах. И слабые людишки, представьте, не выдерживают этой ауры! Да она их просто выталкивает из этих стен!.. Потому в нашей организации работают надежные, проверенные временем люди. Высокая аура этого здания приняла их, можно так сказать. Приняла и вдохновила... Словом, случайных здесь нет. Вот, например, работала у нас здесь замечательная, как профессионал и женщина, Любовь Михайловна Левахина. Сорок лет работала! – таков ее трудовой стаж. За все это время она ни разу не оступилась, ни разу не подвела, даже в мелочах, свой коллектив. Могу поэтому сказать, что она явилась достойной тех невинных загубленных людей, которые когда-то по наговору сложили здесь свои головы. Иными словами, погибший здесь цвет нации, цвет общества, их дух никому из нас не дает расслабиться, быть не на высоте теперешнего дня.

...Именно в это время, после таких-то слов Раисы Григорьевны, я и пришел к попутному размышлению о том, как это так могло случиться, что после убийц с винтовками в этот дом, пусть по прошествии времени, но взяли и заселили ребятишек – самых невинных, в отличие от расстрельщиков, душ?! И дело тут действительно даже не в ужасном сравнении – контрасте: где зверствовали убийцы, впоследствии стали играть детишки, хотя и это – страшное, даже по прошествии долгого времени, соседство! Дело в другом, совсем в другом!..

В чем же? После НКВД, потом другой важной организации, даже после нахождения здесь послевоенного детсада (!), уже в шестидесятые годы, когда в этом здании разместилось «ВДПО», – так вот уже в то последующее время охрана (!) не ночевала в стенах этого страшного дома! Почему? Охранникам по ночам бластились мечущиеся в ужасе тени мучеников, не унимались до утра их стоны, живо несущиеся из подвала, откуда раздавались и револьверные выстрелы, хриплые крики... Охранники начинали плохо себя чувствовать! В конце – концов им разрешили охранять территорию, находясь в ночное время в соседней пристройке.

Так-то вот...

– Вы не поверите, – продолжила Раиса Григорьевна, чуть слегка откидываясь на спинку стула, – но в коридорах внутреннего помещения до сих пор ощущается запах табака тех лет... Нервничая и переживая, непонятно чего боясь, так вот часто, как видите, курили тут в свои ночные беспокойные смены охранники... Стены, кажется, навсегда пропитались этим тяжелым мажорным запахом!

- Да, это сразу чувствуется, – подтвердил я, некурящий.
- Вот – вот, – кивнула головой моя собеседница.

Именно в это время я и подумал о том, а как тут, пусть и в дневное время, потом играли, ели, спали, наконец, послевоенные детишки? Это, наверное, то же самое, как если бы на месте заброшенного кладбища возвести, например, ...роддом. В лучшем случае, это будет кощунственно; в худшем – отложенным наказанием...

И ведь эти слова о детях – не просто слова! Дом на Набережной, 4 действительно помнил (и до сих пор помнит!) ночные ужасы подвальных застенков. Мне довелось встретиться с Иваном Семеновичем Вичутским, жителем Абакана, который в семидесятые – восьмидесятые годы XX века работал в детсаде № 2 не кем иным, как именно ночным сторожем – детсаде, который размещался как раз в этом зловещем доме. И я, назначив встречу теперь уже с больным человеком, как говорится, из первых уст услышал его нелегкое признание:

– Я в то время был большой любитель поспать, – со вздохом вспоминает мой собеседник сравнительно недавнее былое. – Мой сын, Сергей Иванович, неся службу в спецсвязи, одно время решил еще и подрабатывать, и устроился сторожем как раз в этот детсад № 2. Парень мой, надо сказать, заочно учился еще и в институте. И я решил ему помочь, стал часто за него сторожить. Ну, жалел сына, что тут...

И вот... Нахожусь я внутри здания, подвал – подо мной. Наступает ночь, можно бы в полглаза и соснуть. Но что такое? Как только приближается полночь, я не могу даже прилечь на диван. Внутри меня – какое-то беспокойство, какая-то нервозность. Встану, похожу-похожу и опять лягу... И вдруг... я очень явственно начинаю слышать какие-то шорохи внизу, какие-то шумы, перестуки по стенам, стоны... Боже мой! Соскакиваю, оглядываюсь, места себе не нахожу... Что-то там, под полом, а, может, даже под землей, происходило в это время страшное. А окна передо мной – как черные дыры. И опять я слышу какие-то тяжелые звуки, какие-то хлопки...

– Да, да! – привстает от волнения Иван Семенович, – что-то внизу там тогда происходило...

– И как вы дальше поступали?

– Я, как будто кто меня за окнами звал, торопливо выходил на улицу. Бесконечно курил, хотя вовсе не любил этого дела: затягивался так, по привычке, два-три раза в день, не больше. А тут... за одну только ночь – две пачки беломорины – нет как нет! И вот, представьте, я до сих пор помню это неприятное, какое-то жуткое внутри себя состояние. А поспать, повторю, любил в те годы...

3. Подвал мучений и смерти

В тайну Набережной, 4 верят далеко не все. Одно время, в составе какой-то комиссии, в Абакан из Омска приехала женщина – проверяющая. Узнав о тайне дома на Набережной, она, считая себя от рода смелой, заявила без всякого для себя сомнения: «Я ничего не боюсь, и ничему такому, тем более, не верю!..» – «Пойдемте, спустимся тогда в подвал НКВД!» – предложили ей.

... Оттуда, из холодного бетонного подвала, темного и молчаливого, слышавшего когда-то выстрелы, предсмертные крики умирающих людей, оставившего на своих стенах дыры от пуль и забрызганные кровью углы, эту смелую женщину из Омска вывели под руки... После обеда, отойдя, она все равно больше не захотела во второй раз спуститься в расстрельный подвал, чтобы своими глазами увидеть его оставшиеся недосмотренными закоулки. А ведь поутру намерение у нее было!..

Между прочим... Одному из подобных специалистов после посещения подвала (казалось бы, чего особенного?) пришлось вызывать «Скорую»: так ему стало плохо, что таблетки, увы, не помогли...

Руководство, сотрудники «ВДПО» долго ломали голову над тем, как изменить «нечто» внутри помещения... Пришли к выводу, что переломить странную, но, вместе с тем, и психологически реальную (судя по реакции людей) ситуацию, особенно с подвалом, поможет священник. Чтобы освятить кабинеты здания, а тем более бывший расстрельный подвал, они пригласили к себе отца Александра (храм Преподобного Серафима Саровского). Уверенность в силе Божией не оставляла даже неверующих! Настал день, в коллектив пришел отец Александр – высокий, вселяющий уверенность всем своим видом – тем более, в святом одеянии. Он сначала провел молебен за упокой душ невинно убиенных, потом спустился в расстрельный подвал. Пробыть там отец Александр смог от силы две – три минуты. Когда он спешно, тяжело дыша, поднялся наверх, по его красному лицу стекал липкий пот... Там, внизу, в полутьме и холоде, он как будто вживе услышал вдруг выстрелы в затылок обреченным людям, услышал падение их тел, беспомощные предсмертные стоны... Отцу Александру стало плохо, и он заторопился назад, повторяя при этом одни и те же слова: «Надо молиться! Надо молиться!..»

Этот дом на Набережной, 4, стоящий на отшибе, являлся расстрельным, начиная, собственно, с двадцатых годов, еще во время действия в нем Уездного ревкома под руководством большевика Г.И. Итыгина. Когда пришло время, и сюда после НКВД и детсада переехало «ВДПО», стал вопрос о переоборудовании подвала под хозяйственные нужды. Но Томское отделение Сибирского общества охраны памятников исторического и культурного наследия (вон аж откуда увидели, что в Абакане есть такой подвал – из Томска!), запретило переоборудовать этот бывший расстрельный подвал. Жутко представить,

что такое «наследство» является, оказывается, не только историческим, но еще и культурным! Как бы там ни было, указание свыше абаканцы приняли к сведению, а все-таки не к исполнению, потому что на сегодня три четверти подвала занимают мастерские (другое дело – работают они или нет), и лишь одна четверть подвала осталась нетронутой: там все сохранилось так, как было. По крайней мере, мне об этом было сказано именно так – до спуска туда...

И вот теперь, по моей просьбе, мне предстояло, в сопровождении одного человека (заведующего хозяйством?) спуститься в этот подвал... Пришел пожилой мужчина с ключами, сказал не без ободряющей улыбки: «Пойдемте!..» Вход в подвал находится с левого торца здания. Вниз ведут четыре (или пять), не запомнил, бетонных ступенек. Дверь открывается тяжело: сверху на меня сыплется за шиворот песочная, известковая пыль... И вот под ногами, почти сразу же – холодный земляной и неровный пол, в центре «коридора» проброшены две-три доски... В первом отсеке, что налево, – мешки с химическим порошком, какие-то деревянные поддоны, в другом, справа, – забетонированный пол, стоят несколько газовых баллонов, ведра с краской и домашний, неожиданно, веник... Так что насчет того, что одна четверть подвала сохранилась «нетронутой» – это как сказать...

Чуть выше головы – матица из лиственницы или даже кедра, толщиной с человеческое туловище, не меньше! Попробуй, выберись отсюда! Впечатление такое, что дом (или, по крайней мере, подвал), как будто изначально был приспособлен для заточения людей.

Озираюсь по сторонам... Мертвенно и холодно. А я ведь только-только спустился сюда! Люди же, которым предстояло умереть в соседнем отсеке, где расстреливали днем, или на острове Поповский, куда отправляли на расстрел ночью, мучились здесь, помимо ожидания насильственной смерти, еще и в тесноте – кто день, кто три, кто неделю, кто месяц...

Еще раз окидываю комнату взглядом: здесь, если не сидеть, а тем более не лежать, а только лишь стоять, могло находиться до 20–25 человек. Вообще же во всем подвале могло находиться, думаю, до 150 человек. Они, ожидая своего последнего часа, в темноте и холоде, что говорили друг другу, о чем думали, что могли прочитать в глазах друг друга в короткий миг – хотя бы при открывании дверей?! Или каждый в эти стеклянные до жути секунды думал об одном: не за мной ли?.. Не за мной ли, а-а-а?!..

Стреляли обычно в затылок, поставив узника лицом к стенке. Стреляли вымороженным ранним утром. Все слышали выстрелы и крики (а может, кто-то и видел!) – особенно наверняка те, кто находился у открытого, в полтора-два метра, проеме... Никаких дверей не было.

Впрочем... Тут, в подвальной холодной темнице, можно было умереть (и умирали!) нередко и до расстрела – от мертвецкого холода, язвенного голода, тяжелых, гнетущих переживаний... Иными словами, точно так же, как умирали в ссыльных товарных вагонах отправленные на поселение в далекую Сибирь.

Я резко, чем это того стоило, обернулся: мне вдруг почудились – да я их просто увидел! – чьи-то сумасшедше-обреченные глаза. Услышал явственно крики расстреливаемых – но почему-то не из соседнего отсека, где сейчас спокойно стояли газовые баллоны, ведра с краской и обезоруживающий своим домашним видом веник. Они, эти выстрелы и крики, доносились оттуда, сверху, и дальше – из-за реки, с острова обреченных...

Мы со вздохом (по крайней мере, я), покинули подвал вместе с моим сопровождающим. Пока он возился с замком, пытаюсь его закрыть, я хотел было занести в блокнот свои первые впечатления от посещения расстрельного подвала – что называется, «с колена». Но ручка... не писала. А когда вышел я на улицу Набережная – первое, что бросилось в глаза, – это откуда-то взявшиеся еловые ветки прямо на дороге. Вполне возможно, кого-то пронесли... Но почему тогда я не заметил этих еловых веток, подъезжая к зданию? Да и, между тем, был лишь полдень, и в такое время на кладбище еще не несут ведь...

Вещая Радоница

Кладбище, родительский день. Его нарекают еще днем мертвецов, а то и странным, хоть и понятным словом: гробки – то есть чуть помягче...

Радоница... Она, как ни странно, – день радостного поминовения. «Довел Господь и до радостного дня дожить!» – сказано в Писании. Отсюда и христианское (исконное!) название. Поминовение – оно, оказывается, радостное потому, что в этот день смерти нет – она есть в другие дни, но на Радоницу ее нет. Таково славянское поверье. Да и вообще (и тому есть тьма подтверждений), люди умирают лишь видимо, а невидимо продолжают жить.

Все вроде бы реально, неодушевленно – по крайней мере, вокруг тебя на кладбище: холмики, кресты, венки – свежие или уже засохшие на солнце, ветру, летней жаре или морозе... Чего, спрашивается, бояться-то? С этой точки зрения действительно вроде бы все ясно, как днем. Кстати, именно – днем! Но попробуй кто, хотя бы и на спор, а тем более добровольно, взять да и остаться на кладбище вечером и одному, а потом, не мечтая вернуться домой, и заночевать здесь, среди сотен и сотен могил, в которых лежат все-таки люди, которые, как вы, в свое время ходили, мечтали, улыбались. А теперь вот... Так смогли бы вы остаться тут или нет? А?! Под шум черных деревьев, каких-то дальних сомнительных ночных скрипов, а то вдруг внезапно близких во тьме

чьих-то нарастающих шорохов... Я не смогу, да и практически – любой... А чего, вроде бы, бояться-то? Упокоенных, продолжающих невидимо жить? Это, конечно, черт знает что, однако вот... Ты не заснешь, ты будешь их (кого их-то?) ждать, привстав на руках с холмика, где приляжешь, всматриваться – до галлюцинаций в глазах – в притаившуюся и опасную ночную тьму, из которой может кто-то вот прямо сейчас и выйти внезапно к тебе. Уже вот вроде бы тебе и мерещатся чьи-то странные осторожные шаги, уже бластится из-за крестов чье-то потустороннее, конкретно невидимое пока лицо...

... Разговоры на эту, к месту и ко времени тему, были слышны в родительский день между многих могил. Одни говорили вполголоса, другие, чуток уже помянувши, – абсолютно уверенно, даже убежденно, причем с чувством непогрешимой правоты дураковато глядя на собеседника уже хмельными глазами. Вскоре, по мере дальнейшего поминания, в разговорах в ход, само собой, пошли ссылки на нехорошие предчувствия, внезапные знамения накануне гибели или обычной смерти того или иного человека, который «где-то тут лежит теперь». Ну, а то, что покойники, не спросившись, сами, без всякого нашего хотения, являются к нам, спящим живым, – являются в вещих снах, тем самым на что-то предначертано намекая или на что-то откровенно жалуясь, а то и вообще уводя – там, во сне, – с собой куда-то – так с этим никто почти и не спорил уже! И вправду: разве кто из нас от подобных снов не просыпался в ужасе среди ночи?!

... У нас, на станции Сон, что в Богградском районе, кладбище находится на Пушкинской горе (название это она получила от прилегающей улицы, которая сейчас вообще уже не существует: люди разъехались, дома развалились, бывшие дворы поросли травой, крапивой или бурьяном). На этот раз родительский день выдался теплый, солнечный, голубой. С утра, когда на кладбище никого еще не было, я прибрал могилки своих бабушек и дедов: вырвал пожухлую траву, выломал бодыли прошлогоднего репейника, протер надгробия... Подумалось: надо бы заменить на покосившемся памятнике (да и поправить уже его!) фотографию деда Алексея (по отцу), а у бабы Дуси и деда Ивана (по линии матери) вообще на жестяном надгробии прикрепить медные дощечки с надписями. Лишь у бабы Паши, моей любимой отцовской матери, все было относительно в порядке: на меня с эмалевой пластинки смотрели ее глубокие тревожно скорбящие глаза. А вот у ее мужа, лежащего рядом, нужно обязательно поправить холм! Деда Алексея-то хоронили с домовиной, и она давно сгнила уже, обрушилась – там, под землей, и холм превратился теперь в заросшую осотом впадину. Не дело это!

Так вот... На кладбище я привез всю свою оставшуюся родню по материнской линии: тетю Любу, ее дочь Людмилу, неисправимого таяжника Вален-

тина, с которым тетка живет уже более тридцати лет... Они расположились внутри оградки у столика, в непосредственной близости от могилы матери (и бабушки) Лизы, что нашла впоследствии свой покой рядом с захороненным тут прежде своим мужем Андреем – лихим красавцем-танкистом в годы войны. Он долгие годы и после возвращения из Берлина для многих-премногих женщин был их желанной погибелю!

Помянув своих и оставив на тарелочках нарезанную кружками колбасу, крашенные пасхальные яйца, пряники, вафельки, конфетки, а у дедов еще и наполненные стопки у изголовья их надгробий, я, конечно, пошел по заросшей тропке туда, где поминала своих родителей тетя Люба с дочерью Людмилой и Валентином. Помянул деда Андрея и бабу Лизу, краем уха невольно слушая и волей-неволей вникая, таким образом, в разговор о потустороннем мире, о том, что сейчас наши умершие родственники невидимо вот радуются тому, что мы о них не забыли... Тетя Люба, между тем, закусывая, говорила, обращаясь к своим родителям: «Мы к вам придем, папа-мама, и не раз, а вы к нам уж не приходите...»

Помолчали...

– А теперь надо всем к Сергею сходить... – прервала нависшее молчание Люба, машинально и тяжело подтягивая под лавочку изболевшие ревматизмом, изношенные натруженные свои ноги.

– А это кто? – внезапно и как-то неловко спросил я.

– А, ты ж ведь не знаешь! – как бы спохватилась вдруг Люба. – Да Сергей это, старший вот сын Люды моей. Да-а...

– Сын? А что случилось-то с ним? – переводя взгляд с Любы на Людмилу и обратно, спросил я, выдавая этим полную свою неосведомленность. Вот что значит редко бывать-то в своей родной деревне!

– Да полгода, как погиб он... – вздохнула, объясняя мне, Люба. – Ехал с женой из Сона через Богград в Абакан. Ну, и под Пригорском какой-то самосвал ни с того, ни с сего выехал ему вдруг на встречу... Жена – та, слава Богу, жива осталась, ушиблась лишь. А Сергею... тому наполовину всю аж голову снесло!.. Едва вытащили из кабины... Тридцать семь лет парню-то всегошеньки и было!..

Людмила молчала. Не плакала, даже не всхлипнула едва слышно... Я понял: она за эти полгода, потеряв старшего сына, просто омертвела. Приходилось жить, при этом смиряясь или не смиряясь с произошедшим – все равно...

– Так вот, – повернулась Люба ко мне. – Повез Сергей меня и Людмилу в Богград, в районную больницу: уколы для ног поставить. Я ему и говорю: «Сергея, ты погоди уезжать-то, подожди нас чуть-чуть, потом обратно в Сон вместе и вернемся. А он все порывался в Абакан... Да ты, говорю, завтра туда

с женой и уедешь». – «Нет, – отвечает. – Вы обратно в Сон возвращайтесь автобусом, а мы с женой сегодня уедем в город». Уперся – и ни в какую! Ну, машина его... Что я буду спорить? И Людмила – она тоже согласилась...

Тут тетя Люба замолчала, как-то отчужденно взглянув поверх крестов, потом отщипнула кусочек ватрушки, о чем-то, видимо, соображая, и что-то явно желая еще дорассказать. Наконец, вздохнув глубоко, произнесла:

– А все перед тем, как случится этой беде, вот как было... Где-то за полгода до гибели Сергея снится мне: будто приехала к нам сюда, прямо на станцию Сон, его первая жена. И сумерки будто такие предвечерние уже стоят... Она, радостная, подошла к дому, взяла Сергея под руку – а тот стоял там, будто ждал ее, и повела его сюда, на эту гору Пушкинскую – прямо на кладбище наше! В плаще она таким была черном, болоньевом еще. Сергей – да, он стоял у палисадника, а тут, вижу, пошел с ней, не сопротивляется, и даже не оглядывается! Я – там, во сне, хочу его завернуть, хочу этак призывно махнуть ему рукой... А сказать – оно ничего не получается, а руку поднять я не могу! Вот оно и што! Так они вместе и ушли на моих глазах. Прямо вот сюда. Увела, увела она его с собой...

– А эта жена-то его первая, – с оттенком недоумения перебил я, – она где, Люба, сейчас-то?

– Дорогой племянник! То-то и оно... Она ведь еще тому лет семь назад умерла... Вот что! Аха... Я проснулась тогда, помню, и лежу ни жива – ни мертва. Соображаю себе: «Ой, не к добру сон этот! Ой, не к добру!..» Утром так порешила: Людмиле, дочери, ни в коем случае ничего говорить не буду, как я видела ее сына, внука своего. Упаси Бог, думаю!..»

Людмила, заметил, в эту минуту не глядя, отрешенно развернула попавшую под руку конфетку, и молча продолжала стоять... Лишь брови моей троюродной сестры чуть нервно дернулись...

– Я ведь так ей, дочери, и не сказала ничего... – продолжила тетя Люба, взглянув на Людмилу. – И вот тебе, видишь, полгода спустя происходит с Сережей такое! Я только уж после похорон открылась Людмиле, решилась поведать ей тот страшный сон.

Повисла пауза...

– Помянем... – раздался глухой голос Валентина.

– А тогда – вот еще забыла сказать! – на похороны-то Сергея, приехала из под Северо-Енисейска подруга его умершей жены – ну, той, первой. Она, эта женщина, была не только подругой Сережиной жены, но и одноклассницей Сергея. Вот и приехала проститься с ним.

Ну, похоронили мы Сергея, вернулись домой, сели поминать его, и тут, представь себе, эта его одноклассница и говорит: «А я, тетя Люба, буквально

где-то за день до Сerezкиной аварии, видела про него такой сон. Вот послушайте... Будто его первая жена – ну, моя умершая подруга, смотрю, торопится будто на автобусную остановку. А уже сумеречный вечер такой. Я ее останавливаю, говорю ей: «Лена, ты куда это так быстро спешишь, куда собралась-то, на ночь глядя? Да и автобусы уже не ходят...» А она недоуменно так уставилась на меня, и, довольная, отвечает: «А я поеду в Хакасию, на станцию Сон. Там горы, знаешь какие большие! Там ведь у меня и муж Сережа... Ты разве не знаешь? Что ж я здесь одна-то, без него? Мне надо его забрать с собой».

Я, это, проснулась и ошалело так думаю: ведь она же умерла, Ленка-то! Зачем ей, Боже мой, Сережа-то теперь ее понадобился? Ой, так мне жутко, тетя Люба, тут стало! Не поверите... И на следующий-то день – сон в руку! – как раз вот и приходит она, ваша телеграмма...»

Тетя Люба замолчала... Оглядела отстраненным взглядом все кладбище, пополнившееся новыми людьми – видать, приезжими поминать издалека...

– Так вот, – продолжила снова она. – Тамара (так звали одноклассницу Сергея) отпила тогда, за столом, из бокала брусничный морс, помню... И тут говорит, обращаясь ко мне: «А самое интересное, знаете, что, тетя Люба? – удивленно и вопросительно как-то так вдруг сказала. – Ведь Лена, насколько я знаю, ни разу не была у вас ни в Хакасии, ни, тем более, в Сону! А ведь тогда, во сне, она рассказывала мне, и по какой улице вы живете, и по какой живет – ходит ее муж Сергей, и какая здесь у вас речушка Сон бежит, и какой ваш дом – в красивых голубых наличниках такой... Да что! Рассказала она мне даже и то, что кладбище у вас – на Пушкинской горе, и в него теперь – два входа. Ясно? И вот я теперь все увидела своими глазами – именно так все точно и есть! А откуда она-то, тетя Люб, могла все это знать? Ну, такие подробности, а? Ни разу ведь в здешних местах не была! Даже, допустим, к примеру, если Сергей и рассказывал ей что-то подобное – но не про два же входа на кладбище! Не про два же входа! Вот ведь загадка-то какая!..»

... К обеду на голубом небе появились кучевые облака, и над кладбищем стал по серым лиственницам, сухим акациям, голым кустам дикой черемухи, что украшают могилки моих односельчан, гулять зябкий апрельский ветерок... Я слушал рассказ тети Любы и думал о том, что вот пусть в разное время и совершенно в разных населенных пунктах, да и совершенно ведь разным людям (!), но приснились хоть и разные по содержанию, но, однако, совершенно однозначные вещие сны! Как это, как такое могло случиться? Получается, что только одно объяснение и ставит все на свои места: люди, действительно, умирают видимо, а невидимо, значит, продолжают жить. Вот ведь Лена, первая (и умершая!) жена Сергея, поехала себе в Сон, где он жил уже после ее смерти со второй женой, а потом, приехав на станцию, взяла его под руку и повела от палисадника на гору, в сторону кладбища...

Повторюсь: тетя Люба видела свой сон, как Лена увела ее внука на кладбище за полгода до гибели Сергея, а его одноклассница – та буквально уже за день до несчастного случая, – как умершая Лена собиралась из своего северного поселка в Сон за Сергеем, где до этого ни разу не была, но вот подруге во сне описала насчет этой самой станции все с невероятной точностью! Пусть хоть и во сне... Значит, выходит, души мертвых витают над землей и следят за всеми нами, все видят, все знают про нас?!

... Мы, подсобрав огурцы с помидорками, хлеб, водку, печенье и конфеты, пошли к могиле Сергея. Над относительно еще свежим холмиком (только зиму перезимовал), на кресте виднелся его отблескивающий на рассеянном солнечном свете округлый портрет. Улыбающийся парень, светлые, слегка волнистые волосы... Да... После смерти первой жены он переехал в Сон, повторно тут женился, думал помогать обустраивать дом своим родителям... И вот...

Людмила стала класть на могилку старшего сына небольшой зеленый, в искусственных иголках, венок, два вида – розовых и голубых – искусственных цветов... Я держался поодаль. Тетя Люба, тяжело вздыхая из-за своих тяжелых больных ног, разболевшихся к старости, присела на лавочку и, глядя на портрет Сергея, своего внука, ни к кому конкретно не обращаясь, как-то тихо произнесла:

– Вот ведь, миленький... Как я не хотела, чтобы ты в тот день ехал в Абакан-то! Как не хотела... – И, уже обращаясь к нам: – Ну, а когда он не послушался нас, и они все-таки поехали, – меня точно острым ножом кто в сердце ткнул! Точно острым ножом!.. Аха... Я тогда все стояла и смотрела им вслед... С таким тяжелым сердцем... Все стояла, пока они не скрылись...

Мы, не чокаясь, молча снова помянули Сергея. В эти минуты, казалось, усопшие были всем нам гораздо ближе, чем живые, тут и там поминавшие своих родных на разбросанных могилках. Казалось, они, ушедшие, прекрасно видели, что мы пришли к ним, слышали все наши разговоры и там, непонятно где, думали, наверное, а, может, и говорили – себе, нам ли, – да мы не слышали: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!» А мы, все живые и сущие, одними лишь губами шевеля, незаметно шептали каждый про себя: «Христос воскрес, родные наши... Довел Господь и до радостного дня дожить. Приглашаемо вас до яств наших! Дай вам Бог добра на том свете, чтобы вы не печалились!»

... Я вернулся к могилкам своих бабушек-дедушек. Присев на одно колено, думал о прошлой их жизни, когда я был еще такой маленький... Поправил веночки у их надгробия, слегка коснулся цветов... Я интуитивно чувствовал в эти мгновения, что они видят, что я тут, что прекрасно помню их, и вот при-

шел помянуть, устроить им праздник. Как водится – до полудня, когда только их души и витают в эфире над своими могилками. «Вы ко мне не приходите... – сами собой набегали, повторялись нужные, к месту вспомнившиеся, слова. – Я лучше сам к вам приду...»

Радоница... Вещая, значит? Иначе с кем мы на кладбище общаемся в этот день? Ведь не с самими же собой! Это какая-то необъяснимая тайна – вещая Радоница. Тайна, превосходящая человеческий разум, но совместимая с ним.

Троица вот-вот. Сошествие святого Духа на апостолов. Все погосты расцветут яркой зеленью.

Знамение неблагоприятного огня

Накануне Пасхи все мы, не только верующие, жили под впечатлением Библейских легенд и преданий. Была Страстная неделя, был Чистый четверг, в Иерусалиме, храме Гроба Господня, в очередной раз снизошел в мир Благодатный огонь... Некоторые христиане, видел по телевизору, даже «умывались» им! И действительно: ни разу во время снисхождения этого Благодатного огня ведь не загорался храм и его жилые окрестности, не воспламенялась от него одежда на прихожанах. Да что: даже ни один волос на голове мужчины ли, женщины не опалялся пламенем! А ведь в руках десятков тысяч паломников горят в это время десятки тысяч свечей! И ничего...

Так есть Бог или нет? Над этим вечным вопросом снова и снова размышлял я, когда узнал, что в Усть-Абакане двум пожилым женщинам, причем в разные часы, из окон своих квартир 7 апреля виделась одна и та же картина: будто между двух частных домов, отстоящих друг от друга на некотором расстоянии, вдруг явился в небе большой огненный дом. Горящий дом!.. Когда женщины узнали, что в разные часы, но эта картина одинаково виделась и той, и другой – они, поразившись этому знамению – или что это еще было? – в попытках перекрестились, вспоминая Бога. Между тем 7 апреля был днем, когда, по преданию, Бог послал людям на землю Благою весть!..

Знамение, получается, было? Если так, то вот только, увы, не жильцам домов №№ 16, 14 и 12, что находятся по улице Чебодаева в Абакане. Впрочем, домов сейчас этих уже нет... А расположил я их номера в такой очередности потому, что пламя вспыхнуло именно с участка дома № 16. Здесь я побывал в среду, то есть 15 апреля. Пасха, а вместе с нею и непременно воскресное разговение, уже – ну, хотя бы по календарю, сами понимаете, три дня, как закончились. Но что-то, на свежий взгляд, много «пивного» народу все еще бродило-шаталось по здешним (и этой, чебодаевской) улице с соответствующими, так сказать, случаю, лицами. Детей вообще не было видно...

Я остановил машину у дома № 18. Там стояла старая женщина и бесцельно смотрела вдоль сгоревшей стороны улицы, которая кончалась переулком.

Он, этот переулочек, подумалось, и спас, видать, от разбушевавшегося огня вечером 12 апреля все последующие дома, стоящие «по ветру». От женщины, сразу уловил, несло многодневным перегаром, но она спокойно стояла на ногах и охотно вступила в беседу, за что я ей благодарен, сами понимаете. Нина Антоновна (так звали эту женщину), стала рассказывать, как все происходило, но вдруг перебила саму себя:

– А вон, смотри, зеленый «жигуль» подъехал. Ну, значит, родственник это одних из погорельцев. Пошли к нему!..

– Пойдемте... Только скажите, – успел еще спросить я, – как вы-то спаслись?

– А у меня дома мужик один был... Он увидел – ну, и давай шлангом из колонки забор-то обливать водой. Рассказывал: только пар, знай, валил!

... Машина, что подъехала, остановилась практически рядом, у бывшего дома № 16. Из нее вышел мужчина в годах. Познакомились. Он оказался с именем-отчеством Андропова. Юрий Владимирович, едва поджав губы при взгляде на пепелище, тоже вступил в наш разговор.

– В этом шестнадцатом доме было две половины, – сказал он. – Первую половину, где жили мои родственники, огонь не смог уничтожить: ему против ветра трудно было наступать. Но все равно снутри и снаружи эта оставшаяся часть дома теперь нежилая. А вторая половина – та абсолютно вся сгорела...

А во второй половине этого дома, за стенкой, жила старая женщина-инвалид. Подроспевшие к ней на выручку мужчина и женщина успели вытащить ее из огня, спасли. Бабушку увезли потом то ли в больницу, то ли в дом престарелых – никто толком не знает.

Следующий дом, № 14, был сложен из бруса, и совсем не старый. Там жила молодая семья с двумя, насколько я понял, детьми. Погорельцев, по словам соседей, после пожара заселили в общежитие, что находится в Абакане по улице Ленина. От их же домашнего гнезда остались стоять только четыре обугленных столба, на которых держалась внутренняя перегородка, да землей и пеплом отекший по краям погреб.

Дом № 12 сгорел последним... От него осталась (впрочем, совсем не от него) – лишь одинокая темнозеленая ель в огороде да часть обуглившегося забора. Жильцы, по словам соседей, тоже вскоре перебрались то ли к родственникам, то ли им предоставили место в том же общежитии.

Поговорив с Юрием Владимировичем и Ниной Антоновной, я перешел дорогу и направился к дому напротив, у которого что-то делали, крутятся у машины, как потом оказалось – отец с сыном.

– Уже седьмой час вечера был, – пояснил старший. – Я управился с домашним хозяйством и пошел прилечь на диван, как вдруг, слышу... У-уу! Какой-то

шум, треск шифера в пламени, чьи-то крики, вижу черный дым в окне... Я тут сам не свой выбежал на улицу.

– Да вот, посмотрите, как все было... – и его сын передал мне в руки свой мобильный телефон с включенным видеофильмом. – Правда, там много ма-тугов...

До меня из телефона донеслись людские ахи и охи, отдаленные вопли, чей-то визг... На пожар, показывал экран, сбегалась вся улица: мужики, женщины, подростки, маленькие дети. Кто-то уже вызывал пожарных, при этом обильно матерясь: «Да где ж они? Черт бы их всех побрал! Ведь пылает!.. Смотрите, как пылает...» На экране в это время по-пьяному буйно взмывали вверх огненные вихри. Языки пламени, порывисто, рывками, взлетая в небо выше крыш и деревьев в палисаднике, в считанные секунды с ревом и треском, прямо на людских глазах, нещадно сжирали строения, заборы... Что-то обрушивалось, с хлопками падало вниз, взметались бурлящие тучи колючих красных искр...

«Да где эти... (нецензурное слово). Вот же... (опять «красное словцо»).

Но больше всего меня убил огромный, во весь экран, густой черный дым, клубами рождающийся в пламенных недрах пожара и злобно, как при атомном взрыве, взлетающем вверх над горящими домами – так, что становилось темно на улице, хотя еще всюю светило солнце.

Забегая вперед, скажу: все эти три дома сгорели в каких-то всего десять минут. Бежать с ведрами на выручку соседям было просто бессмысленно! Страшно смотрелось все это... Впрочем, удивляться ли? Ведь, например, одна из деревень Орджоникидзевского района выгорела вся, дотла – не прошло и часа! Да и не в одном ведь этом районе!

Подобная, просто бешенная «скорость беды», была, как видите, и в Абака-не.

– Это вот те (указывая, как я увидел, на Антоновну) пили в тот день, поджаривали шашлыки... – сказал старший – из того, дома напротив. – Скорее – так все и было... Другие, слышал, – так они считают, что все это устроили дети. Взяли вот, и подожгли кучу листьев и сухой травы у забора. Женщина до этого их сгребала... Ну, впрочем, кому надо – разберутся.

Я молчал... Что тут можно было добавить? Благо, что никто не пострадал из людей, – если можно так сказать. Но вряд ли, вряд ли можно сказать так! Если и можно, то если не считать потери жилых домов, всего нажитого. А что творится в эти дни (да что – в каждый теперь час!) в душах переживших эту беду людей? Только задуматься... Видится ли им, например, будущее – допустим, в том же образе восставшей из пепла птицы Феникс? Пока, наверное, нет. Пока у них одни душевные, без исхода, метания, жгучие слезы на опухших

щеках, да покрасневшиеся глаза...

Вот тут суди-ряди: разговлялись (или нет), а теперь – ни кола, ни двора... Но, согласитесь, в любом случае жаль людей! Нам с вами всем и без пожара, сами понимаете, жилось и живетсЯ крайне неспокойно, с постоянно преследуемой думкой: а что завтра-то будет, а?

... Тушить сгоревшие дома пожарная машина все-таки приехала. Правда, не из Абакана, в котором и живут-могут наши пострадавшие, а знаете, откуда? Из уже упоминавшегося нами Усть-Абакана! Оттуда, где двум женщинам 7 апреля была Благая весть... в виде горящего в небе дома...

Весть, похожая на огненное знамение!

III. Призраки прибытия

Призраки прибытия

Призраки... То, что они являются нам, – аксиома. Чаще всего – во сне. Проснешься в замирающем, тихом ужасе и спустя минуту-другую, уже придя в себя и еще до конца не веря в реальность, подумаешь: «Фу-у, слава Богу, это был лишь сон!..» Другое дело, когда призраки приходят к нам днем, и видят их не один, а сразу несколько (даже много!) людей. От такого призрака не отмахнешься, как ото сна! И напрямую, в полный рост сам собой встает вопрос: что ЭТО? И в оцепенении, не найдя ответа, беззащитно остолбенеешь. А когда он, этот призрак, уйдет – так же внезапно, бесшумно, как и появился, вопрос – он останется: что, что ЭТО было?! Не верить своим глазам нельзя. Ведь недаром говорится: «Моим глазам свидетелей не надо». Не надо! С этим любой согласится.

Призраки, как правило, – они бывают знаковые, о чем-то информирующие или предупреждающие. Все мы, например, знали, что в 2014 году в Сочи пройдет зимняя международная Олимпиада. Но, как оказалось, об этом был осведомлен и еще Кто-то!.. Ведь не далее, как в конце 2010 года именно над Сочи, а не где-нибудь там над Сибирью (Америкой, Африкой) в предвечернем небе однажды зависли пять олимпийских колец! Кто их «нарисовал» над будущим олимпийским городом? В голубом пространстве они, в два ряда: сверху три и снизу два кольца, один в один повторяющие олимпийскую сим-

волику, сияли белоснежной кольцевой росписью. Продержались десяток-другой минут, и неизвестно куда беззвучно исчезли... А пришли – пришли-то откуда? Нет, не самолеты реактивные, делая «бочку в небе», изобразили их своим отработанным топливом, оставляющим белый след в небе. И не чудачества матушки-природы с преломлением солнечных там якобы лучей под определенным углом образовали эти самые пять колец! И помимо этих, всякие другие (рациональные!) предположения строили многие, вплоть до ученых мужей. Да так все и заглохло, и никто ничего так и не смог объективно и убедительно доказать! А призрак-то олимпийской символики в виде пяти сцепленных колец – он был! И вряд ли это назовешь случайностью: эти пять колец над Сочи – будущим олимпийским Сочи!

Так неужели в нашем материальном мире, который, правда, время от времени, как и наш рациональный мозг, дырявят иррациональные «летающие тарелки», одну из которых и мне довелось однажды увидеть на Верхней Согре в Абакане («моим глазам свидетелей не надо!»), – неужели в этом нашем мире, таком близком всем и знакомом, все еще есть место для призраков?! Так что же, они все-таки существуют – эти странные бестелесные сущности? Свидетельства очевидцев ошеломляют, будоражат воображение и... вместо того, чтобы дать определенный ответ, порождают все больше и больше новых вопросов! Одно обстоятельство, во всяком случае, не вызывает сомнений: человек давно уже существует на Земле с внутренним осознанием этого призрачного соседства.

Но кто же они, эти сущности: демоны ли, принявшие зачастую человеческий облик (олимпийские кольца – не в счет), или не более чем порождение нашей фантазии, всегда охотно принимающей желаемое за действительное? Но ведь люди, находящиеся в разных точках того же, допустим, Сочи, не могли, не сговариваясь (а они ну никак ведь не сговаривались!), нафантазировать одну и ту же картину олимпийских колец на небе! Причем, как на Олимпийском флаге – белоснежных, а не синих, там зеленых или оранжевых колец! Эта удивительно необъяснимая картина правильно, знакомо сцепленных (3+2) воздушных колец на небе существовала объективно, САМА ПО СЕБЕ!

Оппоненты могут сказать: все это – игра света! Да свое, мол, рациональное предположение каждый из нас может подкрепить массой самых убедительных доказательств! Пожалуй... Но вот только вопросов, увы, от этого меньше не станет. Ведь одним разумом все тут не объяснишь.

Призрачные персонажи встречаются в фольклоре, литературе, вообще в искусстве практически всех народов мира. В Японии, например, распространены (когда они являются) призраки – собратья, то есть зеркальное отражение живого человека, к которому спускается с неба его призрак. Японское

привидение в белом саване со спутанными волосами грозно нависает над своим земным собратом, который от ужаса просто не знает, куда деваться... Это – одна из картин национального художника времен Хиросимы и Нагасаки. Самое же поразительное в следующем: перед цунами, унесшим в 2011 году до 15 000 японцев и повредившим береговую АЭС, многие выжившие потом чудом жертвы вновь, как и их недавние предки, говорили, что видели во снах своих братьев – призраков! Именно перед катастрофой. Вот уж воистину: «Японию качает ядерный прибой»... И еще как качает!

Призраки – собратья – как и те же родственники. Однажды некто миссис Мэйбл Чиннери, жительница английского города Ипевич, отправилась вместе с мужем на кладбище, чтобы возложить цветы на могилу матери. Прежде чем пуститься в обратный путь, она достала фотоаппарат и «щелкнула» супруга за баранкой. У женщины было шоковое удивление, когда уже на снимке за спиной у него она увидела лицо матери! Призрак призрак, получается, – рознь, раз одни из них являются в наш мир неизвестно откуда прямо перед наши ясные очи, а другие видимы только вот, как в данном случае, лишь при помощи объектива фотоаппарата... Значит, есть параллельные миры, которые мы не рождены видеть? И такие вот призрачные соседи по прибытии существуют рядом с нами, слава Богу, не видимые обычным человеческим зрением. А то как было бы жить среди бестелесных чужаков?

Скептики – они и тут найдутся. Более того: их – большинство. Это большинство не признает самого слова «призрак», а любое «видение» считает существующим исключительно лишь в чем-то сознании. Другими словами, в представлении скептиков любой очевидец «призрачного» феномена страдает пусть временным, но умопомрачением. Человек более объективный, соглашаясь в принципе с тем, что призрак есть не что иное, как «изображение», заметит, возможно, что источник, посылающий сигнал на пространственный (небесный) «экран», совсем не обязательно находится в чем-то мозгу. Между тем масса накопленных за долгие десятилетия и столетия свидетельств порождает, однако, такие вопросы, ответить на которые не способна ни одна из этих двух умозрительных теорий! Один из скептиков, попутно заметим, неизменно высмеивал любые упоминания о привидениях. Но когда ему предложили провести ночь в доме, где вот уже сто лет как «обитает» призрак, скептик воскликнул: «Буду я рисковать!..» От себя добавлю: если наш мир исключительно материален, почему тогда мало кто согласится, допустим, летней ночью – ну, когда тепло, взять, да и переночевать на кладбище?! Рассуждать логически – какие там могут быть призраки-то да привидения? Одни кресты, да и все. Одни кресты!.. Чего бояться-то? Однако!.. Вряд ли кто, вряд ли кто согласится!

Но обратимся выше, к небесам! Анапа, 2008 –й год. Над морем прошел ураган, поломал береговые каштаны, красивые деревья, на которых растут (правда, до конца не вызревая), грецкие орехи. Более полудня бушевал черноморский шторм. По его следам группа операторов и журналистов Анапского городского телевидения выехала на побережье, чтобы заснять последствия урагана и шторма. Когда все было сделано, телевизионщики за- собирались было уезжать. Одна из журналисток на прощание оглянулась на успокаивающееся море и вдруг увидела над ним большое и жуткое изображение в небе. Оно было разительно похоже на мрачную лисью морду. Глаза этой неизвестно откуда появившейся в тучах морды были налиты свинцовой тяжестью, уши двигались... На секунду – другую призрак злой «лисы» оскалил белесые клыки... Журналистка вскинула фотоаппарат и успела сделать три снимка видения, явившегося над бушевавшим только что морем. И пусть снимки невысокого качества, но они – реальное доказательство явления того призрачного феномена, выплывшего бесшумно из-за туч прямо средь бела дня! Не доверять этим снимкам я не могу. Уникальные в своем роде и чрезвычайно редкие, можно сказать – эксклюзивные фотографии эти сделала в те внезапные минуты моя дочь.

О чем хотел сказать призрак хитрой и злой, как будто что-то знающей на- перед магнетической лисы? Зачем, почему он появился именно здесь и по- сле шторма? Возможно, затем, чтобы люди, проживающие в Анапе, знали, не забывали, что их город, называвшийся в далекие-предалекие времена Тьму- Тараканью, находится как раз на тектоническом изломе Земли, и в любой мо- мент может уйти под воду? Уж последнее-то утверждение давно обозначено и доказано учеными, и опирается на выверенное объективное исследова- ние.

Конечно, конечно... Если посмотреть на все это чисто материалистическим взглядом, то можно успокоиться тем, что образ злой и хитрой лисы – это все- го лишь случайное стечение ураганно – штормовых туч, своими разорванны- ми лоскутами как раз вот и «нарисовавших» на грозовом небе портрет не- здешней, потусторонней черно-лохматой лисы, словно о чем-то молчаливо напоминающей... Да и олимпийские те кольца над Сочи, – они ведь тоже как бы напомнили сверху (через Кого?) – напомнили сочинцам о предстоящей в недалеком будущем зимней Олимпиаде... Так что это?

Если отбросить версию о «высшем разуме», а заодно исключить веро- ятность какого-то сверхъестественного совпадения, то остается только предположить, что кроме «нашего», привычного времени, существует еще и какой-то другой временной слой, визуально накладывающийся иногда на нашу реальную жизнь. По крайней мере, вопрос о многослойности времени

стоит, и давно стоит перед учеными! Не лишне заметить, что исследователи то и дело сталкиваются со случаями, убедительно свидетельствующими о том, что человек способен заглянуть на много лет, дней или часов вперед – в самом прямом смысле этого слова. Перед Великой Отечественной войной, например, некоторые люди видели во сне много белого савана... Да, человек во сне ли, наяву способен хоть на мгновение увидеть открывшееся будущее. И, тем более, куда как неизмеримо большей возможностью этого обладает Кто-то, нам совершенно пока Неведомый и Неподвластный.

Что же происходит, когда перед нами возникает призрак прибытия, привидение? Когда один и тот же призрак (привидение) наблюдают одновременно несколько человек? Когда разные люди в каком-то постоянном месте видят один и тот же призрачный образ? Или на фотопленке появляется нечто, чего не видел снимавший? Когда человек ощущает прикосновение руки, к которой сам прикоснуться не может? Возможных объяснений тут несколько, но нет ни одного, которое могло бы полностью удовлетворить нас всех! Так сможем ли мы когда-нибудь найти рациональное объяснение призрачному феномену? Как разгадать многовековую тайну, над которой пока еще тщетно бьется человеческая мысль? А призраки – они являются, а «летающие тарелки» – они летают! Так есть ли какая-нибудь одна, относительно простая, естественная причина, которой можно было бы объяснить всю совокупность этих и других загадочных явлений?

Тайна сия велика есть!

Зимний вечер... с НЛО

Почему я об этом решил написать только сейчас? Бог весть! Наверное, потому, что именно сейчас в воздухе носится идея о летающих тарелках, внеземных пришельцах да и о конце Света, который должен наступить... 21 декабря, в день моего рождения, кстати. Верю я в это или нет? Честно будет признаться: бабушка надвое сказала. Успокаивает только давно запомнившийся мне афоризм на этот счет: мысль о кончине человечества так же стара, как само человечество. С тем и живет. Но все-таки...

...Это произошло не где-нибудь в Перу или Норвегии, США, над военными базами или боевыми кораблями в океане, а над Согрой, в нашем Абакане.

Начать стоит, наверное, с розыгрыша, хотя... в каждой шутке есть доля правды.

Помню: в мою бытность работы в республиканской газете «Хакасия» мы поместили на первой полосе фотоколлаж, на котором правдиво была изображена «тарелка» инопланетян, зависшая над... Первомайской площадью. Автором этой идеи была, по-моему, Галина Овчаренко, сейчас работающая

на «ТНТ – Абакан». Годы были девяностые, все, наконец, позволялось. Но то был обыкновенный розыгрыш: номер выходил 1 апреля. Я тоже улыбался нашей журналистской находчивости, но в отличие от других на собственном (!) примере уже знал, что эта шутка отражает не вымысел, а земную реальность.

... Был день как день, а точнее – ранний вечер 2 декабря 1988 года. Я собрался ехать в город на концерт в филармонию. Наша автобусная остановка на Верхней Согре – последняя: «Мостоотряд». Здесь в ожидании транспорта стояло человек 5–6. Темнело. За протокой Абакана смутно уже просматривалось заснеженное поле, на небе привычно горели по-зимнему яркие звезды. Я люблю и сейчас, в ожидании автобуса, смотреть вдаль – туда, на это заснеженное поле, тополиные острова, скрывающую реку Абакан. Этим занятием скрашивал свое ожидание и тогда...

И вдруг... Впрочем, тогда я про «вдруг» не подумал – не до того оказалось!

... Мне доводилось переворачиваться в легковом автомобиле: заснул за рулем. Я, разбуженный ударом о кучу земли, находившейся на обочине (иначе бы улетел в кювет), на скорости стал выруливать на середину дороги. Но машина, минув ее, уже летела к левой обочине... Потом опять, хотя я вроде суматошно и справлялся с ситуацией, – к правой... Но скорость опережала мои маневры! И когда я снова с визгом выкрутил руль влево, «Запорожец» со скоростью в 70–80 километров в час, уже не слушаясь меня, поднялся в воздух и в кувырке носом тяжело хватил асфальта. В эту секунду я почему-то подумал: «Сейчас начнет мне рвать шею, плечи. Х-х.. А вот Африки-то я так и не увидел...». Причем тут была именно Африка, я так и не понял до сих пор. Может, оттого, что в то время я читал «Зеленые холмы Африки» Хемингуэя? Но жизнь за одну секунду, как бывает в подобных случаях, передо мной вся не пронеслась... Легковушку бросило уже крышей на асфальт, и тут на секунду-другую я потерял сознание. «Запорожец» пронесло метров 5–6 (это я потом осмотрел) по асфальту, снова поставило на колеса, и уже задом машина, как взрыв гранаты, влетела вновь в кучу травянистой земли, что, слава Богу, тянулись по обе стороны дороги, и ... намертво стала. Я прекрасно все осознал, но почему-то повторял и повторял: ой, ой... Спасли меня тогда не только кучи земли. Мотор у «Запорожца» находится не спереди, и вся тяжесть удара при перевороте пришлось на задний капот, который и перевесил собой всю машину. А над водительским сиденьем передние стойки остались даже почти не погнутыми. Я отделался бескровной царапиной на левой руке, и только.

Так и тут, на остановке, все произошло внезапно... Это уже минуты спустя, удивленный и ошеломленный, я понял, что сейчас произошло именно вот это «вдруг» – и вместе с тем так сказочно обыкновенно: ведь ничего вокруг ровным счетом не изменилось! Даже люди, стоявшие рядом со мной, не за-

метили «этого»! Лишь один старик поднял на секунду голову вверх – видать, после того, как взглянул на меня с задранной головой, и если что и увидел, то понял ли? А «оно» было. Бы-ло!

...Я смотрел на поле, тополя, мелкие яркие звезды над ними и вдруг... Одна звезда мне показалась движущейся. Зимой звезды, как в августе, не падают. И это был не светящийся спутник! Тем более «нечто», тут же стало ясно, летит прямо по направлению к нам как будто для атаки. Уж нет ли у «этого» глаз? Живая тарелка, что ли?! Звезда превратилась в светящийся белым золотом ослепительный овальный шар. Он явственно и бесшумно зависал уже над тополями, что чернели на горизонте. Сейчас думаю, что двигался он на высоте километра полтора и был в окружности метров до 15-ти... Когда, уму непостижимо, живой и подвижный, не успеешь моргнуть и глазом, шар был уже почти над заснеженным полем, я подумал, что сейчас что-то случится: минимум – осветится, как днем, весь Мостоотряд. Крутящаяся против часовой стрелки плазменная тарелка, как во сне, приостановилась над полем – казалось, почти перед автобусной остановкой. Что-то высматривает?! И так близко над нами?! На самом же деле до нее было до полутора километров, если не больше. Но тогда я не просчитывал это расстояние, а испытывал состояние кролика перед раскрытой пастью змеи. В это время я осознал, что плазма эта может растопить всех нас на остановке, хотя еще минуту назад мне думалось исключительно о концерте. Холодный огненный шар вдруг, но все-таки не торопясь, как бы раздумывая и словно по мановению волшебной палочки, в мгновение ока вознесся, может, на километр-два по диагонали вверх и снова бесшумно замер... Это уже было прямо над нашими головами, но высоко-высоко. Ему мы оказались неинтересны?! Слава Богу! Потом тут же молниеносно и снова бесшумно живая, а потому и страшная, светящаяся «тарелка» взмыла, как в сказке, круто вверх... Эта плазменная бестия была явно чужой в нашем, таком привычном с детства, мироздании. И даже там, почти уже среди звезд, она еще явно отличалась от мерцающих иголок на небе! Последнее равнодушно-прощальное молниеносное удаление в темный космос, за звезды, – и «нечто» испарилось, будто и не было потустороннего ошеломляющего явления!

Я, как после сна, одураченное посмотрел на людей в сумраке вечера. Они, как ни в чем не бывало, переговаривались, кто-то лузгал семечки. Где-то брехала собака, кто-то пьяно возмущался на бетонном крыльце магазина... Привычный окружающий мир! Так... что это посетило наши глаза? Я хотел было чуть не заорать радостно: «Вы видели, что было?!», но, конечно, даже глухо не произнес восклицающих слов: казаться белой вороной? Люди явно живут земными заботами и смотрят исключительно только себе под ноги. Я думаю:

кто и сейчас читает эти строки, не то что навряд ли, а явно тоже не верит тому, что я тогда лично увидел и сейчас воспроизвел. Ну да пишу я не для того, чтобы всех убедить в чем-то!.. Лишь свидетельствую.

Сейчас, в начале XXI века, об НЛО говорят повсеместно, рассекречены и ранее хранящиеся в тайне свидетельства, фото- и видеодокументы. На телеканале «ТВ-3» нередко демонстрируются документальные фильмы о летающих тарелках, наносящих нам визиты от внеземных цивилизаций, от пришельцев из-под воды... НЛО стало не сказочным визитером, а реальным. Сколько уже было продемонстрировано свидетельств о встрече людей с пришельцами, инопланетными кораблями! «Тарелки», как правило, действительно часто появляются над военными базами, во время учений боевых кораблей в открытом океане. Они могут сопровождать подводные лодки на морских глубинах, боевые самолеты – в воздухе. Да что: их видели наши космонавты на околоземной орбите и даже американские астронавты – на Луне! Существует предположение, что именно на Луне инопланетные корабли имеют свою базу и, представьте, на дне озера Байкал, как, впрочем, и в Антарктиде.

Ученые вычислили, что до ближайших планет, где существует иной разум, нужно лететь 25 000 световых лет! Это нам, при нашем сегодняшнем развитии космической техники. Как же тогда пришельцы молниеносно достигают при таких-то не поддающихся пониманию расстояниях Земли? Уже де-факто известно: их корабли окружены плазменной оболочкой, что позволяет инопланетянам без сопротивления преодолевать немыслимые пространства! При этом подсчитано, что «тарелки» в околоземном пространстве летают со скоростью 16–18 километров в секунду! А в мироздании?..

В центре Бермудского треугольника, на дне Атлантического океана, с Юга на Север, тянется межконтинентальная подводная трещина. Посередине ее со дна поднимаются два огромных холма. Каждый год (!) они становятся выше на 6 метров. Ученые предполагают, что в скором времени эти подводные пирамиды взорвутся – оттого, что уровень мирового океана поднимается из-за таяния Антарктиды, и вся эта масса все больше и больше давит на подводные земные мега-континенты. Взорвавшиеся подводные вулканы позволят соединиться океанской воде с земной магмой, имеющей температуру 1 200 градусов! Это вызовет глобальное испарение мирового океана и, как следствие, парниковый эффект, извержение наземных вулканов, ураганы. Будет затоплена Канада, часть Америки, вся Европа, даже Санкт-Петербург. Исчезнут с лица Земли Сан-Франциско и Токио, диаметрально находящиеся по разные стороны Земного шара, но одинаково на стыке мега-пластов земной коры, которые «полезут» друг на друга. Судя по прогнозам, не поздоровится и нам, живущим у берегов Енисея: северные реки из-за поднятия уровня мирового океана пойдут вспять и затопят все вокруг себя... Таков мистический

прогноз не экстрасенсов, но ученых. Поживем – увидим, осталось ждать не долго. Правда, другие же ученые считают, что потепление или оледенение на Земле происходит регулярно, через каждые 100 000 лет. В настоящее время нам еще жить-поживать до следующего потепления где-то 60 000–80 000 лет. Это эгоистически радует.

Но сейчас речь даже не об этом. Уже существуют доказательства того, что Бермуды – это погребенная водой Атлантида. И здесь тоже, под водой, – база инопланетных кораблей. Откуда тогда, действительно, электромагнитные отклонения, необъяснимые исчезновения в Бермудском треугольнике кораблей и самолетов? Меня убеждать не надо, что это – мировое аномальное место. На «Ил-96 М» летом 1998 года я пролетал над Атлантикой в 270 километрах от Бермудского треугольника и прекрасно помню, как стал бессильно по-иному себя чувствовать. Было такое ощущение, будто ты переживаешь глубокое похмелье, но абсолютно с трезвой головой. Замедляются движения, плывут мысли, все становится отдаленней, организмом правит равнодушие... Я спросил у стюарда, что это? И он ответил, что мы сейчас пролетаем несколько в стороне от Бермудского треугольника! Я вспомнил о шести американских боевых самолетах, все разом пропавшие после войны в этом районе, и мне захотелось на землю, в степи родной Хакасии. Больше за океан я никогда не полечу, ни за какие коврижки! Я так решил в те нехорошие минуты и сейчас, в земной безопасности, от этого решения не отказался.

Теперь уже в ученом мире явственно говорят о том, что иноземные пришельцы изучают нашу голубую планету, какой ее увидел с околоземной орбиты космонавт № 2 Герман Титов. Изучают! Сейчас вот, кстати, читаю дневники Л. Н. Толстого, и за 1 января 1900 года натыкаюсь на следующую его удивительную запись: «Ехал наверху на конке, глядел на дома, вывески, лавки, извозчиков, проезжих, прохожих, и вдруг так ясно стало, что весь мир этот с моей жизнью в нем есть только одна из бесчисленного количества возможностей других миров и других жизней...»! Другие инопланетные миры, другие жизни (пришельцев)?

Как бы то ни было, а в ученом мире уже подсчитано, что первый массовый живой контакт пришельцев с землянами состоится уже скоро, не позже 2025 года. Ну, а что касается внезапной плазменной тарелки... В объективно невозможное я теперь субъективно верю, потому что наблюдал это случайное появление НЛО над Согрой, а не увидел на кадрах документальной видеосъемки, показанной по мистическому телеканалу ЦТ «ТВ-3».

PS: а что думает по этому поводу, к примеру, Снежный человек? Или, вы считаете, его тоже нет на нашей Земле, как и летающих тарелок?

Хм – хм...

Календарь Майя: сбудется ли предсказание

(Вперед, в прошлое?)

... Вот и пришел на Землю 2012 –й год от Рождества Христова. По календарю же Майя наступил последний год тринадцатого (!) четырехсотлетия последней пятой эпохи существования человечества. По исчислению древнего племени, мировые эпохи менялись (и меняются) на Земле через каждые 5 200 лет. Ну ладно, стоим мы на пороге новой, так что?.. Да, действительно, и все бы ничего, но дело в том, что каждая из уходящих эпох, оказывается, заканчивалась глобальной катастрофой! И это знали не только Майя, но подтверждали и подтверждают до сих пор ученые всего мира. Да что далеко ходить: и мы ведь с вами еще в школе «проходили» всякие там исторические периоды Земли, вот только не знали, что они сменялись именно через каждые 5 200 лет. Напомню (теперь уже в свете календаря Майя), что одна эпоха закончилась всемирным землетрясением, другая – повсеместным извержением вулканов, третья – наступлением ледникового периода, четвертая – всемирным потопом, пятая... Астрологам Майя – и тем-то было ясно лишь то, когда заканчивается та или иная эпоха. Но и они не знали – по крайней мере, в отношении нашей пятой, через что и как она прекратит свое существование!

Итак, мы на излете тринадцатого четырехсотлетия последней пятой эпохи человечества. Между прочим, эта эпоха, как известно, – эпоха Огня! А на календаре год 2012 –й, то есть год Черного Дракона. И не только Черного, а какого еще? Ог-нен-но-го! Не слишком ли много объективных совпадений с определением «последний»? Если и дальше шагать мыслью в этот запредельный мир, в который реально верить ну, никак не хочется, то что там видится, а? А видится вот что. Буквально за последние годы на планете случились десятки землетрясений с тысячами жертв (самое страшное – в Гватемале), происходят извержения вулканов (самое последнее и самое значительное – на Северо-Востоке Европы, когда от пепла даже не могли летать самолеты), третье – несмотря на всемирное потепление, ученые утверждают, что Земля остывает. Ну а о четвертом (так и хочется сказать – Чьем-то предупреждении!) и говорить излишне: это цунами в Юго-Восточной Азии (которое произошло при сдвиге тектонических платформ Земли, когда погибли десятки тысяч людей), а вот и совсем недавнишнее последнее (последнее ли!) цунами у берегов Японии...

К чему я это перечисляю, напоминаю? Да к тому, что, как бы получается, Кто-то в конце пятой, последней эпохи жизни человечества, напоследок вроде бы всем нам лишний раз напоминает – будем говорить, словно прощально, в назидание нам, листают пожелтевшие, сгнившие страницы Всемирной

Истории, которая идет окончательно к своему неизбежному Концу. Вот какая мысль нет-нет, да вдруг и зашевелится. А раз шевелится, прорастает – почему бы ее не воссоздать, вселюдно не огласить, хоть и в большом сомнении?

И вот теперь – теоретически последний год: год Черного Огненного Дракона, уходящей последней пятой эпохи человечества, и тоже – Огненной! Если уж мы рассуждаем, не забывайте, что в рамках запредельного мира, то от какого Огня должно (или может) погибнуть нынешняя цивилизация? Тут, на мой взгляд, и гадать не надо, если это случится. В мире столько атомных электростанций, накоплен такой «богатый» арсенал ядерных ракет, такие хранятся запасы смертоносного водородного оружия, что чиркни только одной спичкой – и вся Земля взлетит на воздух! Ведь современным арсеналом всевозможного вооружения нашу планету, кто этого не знает, можно уничтожить десятки, сотни раз! Но хватит, понятно, и одного раза. Вот тебе, получается, и огненный конец последней эпохи человечества. Так неужели, спрашиваю я себя, современное человечество, к которому мы все принадлежим, может погибнуть от своего же Ин-тел-лек-та?

... Ну да ладно, спустимся теперь на нашу грешную Землю, и вернемся к племени Майа, из-за календаря которого и разгорелся весь сыр-бор на всей нашей голубой пока планете, и которое появилось на этой самой планете и начало строить свои Божественные храмы ровно 1 000 лет до Рождества Христова. На родину предков Майа ведь можно, причем запросто, съездить (для нас – слетать!) Это, на волне всемирного интереса к роковому предсказанию календаря Майа, так и сделал один из наших абаканцев. Я познакомился с ним. Это – Фарид Надыров, инженер-строитель. С первого колышка он участвовал в возведении «Абаканвагонмаша», других объектов Хакасии. Со временем перешел на проектирование. Это показалось ему гораздо интереснее после большого практического опыта строительства. Сейчас возглавляет проектное бюро «Ф-проект», является членом Российской ассоциации по сейсмостойкому строительству. И еще Фарид Фуатович – неисправимый путешественник: бывал в Египте, Индии, на Гавайских островах, в Америке... На его рабочем столе я увидел книгу одного из западных авторов под названием «Чудеса Света глазами архитектора».

– Я люблю путешествовать, – переводя взгляд с книги на меня, сказал Фарид Фуатович, – но со знанием дела, чтобы как можно больше узнать историю древней архитектуры разных народов. Моя цель – увидеть памятники великого зодчества. Они же являются и памятниками культуры.

У Фариды Фуатовича сын Денис, живет в США тринадцать лет, занимается строительством. Отец ежегодно, обычно зимой, летает к сыну через океан, и они вместе посещают теплые края. На этот раз – солнечную Мексику. По-

луостров Юкатан на юго-западе страны. Это полоска земли в виде цифры 7. Знаменитый город Чичен – Итца (первое слово – название одного из племен Майя, второе переводится как «колодец»), расположен на равнине, в густых джунглях. В XIV веке племена Майя исчезли со своих земель, и до сих пор никто не знает, куда покинули они свои места или – погибли?.. Но древний город сохранился. Его жемчужина – одноименный храмовый комплекс.

– Меня заинтересовала здесь пирамида Кукулькана, – говорит, просматривая снимки, Фарид Фуатович. – В переводе это – пирамида «Пернатый Змей», святому образу которого местное население поклоняется с древних времен. Как раз этот храм аборигены и зовут не иначе, как календарь Майя! Вход в храм охраняют две (по обеим сторонам) такие летающие каменные змеи с раскрытыми пастьми. Считалось раньше: если такая змея заглотит человека – он сразу попадает в рай. За головами змей вьются многометровые пернатые хвосты.

Не раз выдававший легендарные пирамиды Египта, неумолимый путешественник из Хакасии сразу отметил их разницу с мексиканскими. Здесь они не конусообразные, а с усеченным верхом. На этой верхней террасе устраивались жертвоприношения. Раз в году народ Майя избирал жертву на заклинание. И избранный должен был радоваться, что сейчас предстанет перед Богом. Тем самым, как проповедовал жрец, ушедший в другой мир спасает всех оставшихся на Земле Майя. После этого сделавшему свое дело жрецу из кожи юных девственниц шили новое одеяние.

Но Фарида Фуатовича, как строителя, больше всего удивило, что культовая пирамида Кукулькана высотой в шестьдесят метров имеет четыре грани, каждая из которых идеально смотрит на свою сторону Света. Сделана она из местного камня – жесткого известняка: гранита тут нет. На верх пирамиды ведут большие ступени шириной и высотой не менее 50 сантиметров. «Раньше разрешали подниматься вверх пешком, но потом запретили: слишком большой шаг! Да и подъем – крутой. Неудобно! Бывали случаи – туристы падали».

– Но прямо-таки восхитила меня площадь перед храмом, – продолжает мой собеседник. – Отойдешь от пирамиды на 30–40 метров, хлопнешь в ладоши – и звук слышен по всей площади. А она в диаметре – до 150 метров. Вот это акустика! Древние не хуже нас знали законы физики.

Рядом с храмом, чуть поодаль – древняя обсерватория. Сейчас туристам туда нет хода: может камень на голову упасть. Но осматривая ее с внешней стороны, Фарид Фуатович увидел не только купол обсерватории, но и про-

рези-окошки. «Значит, у Майя были и какие-то приборы, благодаря которым они наблюдали небо и создали свой уникальный звездный календарь. Скажи после этого, что они не знали астрономии!». При обсерватории сохранились до наших дней и смотровые площадки (для богатых и знатных людей того времени).

Вместе со всеми наш сибиряк прошелся и по колоннаде, состоящей из 1000 колонн высотой в несколько метров. Как строитель и проектировщик, Фарид Фуатович обратил внимание на то, что эти колонны – не из цельного монолита, а наборные, составленные из метровых камней, и «связаны» крепкой смесью.

– Я еще после Египта увлекся искусством древних строителей, – говорит он с заинтересованностью. – Они строили надолго, на века, красиво, со знанием законов физики и астрономии. Ведь до сих пор есть только три версии, как возводились, допустим, те же Египетские пирамиды. Первая: при помощи земляного вала, по которому затаскивались наверх каменные глыбы, а потом грунт убирался, и оставалась одна пирамида. Или эти сооружения возводились при помощи блоков – рычагов? Или, вообще, пирамида высекалась из цельной горы, которую камнеобработчики сводили «под конус»? Это вторая и третья версии. Но ни одна из них не выдерживает критики. Как в Египте, так и Мексике пирамидальные храмы между блоков-таки (!) имеют швы. При этом в шов нельзя просунуть даже лезвие бритвы!

Так что для меня земля Майя – очень и очень загадочная. Еще люди не дожили до Средневековья, а у Майя уже были обсерватории, «смотрящие» в небо, до сих пор сохранилось вот и эхо на уникальной площади перед храмом, как новые стоят и монументальные колонны. Я внимательно присмотрелся к их поверхности, и сразу увидел древнюю письменность Майя. Скорее, я назвал бы это письмом, созданным языком рисунков. Самое примечательное – эту письменность в прошлом веке разгадал наш русский ученый-лингвист!

... Чичен – Итца – одно из современных чудес Света. Фарид Фуатович проживал с сыном в курортном местечке Канкун, в одноименной гостинице. Это местечко – мексиканское Майами. Белоснежный песок залива, чистая, с голубовато-бирюзовым отливом, морская вода...

– Я побывал там и на таинственном горном озере, – унесясь мысленным взглядом в далекую Мексику, раздумчиво говорит мой собеседник. – Оно – подземное. Темно – голубое, прозрачное, в окружности метров шестьдесят, глубиной – больше десяти метров. Спуск в пещеру отделан каменными сту-

пенями. Над озером сверху с ущелий гор свисают лианы, стекает, расплескиваясь о поверхность озера, родниковой чистоты вода...

Меня, как слушателя, больше всего, тем не менее, заинтриговали жестокие обряды племени Майя, и в течение всего разговора я не мог забыть кровавую участь избранников в жертву Богу, одевание жреца из тонкой кожи невинных девочек... Я поделился этим с Фаридом Фуатовичем.

– Да, нравы у Майи были, пожалуй, похлеще европейского Средневековья, – повторил он. – Был, например, я на древнем стадионе, который находится рядом с площадью храма Кукулькана. Он окружен двумя параллельными каменными стенами, метров семь-восемь высотой. Наверху располагались зрители, еще выше, на смотровых площадках, – богатые, знатные люди. Больше всего меня поразило, конечно, не это, а каменные корзины на стенах на солидной высоте. Они очень напоминают баскетбольные кольца – если их поставить не горизонтально, а вертикально, ободом вверх и книзу. Представляете? У Майи существовала игра в каучуковый и, замечу, очень тяжелый мяч. Его нужно было забросить в каменное кольцо. Но – не руками!

– ???

– Да, да... Руками тяжелый мяч брать было нельзя. Древние спортсмены должны были действовать только локтями, бедрами или ступнями ног. Это само по себе – истязание, согласитесь. Но, самое страшное: знаете, чем заканчивалась эта тяжелая игра под солнцем? Всем членам проигравшей команды отрубали головы – тут же, на публике. Эти окровавленные головы сбрасывали со стен по наклонной каменной дорожке на другую, внешнюю сторону стадиона...

После этого и думай: куда же исчезли Майя и почему они исчезли?! Предание старины глубокой, загадка первобытных дней! Вот и конец Света Майя обозначили 21 декабря 2012 года. Не поторопились ли? Наверное, поторопились, потому что сами ждали свой скорый конец пребывания на этой Земле.

Но вернемся на время в современную Мексику.

Эта земля – относительно сухая. Зимой, в январе, когда «самые холода» (Фарид Фуатович был в Чичен – Итце как раз в это время), температура воздуха доходила до 30 градусов тепла, вода была прогрета до 24 градусов (по Цельсию). Мой собеседник улыбается:

– Но не думайте, что летом-то здесь стоит просто убийственная жара. Нет, всего до 35 градусов! Здесь, благодаря морю, щадящий климат.

И как же было не сказать о царственном напитке Мексики – текиле? Какту-

сы здесь культивируют повсеместно. Они вырастают высотой до трех с половиной метров. Из кактусов и жмут сок, из сока готовится зеленый, с желтоватым отливом, напиток 20–22 градуса. Он не сладкий на вкус и мягкий, ближе к ликеру. Если ударить крепкой кружкой по столу (что здесь часто делают бармены), – напиток вспузырится, как шампанское, и примет то рубиновый, то зеленый, то оранжевый цвет... «Заиграет» – поясняет Фарид Фуатович.

... После разговора с ним я полюбил загадочную землю Майя – тем более, что сейчас там давным-давно ушли в вечность далеко не экзотические кровавые обряды, вселяющие магический страх даже через толщу прошедших неведомых столетий, унесших уникальный народ прежней цивилизации...

Вот только унесших куда?!

Над бездной Атлантики...

... Я постараюсь погрузить себя в мир тех запредельных чувств, которые, наверное, одолевают почти каждого человека, что (все – таки!) загипнотизировано делает свои шаги на трап самолета. Даже космонавты вот!.. Ну, так они – подготовленные люди. А мы... Впрочем, к чему подготовленные – то?!

... Это от пилотов услышал я в Шереметьево-2: «Человек, находящийся в летящем самолете, уже не живой, но еще не мертвый». А нам через считанные час-два предстоял перелет через Европу и Атлантический океан. В общей сложности, иначе-то говоря, не без скрытой тревоги прислушиваться к работе двигателей Ил-96 М почти тринадцать часов! Опять же эта цифра – 13... И благо бы над землей лететь, а то ведь девять часов – только над Атлантическим океаном! А если что случится, допустим, после двух-трех часов полета, когда и назад уже не вернуться, и до «новой» земли – шесть-семь часов еще? Что тогда? Странно, но почему-то над землей лететь кажется надежней. А если уж над океаном что случится с самолетом, то даже если ты останешься живым после катастрофы и будешь бултыхаться в Атлантике (вы представляете ее размеры?!) на каком-нибудь обломке, так разве выживешь? Или страх, или акулы, или голод, или отсутствие пресной воды обрекут тебя на верную смерть! Кто тебя в океане-то найдет? Поисковый корабль в океане затеряется как иголка в стогу сена, вертолет не долетит, а с самолета голову твою в волнах никтошеньки и не увидит... И эти мысли не праздными были перед полетом, а нарастающее – реальными. А тут еще эта фраза летчиков! Да и незадолго перед поездкой по радио слышал известие о том, что у берегов Кубы ушел под воду вертолет... Кроме того, в таком международном рейсе возможен и теракт. А что? С фестивальным самолетом могли все сделать. Неда-

ром некоторые делегаты наши спрашивали, возможно ли, в принципе, такое? Тоже, значит, переживали. Это, я думаю, внешне все были деловиты, чему-то радовались. Но ведь не речку, как сказал в шутку наш друг Олег Хегай, предстояло перелететь!

Представьте себе глобус на школьном столе учительницы географии или у себя дома, в комнате. Пробежите взглядом расстояние от Москвы до Кубы... Вы сразу увидите начальную и конечную точку перелета. А теперь представьте себе одиночество самолета над о-ке-а-ном. Да еще ночным, когда кроме вспышки-мигалки на крыле ничего не видно во тьме кромешной. И тогда остается надежда только на один звук двигателя. Преодолеет он, вот этот работающий самолет, безмолвное пространство мирового океана, бездну стихии неба и стихии всемогущей воды? Не той воды, какую мы пьем из маленькой кружки на кухне у себя дома. Словом, если можно было бы зачерпнуть чувства со дна моей души в эту минуту, то легко было бы понять, что лечу я в статусе человека ни мертвого, ни живого.

Это легко думать о полете через океан, сидя у себя за столом дома. Но... Все тревожные мысли там, в кресле «Ила», перелетающего Атлантику, я суетливо отгонял от себя, чтобы не магнитить вполне возможную беду. Затаенно – мучительно текли часы полета. Вот, допустим, я стою на полу лайнера, у столика с винами и напитками. Смеюсь, разговаривая с московским бизнесменом. А что под полом-то? Океан без конца и края. Нет, лучше о высоте полета и глубине Атлантики не думать, лучше пригубить французского коньяка с новоявленным другом...

Все это было в ночном небе, космически звездном, когда позади остались уже и Москва, и Европа, и даже Ирландия.

А в Шереметьево-2, куда мы приехали через Химки, я невольно сравнивал здание этого аэропорта с аэропортом Анталии (Турция). Наш шикарный, конечно, но турецкий все-таки выше классом. Летают ли отсюда члены правительства, президентский состав? Мимо проходящая стюардесса сказала – нет. А я считал этот аэропорт у нас самым современным. Видать, есть лучше. Здесь, перед посадкой, в большой разноязыкой людской массе, мы прошли шесть доскональных проверок. В аэропорту той же Анталии, где ежедневно приземляется до десятка самолетов, эта процедура, помню, заняла всего двадцать – тридцать минут. Здесь же на это ушло целых два часа. Недоверчивая мы нация. А может, лучше сказать, основательная. Вес багажа, его просветка, паспортный режим, досмотр вещей согласно декларации (а также денег), таможенный контроль, вплоть до выворачивания карманов... Это даже как-то оскорбляет, думаешь. А с другой стороны – все это делается ведь ради

нас, ради безопасности. Вон одна арабка предложила непальцу (оба говорят по-русски) перенести через все эти посты-досмотры сумочку. Увесистую, скажу! Подозрительно? Непалец долго отказывался, потом она повела его к скамье, чтобы показать содержимое сумочки. До чего доверчивый оказался парень! Ведь уговорила! А вдруг она – международная террористка? Тогда непальца посадят. А она с нами, выходит, улетит за океан?

...После пяти часов полета я развернул на коленях свой дневничок и начал описывать увиденное, заинтересовавшее меня. Вот она, та страничка: «Когда еще ты будешь делать записи над Атлантикой? (Это – к себе). Только что вылетели из Шенона. Он – чуть южнее Дублина (Ирландия). За бортом – однообразно мигающая лампочка правого крыла огромного Ила. Впереди – почти восемь часов полета над Атлантикой, которую я так, наверное, и не увижу. Ночь! Эти часы можно пролежать на диване дома, а можно за это время увидеть, пусть с самолета, всю ночную, светящуюся оранжевыми, зелеными и голубыми огнями, Европу!»

Следующая запись, сделанная спустя четыре часа: «Как раз в эти минуты летим (такое и в тревожном сне не снилось!) почти над Бермудским треугольником. Вот сейчас началась легкая тряска в самолете, даже качание. Это мешает вести записи. До Кубы еще три часа двадцать минут. А буквально до этого минут двадцать назад разговаривал я со стюардом Володей, он из Москвы. Именно он и предупредил о Бермудах: «Будем лететь краем этого треугольника километров двести». Всех ходящих попросили сесть на места, всем – пристегнуться ремнями безопасности. На огромном экране перед пассажирами демонстрируется фильм, как спастись в случае катастрофы.

Нужно надеть спасательный надувной жилет, пригнись голову к коленям и так далее.

Нет, лучше не задумываться, где и над чем мы летим. Лучше не углубляться в это! Дай Бог – потом, потом... Под мерцающим крылом самолета – он, Атлантический океан. И это сейчас совсем не географическое понятие, а звук натруженных двигателей, крошечная тьма, качка и тряска, а в уме – тревожная арифметика: до любого берега – тысячи и тысячи километров!

Вот уж действительно – Бер-му-ды! Настоящая аномалия. В голове возникла какая-то несвязность мыслей. Чувствуешь себя не то дурно пьяным, не то ударенным. Для полноты ощущения не хватает только голосов зовущих си-рен...»

С Володей, работающим на международных рейсах уже двадцать восемь лет (!), я проговорил у кабины пилотов около часа. Фамилия у него Лысенко. 15 августа, через полмесяца, ему исполнялось уже пятьдесят лет. Перевез он

за свою службу много известных людей. Не раз видел на борту Сенкевича. Тот все летал в Аргентину, Чили. В 1978–1979 годах перевозил счастливого Владимира Высоцкого («вот как сейчас вас») с не менее счастливой Мариной Влади, не раз летали в его самолете космонавты СССР на свою базу отдыха на Кубе. И тэдэ, и тэпэ.

Я спросил у него, почему в таком ответственном полете, да еще международном, столько много ходьбы пассажиров по салону, столько подвыпивших разглагольствующих компаний, столько курящих людей? Оказывается, «это семечки», по международным правилам это допускается. «Вы бы знали, что делается в самолете, когда наши рыбаки возвращаются с путины от берегов Кубы!!!» – многовосклицательно улыбнулся он моей провинциальности. Наверное, представить можно. Наши умеют «на всю катушку» возвращаться домой.

В салоне объявили (по московскому времени, наверное) доброе утро. Мы взялись за столики: завтрак! С белым и красным сухим вином. А еще и Бермуды не кончились. Романтично-то как: завтрак над Бермудами! Где-то мой родной степной Абакан?! Уже на расстоянии космических ветров. А в это время наша вторая группа летит именно сейчас, наверное, через Канары... И тут подумалось: странно как-то получается. Мы – через Северную Ирландию, они – через южные Канары (там до Африки – сто километров всего). Почему не напрямки-то? Объяснение этому я получил от того же Володи, причем удивительное. Плохо, наверное, геометрию изучал я в школе да географию. Ведь шар земной в центре «толще», а значит, в окружности длиннее, чем, например, на Севере, ближе к полюсу. Так? Вот самолет и «поднимается» к вершине Земли, чтобы потом, как капля дождя, соскользнуть вниз по глобусу – в нашем случае прямо в аэропорт Гаваны. Какое простое и удивительное объяснение! Так что не всегда окольный путь, дамы и господа, бывает длиннее прямого.

Из дневничка: «Ах, эти Бермуды!.. Лучше бы по телевизору про вас смотреть да слушать! Точно – аномалия! Хочется быть безвольным. Глаза слипаются. И главное, эту сонную безвольность не перебороть душевным усилием! Вынужденно бросаю писать».

...Давно, давно уже отсветила Москва! Мирно спят в своих креслах непальцы, сирийцы, индусы... Только поют что-то наши под гитару после красного вина да по-своему лопочут повеселевшие казахи. Двести тридцать пять человек летит в самолете, из столькох стран! Смотрю – снова люд зашевелился в креслах, некоторые обмениваются фестивальными сувенирами. Мой сосед-непалец тоже дарит мне с улыбкой сувенир – голубой плакатик с изображением Джомолунгмы. На плакатике – эмблема кубинского фестиваля: взявшиеся за руки человечки, стоящие вокруг Земного шара. Я ему дарю набор

открыток "По Хакасии".

Что бы предпринять-то интересное? Олесь Грек (саяногорский очеркист) предлагает устроить именины нашей руководительнице делегации Надежде Васильевне Хайловой (тогда руководителю одного из комитетов ВС РХ). Говорят, это проверенная хохма, устраиваемая в самолетах, особенно на международных рейсах. Стюарды не заставляют себя ждать, приносят нам, поздравляя смущенную именинницу, две бутылки красного и белого сухого вина. Берем грех на душу с Олесем, зато веселее-то как лететь!

...Я прикипаю головой к иллюминатору. Сколько пробегают в памяти впечатлений! Как забыть огни (почему-то они везде голубые и оранжевые) незнакомых городов Европы? Ведь это было всего часы назад! Я также смотрел в иллюминатор. Увидел распластанный медвежьей шкурой какой-то ночной город – наверное, уже Западной Германии. То четкие прямые, то круглые линии неоновых огней, теперь с зеленым переливом. Вот и за рубежом, хотя и в воздухе. Подозвал я стюардессу, спросил, где мы летим? Она только взглянула в иллюминатор и сразу сказала: «Это Дрезден». А я о нем в институте на «паре» немецкого языка рассказ составлял... А когда-то его с этого вот воздуха бомбили... Ночь над Европой – чистая, со звездами, и все отчетливо видно с высоты десяти тысяч метров.

Следующий раз, когда я прильнул к иллюминатору, чуть вибрирующему, под нами уже были ослепительные Манчестер, Ливерпуль. Где-то вон там, далеко внизу, на одной из улочек Ливерпуля, когда-то зародились Битлы... Медленно проплывая, уходят, исчезают в пространстве огромные светящиеся города. Не спит Европа, что ли? Столько огней! А Лондон был виден на подлете еще за 150–170 километров. Огромный, огненными кусками растянувшийся в длинную золотистую цепь кварталов. Сколько брызжащих огней! Мы пролетали его чуть стороной, но и на это ушло целых двадцать минут! Все он был виден, виден...

И вскоре вот он, бесшумно надвинулся, уходящий в темноту Вселенной, Атлантический океан. Как на ладони! Четко очерченный последними огнями островной берег Европы. Земля кончается, отходит к хвосту самолета, режущего строптивый воздух... Уже и Европа, в которой никогда-то я не был, при прощании кажется такой родной и уютной! Свидимся ли вновь? А? Все концы, как говорится, отрезаны: впереди – тревожащая ночная Атлантика.

Слегка убавкивало тревожно-радостное (радостное, тем не менее!) ощущение предстоящей короткой остановки в Шеноне (Ирландия). Приземлились мы всего на сорок пять минут. Из самолета сразу попадаешь в здание аэропорта. Никаких тебе проверок, только взяли посадочные талоны. Идем по длинному темно-бордовому залу и сразу попадаем в супермаркет. Дамские шубки – 350–400 долларов. А сколько забавных безделушек! В баре (как

не отметить!) берем по кружке ирландского пива. Ого! Четыре доллара! Не по нашим заработкам. Но берем: ведь за минуты пребывания нужно что-то купить в этой стране! К-хо! Пиво оказывается совсем дрянным и совсем не хмельным.

Я мысленно, вспоминая, улыбаюсь нашей вылазке в Шеноне.

... Между тем (слава Богу!) вдруг объявляют, что наш самолет уже пошел на посадку в аэропорту города Гаваны. Мне казалось, этого никогда не будет. Но еще час лета! Тем не менее – снижаемся. Взгляд в иллюминатор. Какая большая, переливчатая в черном густом небе Большая Медведица! Неужели здесь ближе звезды? Впрочем, позади почти пятнадцать тысяч километров, если считать от далекого, как будто ушедшего в небытие, маленького родного Абакана. В таком полете нельзя не почувствовать огромность Земного шара. И все-таки он заметно поддался нашему Илу, мы на другом материке планеты.

На бескрайнюю в огнях Гавану, плоскую, как сказочная скатерть, садимся в шесть утра. Те-е-мень! Получается: тринадцать часов в воздухе да плюс двенадцать часов разницы с Москвой... Длинная была ночь – то перелетная: двадцать пять часов!

Продырявленная Америка, или Пепел сожженной радости

11 сентября 2001 года хваленую Америку продырявили захваченные боевиками-смертниками «Аль-Каиды» пассажирские самолеты. Они атаковали башни-близнецы Всемирного торгового центра (World Trade Center) в Нью-Йорке – там, на другом конце Света, а в нашем Абакане семья Иванцовых потеряла близкого человека...

Прибросьте: где мы и где Америка?! Так за что погиб Александр? Ларчик открывается, на удивление, сам – собой. Просто-напросто америкосы не смогли защитить ни своих, ни чужих граждан! А это – не просто и не напросто! Пентагон – и тот был парализован последующей атакой экстремистов. Ну, а президент – тот своими, всемирно известными младшими ножками Буша, прытко убежал вместе со своей растерянной свитой из Белого Дома и с головой (первой головой страны!) жалко спрятался в государственный антиядерный бункер – вместо того, чтобы возглавить антитеррористическую операцию, взять на себя роль главного координатора разворачивающихся черных событий, да чтобы не потерять лицо, наконец!

Да, да... Америка – край непуганых правителей мира никакой, тем более – современной войной, причем именно на своей территории, аха! И вот почему на вопрос: «Чтой-то они так растерялись-то тогда, а?» – легко ответить затертой фразой: «А король-то просто оказался голым!» Да, их время прохо-

дит, и теперь янков в их зеленой униформе спокойно можно достать через «атлантическую лужу», потому что этот «окиян»– уже не расстояние для межконтинентальных ракет, а тем более – атомных подводных лодок, причем не только России.

Америка – злопамятная страна, причем в средствах и размерах мщения она не утруждает себя разбираться. Боевики-смертники атаковали башни-близнецы – так мы вам в ответ разбомбим Ирак, вооружим арабскую оппозицию, устроим бедлам в Ливии, Йемене, Саудовской Аравии, Сирии... И пусть Европа задыхается теперь от катастрофического нашествия мигрантов, бегущих от войны вместе с детьми – так то ж Америки-то не касается! Им ли до адекватности?! Вон, Магерини, Верховный представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности, – та вообще предложила только что (!) просто-напросто топить лодки с несчастными беженцами из Сирии, и все... Интересно: она хоть представляет себе расширенные от ужаса глаза ни в чем неповинных шоколадных детей, слезы их измученных пеклом жизни матерей, уходящих под воду вместе со своими детьми?

... 7 декабря 1941 года японская авиация атаковала военно-морскую базу США на Гавайях – Перл Харбор, чем заставила золотых заокеанских политиков вступить во Вторую мировую войну. Погибли сотни моряков звездного флага... Излишне говорить, что весь мир прекрасно знает, чем ответила Америка Японии спустя почти четыре года: атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. Атомной!.. Погибли уже сотни тысяч, причем не военных, а мирных жителей.

Я не политик, и говорю об этом лишь потому, чтобы показать «человеческое лицо» наших, с позволения сказать, заокеанских партнеров. Двумличие – его основное выражение. Политкорректность США – только на устах дипломатов, не более... Нет, не считайте, что мы несколько отвлеклись от темы: через вину Америки перед ее агрессивной политикой как раз и пострадали 11 сентября 2001 года практически все иностранные граждане, работавшие в башнях-близнецах Всемирного торгового центра, расположенного в южной части острова Манхэттен.

... Я прекрасно помню ту ужасную трансляцию по ЦТ, когда ранним сентябрьским рабочим утром в северную, а затем и южную башню Всемирного торгового центра, уже освещенных на верхних этажах робким осенним солнцем, поочередно врезаются, в отблесках солнечных лучей, пассажирские самолеты, захваченные, как вскоре оказалось, боевиками-смертниками. Запечатлелись в памяти испуганно хватающиеся за головы убегающие американцы; белые флаги, которыми размахивали в дыму из горящих окон десятков этажей, призывая на помощь, обреченные на смерть сотрудники

ВТЦ; запечатлелись летящие вдоль зловеще дымящих стен еще живые, хотя и обгоревшие, тела людей, решивших в предсмертные секунды разбиться, но не сгореть заживо; запечатлелись и кадры подкошено обрушивающихся зданий-свечек, взлет огромных, страшных клубов, казалось, шевелящегося от сотен трупов смрадного пепла – пепла чьей-то сожженной радости...

Острым кончиком иглы, огненно, докрасна раскаленной этой заморской трагедией, кольнуло, ткнуло потом в сердце известие о том, что в те минуты в смерче взрывов и бензиново-пластикового пламени, заживо сгорел и наш абаканец Александр Иванцов, успешный, даже по мировым меркам, программист! Наш, абаканский, погибший в массовом террористическом пламени 23-летний парень. Парень из нашего города! Где мы и где Америка?! А вот поди ж ты... И мир сразу – наверное, не только для меня, – сузился: это было уже «не где-то за океаном», а рядом, буквально очень рядом, как будто на соседней городской улице Абакана, по которой Александр еще какой-то год назад ходил, гулял среди нас и грезил о зарубежной карьере.

На интернет-портале о погибшем россияnine – Александре Иванцове, чья жизнь оборвалась в 23 года, было сказано следующее:

«Его e-mail адрес начинался словом *dobriy*, которое, по воспоминаниям друзей и жены, абсолютно точно отражало его натуру. В начале августа 2001 года Александр прислал на родину, в Абакан, фотографию с видами небоскребов Всемирного торгового центра. Он работал на 104-м этаже северной башни. Указал стрелкой на окно своего офиса. Подписал: «Я работаю здесь»...

Федеральная газета «Известия» тоже посвятила нашему земляку один из своих материалов:

«В Хакасии, где жил Александр Иванцов, до сих пор вы увидите необузданных лошадей, наездников, которые могут их укротить, и древние камни, лежащие вдоль бескрайних степных дорог. Русский парень обуздал скакуна. У него была своя мечта – не американская и не русская. Своя. Он хотел стать классным программистом мирового уровня, и стал им – стал одним из немногих в Хакасии программистов, имеющих сертификат разработчика решений «Майкрософт». Это элита программистов! Он номер один».

... Утром 11 сентября, как всегда в 8.00, он уже сидел в офисе своей мечты. Наверное, как все программисты мира, пил кофе в предвкушении напряженного и радостного рабочего дня. Самолет врезался этажами ниже... Сотрясение несущих конструкций, остова небоскреба, его пола и стен, огонь, чад и дым, крики обезумевших людей... Что успел подумать в эти внезапно последние минуты своей жизни (он наверняка не сомневался в этом), Александр Валерьевич, так быстро и красиво достигший в своей профессии ми-

рового уровня, работавший на 104 из 110 этажей небоскреба Манхэттена? Он уже прекрасно знал, что этажи в Америке имеют свое особое значение: чем выше этаж – тем выше твой профессиональный (и общественный!) престиж. Люди с последнего, 110-го этажа северной башни ВТЦ, говорили о себе так: «Выше нас – только Бог!»

И вот...

– Когда в Абакане был уже поздний вечер 11 сентября, и я, включив телевизор, узнал (и увидел!) по новостям случившееся в Америке, то сразу, первым делом, судорожно набрал сотовый телефон Александра. Ведь он работал там, в сгоревшей и обрушившейся уже северной башне Всемирного торгового центра! Саша... он уже не отзывался. Сначала были короткие сигналы. Потом прекратились и они.

Его жена Аня сказала мне, что в это утро он, как обычно, был в северной башне, на своем проклятом, можно теперь сказать, 104-м этаже. Он никогда не опаздывал, и, возможно, такая пунктуальность оказалась для него на этот раз роковой.

Обо всем этом мне рассказал заведующий кафедрой программного обеспечения вычислительной техники и автоматизированных систем института информационных технологий и инженерного образования ХГУ им. Н.Ф. Катанова, почетный работник высшего профессионального образования Сергей Викторович Швец, именитый в Абакане ученый! Именно под его началом в свое время и учился Александр Иванцов, одаренный программист, вместе со своими остальными друзьями-коллегами, тоже ставшими впоследствии видными специалистами информационных технологий.

... Я шел на встречу с Сергеем Викторовичем по тем же коридорам главного корпуса ХГУ, по которым ходил и Александр. Вот лаборатория, где он занимался... Вот кабинет заведующего кафедрой... Сергей Викторович, заранее предупрежденный о встрече, несмотря на всю свою занятость в начале нового учебного года, вытирая пот со лба в этот жаркий третий день сентября, указал мне на стул. Сейчас пока не стану приводить всю нашу беседу с ним, но одно могу добавить к уже сказанному. Прощаясь, Сергей Викторович обмолвился:

– Я ведь в тот страшный – внезапно страшный для меня! – день чуть было не лишился и второго, дорогого для меня человека: своего руководителя, бывшего преподавателя Новосибирского электротехнического института – Семена Ицковича Кижнера... После того, как я не смог дозвониться до Саши и очень стал переживать, начал так же тревожно набирать номер Семена Ицковича. В то время он работал тоже там, в США, в Нью-Йорке, на 94-м этаже, только не северной, а южной башни Всемирного торгового центра. О-о! Он,

на мое счастье, представляете, взял трубку, и я услышал его так знакомый мне голос! Так вот...

У Саши, как я теперь понимаю, отхода для спасения тогда не было вообще: 104-й этаж северной башни, в которую первым врезался самолет боевиков-смертников, сразу был объят пламенем, спуститься вниз было уже никак нельзя: все пути к жизни, словом, ему были отрезаны... Выбросился он из окна или сразу погиб, или еще что – теперь невозможно ни узнать, ни проверить...

А вот моему руководителю – ему повезло. Когда всполыхнула сотрясенная северная башня, им всем, сотрудникам, находящимся в башне южной, по внутренней связи объявили: давайте, мол, без паники, у соседей просто случился пожар. Ну, а все американцы, надо знать, – люди законопослушные! И вот те, кто стал спускаться, сбегать вниз – они после этого сообщения начали возвращаться назад, к себе в свои офисы. Но только не русские! Ведь мы еще с советских времен приучены так: выслушать указания власти и... поступить с точностью до наоборот! Вот почему Семен Ицкович и многие другие сотрудники ВТЦ из России, знай себе, бойко сбегали вниз до 72 этажа, откуда до этажа первого уже ходил лифт, и спокойно покинули тревожное место. Мой руководитель доехал до своего дома, включил телевизор... Южной башни уже не было...

... Тогда некоторые из иностранцев, в том числе и русские, работавшие в южной башне Всемирного торгового центра, успели спастись. Ну, а все законопослушные американцы, вернувшиеся назад и оставшиеся на своих рабочих местах, – они погибли... Погиб и наш Саша. За что? Где мы, а где Америка?! Беда как будто поджидала его вдали от дома!..

... Уходя от Сергея Викторовича, я понял: он вытирал свой умный лоб не только от жары. Не только! Он вытирал пот, словно освобождался от вновь нахлынувших тяжелых воспоминаний, своей раненой памяти о бывшем своем ученике – Александре Валерьевиче Иванцове.

Я, выйдя на улицу, под сентябрьское солнце, мысленно возвращался к хронологии тех первых часов неясности и страха, которые, казалось, из-за своей неопределенности были бесконечны, как космос...

Один частный сайт в те более, чем тревожные часы, вывешивал имена всех сотрудников Всемирного торгового центра, о которых не было информации. По мере того, как люди находились, напротив их фамилий появлялись две буквы – ОК. Напротив фамилии Ivantsov тоже было... ОК! Но вскоре выяснилось, что это... всего лишь ошибка программы... Был послан повторный запрос, и сотрудники сайта ошибочно (снова ошибочно!) предположили: получено сообщение, что с Иванцовым, мол, все в порядке. Представляете разо-

рванное состояние его жены в эти зависшие над жизнью и смертью минуты, растянувшиеся в бесконечные седые века и черные космические дали?!

После этого Аня Иванцова обреченно, и целых 40 минут (потенциально злое число!) разговаривала, не помня себя, с сотрудницей нью-йоркской медицинской лаборатории. Неясность угрожающе пускала свои метастазы в мозг, обволакивала, леденила душу... Назавтра, после бьющей в виски повышенным давлением ночи, ей пришлось, не ощущая под ногами земли, отвезти медикам расчески, бритвы и лезвия Саши. Это было все нарастающее и, пожалуй, уже без точки возврата, дальнейшее трагическое развитие событий – развитие, которое уже невозможно было абсолютно ничем – ни мыслью, ни Богом – остановить.

Именно в эти часы заведующий консульским отделом посольства России в Вашингтоне сказал «Известиям»: «Еще раз хочу подчеркнуть: есть пропавшие без вести, а имен погибших нет. Поэтому публикация всяких списков преждевременна». Возможно, публиковать списки действительно было преждевременно. Но не преждевременно было знать, остается ли Саша Иванцов «винтиком» государственной машины, гастарбайтером, эмигрантом, или он – достойный человек России, о котором должно помнить государство. У Америки, к слову сказать, таких вопросов нет: за каждого пропавшего она готова воевать, за каждого погибшего – мстить.

В интернет-страничке, посвященной Александру Иванцову, тогда подчеркивалось, что никто не говорит о войне и мести за Сашу Иванцова и еще 134 наших соотечественников, чьи фамилии значатся в посольских списках. Речь шла исключительно о человеческом отношении к каждому из этих людей! О живом участии, о помощи родственникам в поисках пропавших. О нем, о сострадании, шла речь.

«...По еврейскому календарю, буквально накануне, был Рош-а-Шон, то есть Новый год, – вспоминал один из посетителей электронной страницы. – Мы поздравили нашего друга Леонида Школьника с этим праздником. Он ответил просто: «Какие уж тут праздники... Передайте жене Саши Иванцова, что в эти печальные дни все мы рядом с ней. И русские, и евреи. И американцы».

Да, да... Александр Иванцов, двадцати трех лет, русский, значился в списках пропавших без вести в результате взрывов во Всемирном торговом центре – значился под номером 44. Родные, близкие держали за него свечу. В душе теплилась еще надежда, наперекор всему, на скорую встречу с ним. Ни жена Аня, ни родители Саши в Абакане еще не знали, что тело сына, еще неопознанное, было найдено в завалах разрушенных башен-близнецов, ровно спустя неделю, 18 сентября... Вскоре об этой первой узнает Аня, и в Абакан полетит трагический звонок.

А ведь как завидно, как блестяще развивалась карьера Александра Вале-

рьевица в США! Уже буквально через несколько месяцев, как он стал сотрудником банка «Кантор Фицджеральд», за высокий профессионализм и финансовую смекалку, скорость операций при корректировке денежных потоков, его назначили заместителем начальника отдела. Невиданное дело – всего через несколько месяцев! Это русского-то, приезжего... Судьба, осветив Александра американской белозубой ослепительной улыбкой, исподволь словно готовила ему следом немыслимую (это в мирное-то время, да еще в такой неприступной Америке!) – готовила страшную трагедию, устлая дорогу к ней каждодневными цветами успеха и радости новой жизни. Буквально за неделю до теракта начальник отдела уезжает в командировку по заключению договоров с новыми клиентами, а также пролангации их с клиентами прежними, и оставляет Александра Иванцова за себя, причем с правом подписи. Высокое доверие, но и высокая ответственность ложится на плечи программиста из России! Возможно, останься Саша в роли зама, он, вполне допустимо, остался бы жив, но на то роковое время он исполнял обязанности руководителя отдела, а это его ко многому обязывало. В то утро, 11 сентября 2001 года, он, к тому же, мог не выходить на работу: находился на бюллетене. По другой версии, бюллетеня у него не было, но парень был основательно простужен, и вполне мог задержаться дома хотя бы до обеда. Кстати, жена Аня настаивала на этом, но Александр, чувствуя на себе груз ответственности, да еще на такой своей любимой работе, не стал обращать внимания на простуду, и в ответ на увещевания жены, обернувшись, лишь бросил с порога: «Нет, нет, я еду!» Иными словами, поступил по-русски гордо, с пониманием своего служебного долга.

Ни он, никто другой – да что! – весь мир не мог, конечно, и подумать, что до беды во Всемирном торговом центре оставались считанные десятки минут. От места, где Иванцовы снимали квартиру в Бруклине (район Нью-Йорка), до ВТЦ было ехать на метро всего сорок минут.

Опять это роковое число – сорок...

Максим Кузнецов, его однокурсник и друг, – плотный, невысокого роста, скупой на слова, можно добавить, в наши дни работает ведущим инженером отделения национального банка по Республике Хакасия. Вместе с Александром Иванцовым они не только учились у С. В. Швеца в ХГУ, но и занимались спортом («качались»), а также туризмом и спортивным ориентированием. В начале того сентября Максим Михайлович был в отпуске и находился в походе, в районе станции Нанхчул (Аскизский район). Горы, тайга, кедры... Вечером к ним в лагерь нагрянули новые туристы из Абакана.

– Один из них и говорит мне: Америку, мол, долбанули... – вспоминает Максим Михайлович неторопливо, с налетом дружеской грусти. – Я спросил,

ничего не подозревая: как, где? «Да в Нью-Йорке две башни-близнеца Всемирного торгового центра обрушили...» – услышал в ответ. Тут я напрягся: ведь там работает Александр! Мало ли... Все бросил, сразу поехал в Абакан... То, что узнал вскоре, до сих пор, знаете, не укладывается в моей голове. Разве кто из нас, его друзей, мог предполагать, что с Сашей может случиться такая жестокая трагедия!

... Я сам, как сейчас, вижу кадры, которые в тот вечер, 11 сентября, транслировались по ЦТ. Вообще, наверное, в этом отношении не было в мире равнодушных людей, практически все прилипли тогда к своим телевизорам. Не верилось, до расширения зрачков, что боевики-смертники на захваченных пассажирских самолетах, абсолютно без какого-либо сопротивления властей и военных США, протаранили башни-близнецы – иными словами, с первого раза свободно продырявили хваленую, и как будто бы недосыгаемую Америку!

Мне тут сразу вспомнилось, как 28 мая 1987 года так же свободно сел на Красной площади, в самом-то сердце Москвы, легкий спортивный самолет немца Матиаса Руста. Ведь он тогда так же преспокойно, безо всяких трудностей, преодолел все противовоздушные заграждения и, к позору ответственных генералов, приземлился прямо на брусчатку у мавзолея В.И. Ленина. Помню: в душе тогда взметнулось удивленное негодование: выходит, вот так у нас запросто можно нарушить все и вся? Где же тогда наша всемогущая оборона, раз в любой момент может случиться подобное? Иными словами, подавленное чувство непростительной открытости наших границ тогда долго не проходило у меня. Но то был всего-навсего легкий спортивный самолет, и всего-навсего хулиган Руст. А тут – боевики-смертники «Аль-Каиды» и раз – сотни, тысячи жертв...

Америке не повезло. Но не повезло и другим, которых она не смогла защитить. Вот и повторишь еще несколько раз: где мы и где Америка? Тем не менее черная, обугленная рука трагедии дотянулась скорбным известием и до Абакана, затерянного в степях южной Сибири. Дотянулась-таки! Я узнал об этом не на следующий ли день? Не помню теперь уже...

Каким же был Александр Иванцов, каким рисовался он моему воображению? Пожалуй, так одним словом: умница! Ведь посмотрите, куда взлетел, где работал-то! Видать, был чистых кровей технический интеллигент, от компьютера не отходил. Не гулял, наверное, даже по двору, не знал, что такое спорт, не ходил, скорее всего, и в походы. Так?... Да и с девчонками дружил ли? Словом, мысли у меня были примерно подобные. Вундеркинд, да и только! А они ведь такие, в очках.

Забегая вперед, скажу: я не ошибся только насчет «умницы» и «очков».

... Когда человек уходит, о нем уже вполне определенно можно сказать, каким он был, что из себя представлял, чего достиг (или не смог) достичь в жизни. Александр Иванцов, могу допустить, вряд ли мог знать сентенцию Архимеда о том, что человеку не подвластно удлинить свою жизнь; зато ему подвластно ее углубить и расширить. Мне думается, что в свои всего-то 23 года наш земляк, оказавшись в Америке и став *vip*-программистом, да, к тому же, имея на руках до десяти сертификатов мировых фирм-лидеров, вполне уложился в это архимедовское определение. Вполне!

Вы знаете, что меня смущает, когда я пишу сейчас об Иванцове? Смущает то, что я не нахожу твердой почвы в отношении того, как его называть: Саша или все-таки – Александр? И дело тут вовсе не в его возрасте: когда можно назвать человека и так, и этак. Дело несколько в другом. До знакомства с его родными, друзьями я считал его кабинетно-компьютерным юношей. Да, вундеркинд в очках, но... как бы вам это сказать... далекий от реального мира двора в подростковом возрасте, затем – далекий от обыденных интересов в среде юношеской, тем более – молодежной. Он для меня рисовался как бы над всем этим обычным (и обыденным, реальным) миром взрослеющего подростка, юноши, мужчины. Как же я, оказывается, ошибался, если не сказать – буквально «пролетел» в этом смысле!

В первом классе, после уроков купив мороженое и спрятав сдачу в карман, Саша шел домой. По дороге к нему привязались три подростка с целью вытрясти из его карманов мелочь. «Сопровождающие» выжидали, когда он войдет в тенистую аллею. Саша легко и заранее разгадал их маневр. Он хладнокровно развернулся, упершись взглядом в тройку и... послал сразу их всех троих на три известные буквы. Это при всей своей худобе и даже тщедушности тогда! Но такова уже в те годики была у него сила характера и смелой воли. После, став юношей, он часто ходил выгуливать в соседний двор домашнюю собаку. В соседний, потому что там выгуливала свою собаку одна девушка, которая ему понравилась. Они много общались, сопровождая своих четвероногих друзей. Но на девушку имели виды парни из ее двора, и им вот не нравилось, что эта девушка гуляет с каким-то чужаком. В один прекрасный момент они окружили Сашу и вот-вот готовы были распустить руки. Он не стал объясняться с «дружками», тем более – позорно отступить. Саша спокойно достал из кармана перочинный нож, и перед глазами нападавших резко полоснул воздух лезвием... Потом говорили, будто кого-то вроде и зацепил даже. Как бы там ни было, навязчивые ухаеры за его девушкой... ретировались.

Вот и посудите: еще Саша он был в свои 23 года или уже – Александр?

Я встретился с отцом его, Валерием Александровичем Иванцовым, не-

давним преподавателем математики физико-математического факультета института естественных наук и математики ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Этот умнейший в своей области точных наук педагог три года, как не читает с кафедры своих лекций студентам: возраст... Ну, да разве такому человеку уйти от любимого дела? Сейчас он востребован в другом направлении: готовит одаренных детей по математике к различного уровня олимпиадам. Валерий Александрович, между прочим, сын Александра Гавриловича, до сих пор все еще известного в учительских (и не только!) кругах Абакана своим буквально священным служением математике, когда он еще работал преподавателем по этому трудному для многих предмету в городской школе № 20. Так вот, Валерий Александрович подтвердил мне то, что Саша был действительно «реальный и конкретный» парень.

– Знаю, нередко бывало так, – вспоминает мой собеседник, – что если где какая драка, его друзья тут же звали с собой: «Саша, пойдем на «махачку»! Это – с одной стороны. С другой, если предстояла контрольная, его друзья тут же подсаживались к нему: «Саня, мы с тобой!» Он ведь в математике и компьютерах разбирался, пожалуй, лучше учителей. И знаете, чем друзья с ним рассчитывались? Жвачкой! Тогда, в девяностые годы, среди подростков это был очень ходовой товар. У сына, помню, все карманы были забиты этой жвачкой.

Другом, только уже в студенческие годы, у Александра Иванцова был Максим Кузнецов, с которым он занимался в группе у Сергея Викторовича Швеца (ХГУ). Сейчас Максим Михайлович работает в национальном банке Республики Хакасия. Он рассказал мне о том, что Александр был хорошим и надежным другом, со своими вполне определенными жизненными принципами.

– Для него было главным – жить «по понятиям», – не без иронии при произнесении последних слов говорит Максим Михайлович. – Иначе сказать, он действительно был конкретным и реальным человеком. Прерогативой отношения к жизни для него было жесткое деление всех и вся на черное и белое: смешение других цветов в этот расклад «черное – белое» не входило. Даже в этом, как видите, усматривался точный математический подход! И недаром: ведь Александр – из династии математиков в нашем городе! Причем известной династии.

Саша был далеко не атлетического телосложения, но с характером. Пришло время – и он решил заняться своим телом. Еще в школе, в старших классах, знаю, он стал заниматься штангой. Ну, а в институте вместе с ним мы уже ходили «качаться» в спортзал студенческого общежития, что на улице Чертыгашева, много времени уделяли занятиям по бодибилдингу. А когда наступали выходные или праздники, уходили в горы Кузнецкого Алатау, ездили на

электричке на станцию Нанхчул, что в Аскизском районе, лазили в пещеры... Решил он стать спортивным, подтянутым человеком – и стал... Словом, целеустремленности ему было не занимать. В учебе – тем более...

Сначала Саша Иванцов учился в Абакане в гимназии (бывшая школа № 8), потом перевелся в школу № 20, где учителем по информатике была его мама Валентина Григорьевна. Поначалу он был ее первым помощником, а вскоре, не будет натяжкой сказать, заведовал уже всеми школьными компьютерами, и пошел гораздо дальше даже своей мамы-учительницы по информатике. Об этом интересном периоде его жизни с профессиональной гордостью поведала мне бывший директор школы № 20 Валентина Ивановна Жулева, авторитетный педагог Абакана и Республики Хакасия. Она очень была расположена к разговору о талантливом парне, так как Александр Иванцов был нестандартный ученик и человек, который уже со школьной парты сумел начать «делать себя» сам. Наверное, потому и запомнился он Валентине Ивановне «на особинку».

– Саша внешне всегда был опрятен, вел себя среди одноклассников скромно, хотя цену себе, между тем, хорошо знал. Я, к слову сказать, никогда не видела его праздно болтающим в кругу друзей или, как говорится, праздношатающимся. Он всегда находился, если можно так сказать, в думающем состоянии. Его чисто математический ум выражался в твердом осмысленном взгляде, сиюминутной сообразительности. При встрече с этим молодым человеком сразу становилось ясно: у него свои ясные цели в жизни: так он экономно расходовал силы и время! Как старших, так и своих одноклассников вниманием не обходил, хотя при взгляде на него легко можно было сделать вывод: он постоянно находится наедине со своими мыслями, всегда на чем-то определенном сосредоточен. Иначе говоря, у него был очень богатый внутренний мир.

К словам Валентины Ивановны следует добавить, что по ее директорскому разрешению, иногда один компьютер из школьного класса был задействован в семье Иванцовых. «Я своим педагогическим нутром чувствовала, что в Саше растет будущий высокопрофессиональный программист, и как могла, способствовала этому». И директор, наделенный проницательным талантом руководителя, тогда не ошиблась: Александр Иванцов вскоре стал занимать первые места по компьютерной грамотности, созданию программ как на городских, так и республиканских олимпиадах.

– Я, как педагог, – подчеркивает моя собеседница, – прекрасно видела, как своей добровольной (и чрезмерной!) занятостью Саша ограничивает себя в общении со сверстниками, тем не менее он вовсе не был «профессорским мальчиком», и всегда пользовался всеобщим, это хочу особо отметить, уважением у своих мальчишек и девчонок из класса, да и всей школы.

Будущий программист с мировыми задатками рос в Абакане, как и все. Но у него был ко всему свой, аналитически четкий подход к техническому творчеству, коим являлась информатика и телематика. Александр – так распорядилась судьба – стал, на мой взгляд, ярким представителем молодого поколения технической интеллигенции Абакана. Начинал на японских «Ямахах»... А потом, как один из самых продвинутых (употреблю это слово), сходу вошел, что называется, в тему, стал делать свои программы. Са-мо-стоя-тель-но! В те годы (это говорил мне уже Сергей Викторович Швец), даже в Хакасском государственном университете, и там не было грамотных преподавателей в этом отношении. Студентам с других факультетов было проще: чего не знаешь – возьми, спроси у преподавателя. А у информатиков и телематиков своих преподавателей не было! У кого спросишь-то?

– В Абакан я приехал из Новосибирского электротехнического института в 1995 году, – вспоминает Сергей Викторович. – Приехал по личному приглашению ректора ХГУ Валентина Анатольевича Кузьмина. Конечно, я представлял, что еду на периферию, «в глубинку», и отдавал себе в этом отчет. Здесь мне предстояло взять под свое начало группу ребят, которые учились на физико-математическом факультете с дополнительным обучением по специнформатике. Да, в душе я надеялся, что и в Абакане непременно встречу технические таланты. Но, честно сказать, никак не ожидал в стенах ВУЗа встретить таких самообразованных студентов, как Александр Иванцов. С первых же занятий меня удивила грамотность моих подопечных: помимо Саши Иванцова – еще Константина Хамцова, Павла Сипкина, Максима Кузнецова, Валерия Янченко, Дениса Шмалия, некоторых других... К слову сказать, многие из них сейчас работают в видных фирмах Абакана и Республики Хакасия, а также за ее пределами, в том числе и за рубежом. Но Александр Иванцов – он был самой высокой звездочкой в этой семье новой научной интеллигенции Хакасии.

Я слушаю Сергея Викторовича, и невольно думаю о том, что передо мной, в сущности, – знаковый человек нашей республики, основатель кафедры программного обеспечения вычислительной техники и автоматизированных систем института информационных технологий и инженерного образования ХГУ им. Н. Ф. Катанова, преданный своему делу человек, видный ученый. Тогда, в середине 90-х годов прошлого века, когда практически еще не было сотовых телефонов, а весь университет насчитывал всего двадцать допотопных компьютеров, Сергей Викторович сумел сформировать вокруг себя группу умных, технически образованных ребят и повести их за собой. Под его началом они сделали компьютерную локальную систему, потом создали центр информационных технологий и – пошло, пошло!

– В Александре, в его сосредоточенном взгляде, твердо могу сказать, чи-

тался высокоразвитый интеллект. Я ему, помнится, говорил: «Ты и твои друзья – локомотив в нашем техническом электронном деле».

- А вы тогда – кто? – хитровато недоумевал он.
- А я лишь прорубаю вам просеку, – парировал я.

В 1996 году группа технически одаренных студентов ХГУ им. Н. Ф. Катанова под руководством талантливого ученого С. В. Швеца добилась значимого результата: будущая кафедра получила лицензию на специальность «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем».

– Кстати тут замечу, – вспоминает Сергей Викторович, – видя Сашины неординарные способности, я сразу взял его... на третий курс. И не прогадал! Он и его товарищи активно начали создавать автоматизированную систему управления университетом. Иванцов решал самую важную, на мой взгляд, трудную задачу – «Распределение нагрузки преподавателей ХГУ». Справился он с этим великолепно, и решение этой задачи стало его главной темой при подготовке дипломной работы. Излишне добавлять, что защитился Саша блестяще.

– Вы, я так понимаю, варились в собственном соку и, тем не менее, добивались вместе со своими студентами ощутимых результатов...

– Да, скажу без ложной скромности, это было действительно так. Тем не менее, по университету могли поползти слухи, что мы сами себя хвалим!.. К тому же, приближалась защита дипломных работ моих студентов. И я решил: чтобы не говорили за спиной, что на защите дипломных работ мы сами себе понаставили пятерок, я предпринял объективно ответственный шаг: руководителем государственной комиссии по защите дипломов пригласил в Абакан председателя учебно-методического объединения ВУЗов России по «Программному обеспечению вычислительной техники и автоматизированных систем», ленинградского доктора технических наук Александра Рудольфовича Лисса. Иными словами, большого авторитета в этой технической сфере на то время в нашей стране не было...

– И каков, Сергей Викторович, был результат этого?

– Все мои восемнадцать студентов получили у Александра Рудольфовича отличные оценки, причем две трети моих студентов вышли из стен ХГУ с красными дипломами. Честь наша, таким образом, не была подвергнута сплетням.

– Как же защитился Александр Иванцов?

– Можно сказать, выше всех похвал! Достаточно лишь упомянуть, что председатель госкомиссии из Санкт-Петербурга, то есть Александр Рудольфович, сразу, по горячим следам, предложил Саше поступить в аспирантуру

Ленинградского электротехнического института. Согласитесь, куда как говорящий факт!

– И...

– И Саша... отказался. Нет, точнее так сказать – просто воздержался.

– Значило ли это, Сергей Викторович, что Александр уже в то время, в 1999 году, в отношении своей будущей карьеры смотрел дальше и выше?

– Думаю, это верное предположение. Ведь буквально вскоре после такого успешного прохождения госэкзаменов Александр через «Интернет» стал искать работодателя в США. Предпосылки для этого, между прочим, были. Именно в то время фирма «Mikrosoft» вышла на лидирующие позиции в мире (по операционным системам). Мы, недолго думая, заключили с этой фирмой договор о сотрудничестве. Надо ли говорить, что наш Саша Иванцов одним из первых получил сертификат профессионального программиста высокого уровня, что открывало ему дорогу уже не только в «Mikrosoft», но, подчеркну, в любую другую фирму мира. Так ему выпала карта уехать тогда в Америку.

... Именно на следующий день я направился на встречу с другом Александра – Максимом Кузнецовым, сотрудником национального банка России по Республике Хакасия, чтобы из его уст узнать, как они учились, как на глазах друга рос Саша, каким образом решил попытать счастья за рубежом. Максим Михайлович, учившийся с Александром в ХГУ, поделился со мной воспоминаниями:

– Это в 1998 году было. Некоторые наши близкие товарищи из института информатики и телематики, на то время, часто участвовали в городских тематических конкурсах учащейся молодежи и студентов Абакана на премию мэра города – Булакина. Мероприятие по награждению победителей проходило, помню, в «Космосе». Победители выходили и почему-то считали своей обязанностью произнести благодарную речь минут на пять этак... Дошла очередь до Саши. Он вышел, получил премию и пошел было обратно... Потом остановился, сказал «Спасибо!» и поклонился... Это впечатлило зал, и он, как говорят в таких случаях, взорвался аплодисментами.

– Каким, на ваш взгляд, был Александр?

– Наверное, вам уже говорили о нем, что основная его черта была целеустремленность: в жизни, в учебе, достижении карьерной цели. Во всем! Когда он стал связываться, например, с американскими агентствами по найму персонала, его кандидатуру почти сразу одобрили, но сказали: надо, мол, подтянуться по английскому языку. Надо – так надо! И он сразу засел за учебники, словари, никуда из дома не выходил...

К этим словам Максима Михайловича следует добавить, что именно по этой причине друзья Саши посоветовали ему познакомиться (и познакомиться!) с Аней Вдовицей, которая до этого, выиграв грант по английскому языку,

в качестве приза несколько недель затем жила и училась в Америке, городе Бостоне. К Бостону мы еще вернемся, а пока... Пока кому, действительно, как не Ане, можно было доверить «натаскивать себя» по английскому языку?!

Во время учебы и регулярных встреч между молодыми людьми, надо полагать, вспыхнули соответствующие чувства... Так волею судьбы они оказались вместе и прекрасно дополняли друг друга уже в решении планов своей жизни на ближайшее будущее. Так на их пути возникла (уже не могла не возникнуть!) Америка, которая к тому времени была несколько знакома Ане, и с которой связывал свою дальнейшую жизнь и работу Александр.

– Уже освоившись там, в Нью-Йорке, он прислал на мое имя деньги своим родителям, и в том числе и мне – 100 баксов, – напоминает между тем Максим Кузнецов. – Все было, видите, как нельзя лучше в его судьбе...

... После разговора с Сергеем Викторовичем и Максимом Михайловичем я долго бродил по городу, собираясь с мыслями. На следующий день, по договоренности, мне предстояло встретиться с отцом погибшего в Америке Александра – Валерием Александровичем. Я вышел на него через его родного брата... На просьбу встретиться со мной Валерий Александрович будто бы ответил брату так: «А что конкретно от меня надо?» Не сразу, но разрешение на эту встречу я все-таки получил. При вполне понятной замкнутости отца, пережившего вместе с женой Валентиной Григорьевной (кстати, в свое время учившей информатике двух моих дочерей в школе № 20), – так вот, пережившего такую страшную семейную трагедию, да еще не очень-то расположенного к встрече со мной, журналистом и писателем, – мне трудно было при таких обстоятельствах надеяться на обстоятельный и, несомненно, психологически далеко не простой разговор! Я, наверное, готовился к нему несколько не меньше, собираясь с душой и мыслями, чем Валерий Александрович. Тем не менее...

Мы условились встретиться у Преображенского храма... В назначенное время я увидел идущего ко мне рослого, физически здорового и красивого мужчину в дачной, защитного цвета, панаме. Поздоровались. Я предложил Валерию Александровичу побеседовать, устроившись на скамье у храма. Он согласился... Неожиданно пробил колокол... Потом этот колокольный звон повторялся, по-моему, каждые пятнадцать минут... Небеса – они словно слышали важность нашей встречи, нашей беседы о Саше?! Боясь затронуть внутреннее состояние моего собеседника, я не стал прихватывать с собой из машины ни блокнота, ни фотоаппарата. Важно было, как минимум, хотя бы встретиться! Когда разговор начался, я понял, что записать все-таки многое надо бы: иначе ведь не запомнится! И, осмелившись, попросил разрешения у Валерия Александровича на запись нашей беседы. Он, произвольно ком-

кая в руках панаму (все-таки нелегка, конечно, была для моего собеседника эта встреча!), однако дал на это свое согласие, тихо сказав: «Что уж теперь...» После его слов я пошел и взял из машины блокнот, но вот фотоаппарат взять все-таки не решился...

Наша беседа потекла неторопливо, дипломатично, аккуратно... Ведь как-никак, мы говорили о погибшем ребенке Иванцовых!.. Я об этом ни на минуту не забывал, выказывая всю свою корректность. Валерий Александрович постепенно оттаивал на моих глазах, недоверие ко мне у него проходило... И между нами как-то сама собой возникла атмосфера, свойственная не только разговору людей одного поколения, но и близких взглядов на жизнь.

– Саша – он ведь по натуре был тихушник, – произнес Валерий Александрович. – У него была привычка заранее ни о чем никому не говорить. Он, например, ставил нас с женой в известность о ком-то или о чем-то, когда все им было уже не только решено, но и сделано, и сделано исключительно по-своему. Так случилось и с его женитьбой, и с его отъездом в США. О том и другом мы ведь практически узнали уже только на вокзале, представляете?.. Там, на перроне, он и представил нам свою девушку, и сказал: «Вот, знакомьтесь, моя жена Аня. Она едет со мной в Америку». А буквально за несколько дней до этого Александр расписался с Аней в какой-то деревне Бейского района. При этом сказал ей: «Без тебя я в Америку не поеду!» Так они с Аней Вдовичей-Иванцовой и уехали в США...

... Раздался в очередной раз плывущий над окрестностью, над парком звон колокола. Я поднял голову к маковкам храма. Валерий Александрович раздумчиво смотрел перед собой... Потом, вздохнув, продолжил:

– В Москве, знаете, их ведь обворовали! Ага... Друзья, правда, потом ему помогли, собрали небольшую сумму. Так с 60 долларами в кармане они на самолете и пересекли океан. Потом Саша рассказывал: «Приехали в США, Нью-Йорк, и не знаем, где тут что находится. Туда – сюда походили-посмотрели... Потом оказалось, что мы находимся в северной части Манхэттена, в самом Гарлеме, что ни на есть, то есть опасном негритянском районе города! Я зашел в бар, а там – одни негры пьяные! Ситуация, ни дать – ни взять, как в картине Сергея Бодрова «Брат – 2»! Да-а, – думаю». Словом, свою первую ночь Саша с Аней переночевали на лавке в Центральном парке Нью-Йорка. Вот такая состоялась у них встреча с Америкой.

Было это в начале осени 2000 года...

Там, в США, Александр Иванцов устроился работать в банк «Леман Бразерс», и сразу столкнулся с хваленной американской действительностью. По телефону ему обещали хорошее место, хороший заработок... Ведь он имел на руках десять (!) сертификатов мировых фирм. В Америке же достаточно одного,

чтобы на тебя смотрели, уже подняв голову. Тем не менее русского паренька американцы сразу постарались поставить «на свое место»: работой завалили сполна, а зарплату начисляли более, чем скромную! Но надо было знать характер Саши, чтобы так неосмотрительно с ним не поступать... Новоиспеченный сотрудник банка заявил о своих правах. В ответ услышал: «Сиди и помалкивай, не то мы просто вышвырнем тебя из Америки!» Нет, они не знали характера русского парня и, наверное, даже не догадывались о нем! В один прекрасный день Александр зашел в бухгалтерию банка и безапелляционно бросил с порога: «С этого дня считайте, что я у вас больше не работаю!» Эти слова он сказал по-английски. Потом, вслед, добавил кое-что и по-русски.

И был таков...

После всего случившегося в банке «Леман Бразерс» – который, кстати, скоро обанкротился, Александр Иванцов и оказался на 104 этаже северной башни Всемирного торгового центра. Ну, а жил он с Аней в Бруклине, одном из районов Нью-Йорка, где они снимали квартиру. Здешние американцыставляли ненужную им мебель прямо у подъездов – для того, чтобы ее увозила мусорная машина. Александр (по словам отца), отбирал лучшие экземпляры, вполне подходящие для быта, и таким образом смог отчасти обставить свою съемную квартиру. С этого они и начинали жить с Аней в богатой Америке...

Почему Саша Иванцов уехал из Абакана и вообще – из России? Был конец лихих девяностых... Еще учась в университете, будущий программист прекрасно видел (и слышал), что многие в городе, а тем более в стране, воруют, дают взятки за «теплое» или «доходное» местечко, а то и вообще портфелями таскают домой «прихваченные» деньги. И он сам для себя вполне пришел к объективному выводу: честным путем в России не заработаешь. А бесчестно жить и работать, имея свои цели в жизни, он не мог, да и не хотел. Это он успел доказать и в Америке, когда его, как только что было рассказано, стали «прокатывать» с зарплатой в банке «Леман Бразерс».

И вот такого честного, целеустремленного и технически одаренного парня из нашего города, в результате террористической атаки на башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, настигла смертельная беда. Когда Александр 11 сентября торопился к месту своей работы, в банк «Кантор Фицджеральд», с аэропорта Бостона (города, в котором когда-то изучала английский язык его избранница Анна Вдовица!), уже взлетели – практически друг за другом, два пассажирских самолета с боевиками-смертниками «Аль-Каиды». Их путь, если бы было все в порядке, все штатно, лежал на Лос-Анжелес. Но экипажи лайнеров, в силу сложившихся трагических обстоятельств, были вынуждены взять курс на Нью-Йорк, а еще точнее – на башни-близнецы. Механизм гибели почти 2 000 людей был запущен...

... Валентина Григорьевна, мама Александра, вместе с родственниками Ани незамедлительно вылетела в Америку. Ну, как сказать – незамедлительно... Сразу, как только стало известно о беде семьи Иванцовых из России, Хакасии, международный «Красный крест» оплатил выезжавшим в США перелет за океан.

– А я, как мог, продолжал вести лекции у студентов ХГУ, – с не проходящим привкусом пережитого горя вспоминает неторопливо Валерий Александрович. – Занятия я старался не срывать... Где-то через месяц мне позвонила жена: «Валера, приезжай!..» Мы, при поддержке того же международного «Красного креста», вместе с сыном Сергеем вылетели в США... Некоторую сумму денег на дорогу нам собрал в ХГУ и Сергей Викторович Швец.

И вот – аэропорт Кеннеди... Мы остановились жить там, в Бруклине, съемной квартире Саши и Ани. До Всемирного торгового центра, который был расположен в южной части острова Манхэттен, на подземке – сорок минут езды, если помните...

На развалины северной и южной башен... никого... вообще никого... не пускали, – сам собой непроизвольно замедляет свою речь Валерий Александрович, все чаще, незаметно для себя, комкая в руках дачную панаму. Это я увидел сразу... Наверное, и он увидел, как и у меня стала подрагивать рука, которой в это время я заносил неровные строчки в свой рабочий блокнот. – Так вот... Меня один лишь раз пустили посмотреть на эти развалины башен... Со специальной площадки. Бетон, арматура, расплавленное стекло... Вот, собственно, все, что предстало перед моими затуманенными глазами тогда...

Потом, когда мы вдруг непроизвольно – наверное, чтобы чуть отвлечься от конкретных горьких воспоминаний, преследующих моего собеседника все эти долгие годы, нечаянно поговорили на необязательные дачные темы, Валерий Александрович минуту спустя рассказал, что в те черные дни японские документалисты взяли у Валентины Григорьевны, его жены, интервью – там, в Америке. О чем – мой тезка не стал распространяться, а я его допытывать... Зато, как бы подчеркивая японскую обязательность, старший Иванцов заметил, что когда эти самые документалисты приехали уже и в Абакан, то они нашли его и вручили запись снятого в Америке фильма, где, в том числе, нашлось место и для того американского интервью с женой, – вручили ему лично в руки. «Правда, – извинительно улыбнулся через душевное волнение Валерий Александрович, – этот фильм – целиком и полностью – на японском языке...»

Он пробыл тогда в США неделю... Даже познакомился (тот новый знакомый оказался чуть ли не в соседях!) – с одним человеком, который лично знал

писателя-эмигранта из советской еще России – Сергея Довлатова. (К месту скажу, уже в отношении себя, что именно в те недели я как раз читал пятитомник этого замечательного писателя, и чисто профессионально наслаждался чуть ли не каждым его произведением).

Но – к делу и дальше...

Спустя год, в сентябре 2012 года, правительство США пригласило всех родственников погибших и пропавших без вести при атаке на башни-близнецы Всемирного торгового центра, в Нью-Йорк... Здесь отмечалась годовщина со дня теракта, унесшего сотни жизней ни в чем неповинных людей.

На берегу Гудзона, еще в 2001 году, Иванцовы видели и запомнили, что там, в одном отдаленном месте, стояли большие ангары, а в них находились пятитонные контейнеры-холодильники, где, оказывается, и хранились найденные остатки погибших и неопознанных. Эти контейнеры все были в цветах и американских флагах. Такими и запомнились... Останки Саши Иванцова, как мы уже говорили, были найдены ровно неделю спустя после теракта. Но это стало ясно только, когда ДНК родителей совпало с ДНК найденных его останков. Эти процедуры проходили в одном из военных госпиталей города. Осенью 2002 года Аня доставила в Абакан драгоценный пепел останков Александра... Пепел сожженной радости их короткой совместной жизни в продырявленной международными террористами, такой могучей и вроде бы недоступной, прямо-таки неприкасаемой Америки.

Кстати тут вспомнить... Мне кажется неожиданным, даже чуть ли не мистическим тот факт, что, оказывается, остров Манхэттен открыл английский мореплаватель Гудзон. Дело не в этом, дело – совсем в другом! Знаете, когда это случилось? 11 сентября 1609 года!

Как говорится, без комментариев...

В интересах объективности и правды необходимо еще, конечно, сказать, что банк «Кантор Фицджеральд», где работал во Всемирном торговом центре Александр, не оставил семью Иванцовых один на один с бедой: за счет океанского банка у нас в Абакане, на Подсинском кладбище, был установлен мраморный памятник Саше, а родителям куплена квартира, где они сейчас живут, а также автомобиль. Материальная поддержка, понятно, ни в коей мере и никогда не застит родительского горя! Но все же...

... Солнечным сентябрьским днем 2015 года с одним из родственников погибшего Александра Иванцова мы поехали на Подсинское кладбище, где и нашел последний покой наш талантливый земляк. А я и не знал, что из далекого Нью-Йорка его доставили сюда – еще тогда, трагической осенью 2001 года. Урна с прахом (пеплом), при стечении близких и родных людей, была предана родной земле. Иначе-то как? Отец его, Валерий Александров

вич, долго не верил, что они похоронили на кладбище именно останки сына. Вторые похороны – по крайней мере, в его душе, состоялись для него ровно год спустя, лишь когда из США было, наконец, получено подтверждение (на основании сверки ДНК), что это действительно прах Александра Валерьевича...

Мы долго искали его могилу. «Странно... – недоумевал родственник, сидевший за рулем. – Ведь неделю, как я только что был здесь. Странно...» Мы вынужденно снова и снова возвращались, повторно проезжали так знакомый родственнику сектор... Нет как нет Александровой могилы! Разворот, и опять – новый проезд... «А, вот она, вот могила Саши!» – наконец, донеслось до меня. А я сидел в это время перед открытым стеклом и все еще думал, что же это случилось за такое – эта вот самая мистика? Может, Александр не хочет, чтобы мы нарушали его покой? Чувство было приблизительно такое, тяжелое и трогательное одновременно. Или кто-то другой не хотел, чтобы мы сюда явились?.. Не знаю.

Чугунная, с витиеватыми вензелями, оградка. Надгробие окружает аккуратно выложенная белая мраморная плитка. Мраморная скамья при входе, столик, тоже мраморный... Стела из черного мрамора. Цветы в каменных вазах справа и слева от стелы, – белые и розовые цветы. Со стелы на нас смотрел улыбчивый Александр: короткая стрижка, сквозь стекла очков – взгляд успешного молодого человека, знающего цену себе и жизни вообще, взявший за удилу эту жизнь! И над всем этим – русская, ярко – изумрудная и ласковая, тонкоствольная березка. Что может быть для нас ближе этой родной березки-то? Деревце, слегка шелестя листочками, явно напевало Саше молитвенную мелодию: ночью и днем, днем и ночью.

На стеле были выгравированы слова: «Иванцов Александр Валерьевич. 25. 04. 1978 г. – 11. 09. 2001 г.» Я почувствовал, что внутренне напрягаюсь... Эти последние цифры отсюда, из солнечного Абакана, словно стали возвращать меня – вот так случайно и внезапно! – в тот трагический для него день, к охваченным бушующим огненным дымом башням-близнецам Всемирного торгового центра... Там в это время был он, Саша...

Мой взгляд скользит по стеле ниже портрета, ниже навсегда замерших дат рождения и смерти, и я вчитываюсь, но все равно долго не могу запомнить вот эти слова: «Кто умер, но не забыт, – тот бессмертен». Да, да, да... Это так...

– Валерий Александрович и Валентина Григорьевна... Они часто бывают здесь... – слышу я вдруг, отвлекаясь от своих мыслей, голос родственника. – Бывают если не каждый день, то каждую неделю – точно... Ведь родители... Представляете, как они осиротели...

Раненую-то память – ее кто им теперь залечит?..

Мы покидаем место успокоения Саши Иванцова... Уходя и держа перед глазами только что увиденное на стеле его улыбочное лицо, я мысленно повторяю про себя: «Пепел сожженной радости... Пепел его сожженной радости!..»

* * *

... Для полноты очерка о короткой, но блестящей жизни нашего абаканца Александра Иванцова я, конечно, не мог не встретиться с его бывшей женой Аней. Валерий Александрович – тогда, после затяжного разговора на скамье у стен Преображенского храма, услышав о моем намерении увидеться с ней, сказал: «Да она здесь, рядом, и работает в одном из учебных центров. Английский преподает...» – и показал, уже по дороге домой, куда мы пошли за фотографиями, это учреждение.

На первый раз встреча с Аней у меня не состоялась: у нее в этот день не было занятий. Я узнал лишь у коллег, когда будут ее следующие уроки, и пришел в обозначенное время. Конечно, я надеялся если не на обстоятельный, то хотя бы на относительный разговор... Ведь яркая короткая жизнь и трагическая гибель Александра – теперь не только боль его семьи, родных, близких и знакомых, но и общая, что тут говорить, боль многих жителей Абакана – да что! – всей Хакасии. Своим крылом она коснулась тогда многих!.. О судьбе, достижениях Александра теперь должны знать как нынешние, так и будущие, без преувеличения, поколения наших земляков – хотя бы потому, что Саша Иванцов был неординарная, знаковая личность – наравне с теми, кто принес известность, а в некоторой мере завоевал и гордость нашему столичному центру. В данном случае – гордость, смертию смерть свою поправ и мерцающую теперь, к нашему горькому сожалению, внезапным трагическим отблеском...

Я, конечно, знаком был с Аней по фотографиям: молодая, чуть с круглым личиком, веселая девушка... И вот из кабинета ко мне навстречу вышла стройная, выше среднего роста, чем я ожидал, девушка – несколько не похожая на ту, со снимков, но с узнаваемой приятной улыбкой. Услышав о цели моего прихода, Анна сперва, неожиданно для меня, вдруг холодно насторожилась... Потом последовали отрывочные слова о нежелании беседы... Возможно, Анна до сих пор глубоко переживает случившееся... Возможно, не хотела разговаривать с журналистом ли, писателем, сказав второпях лишь: «Там, в Америке, и то многое переврали, все написали не так... И не то...» Я, ни в чем перед Анной в данном отношении не повинный, предложил ей исправить ситуацию, подготовить добросовестное, с душой написанное интервью о Сашиной судьбе. Анна не пошла на этот едва зарождающийся

компромисс, молчала. «Нет и нет, все...– услышал я.– Есть родители, с ними и говорите...» – сказала уже непреклонно и, как мне показалось, с оттенком подчеркнуто выраженного недружелюбия. «Что ж, – подумал я, успев задать ей еще один интересующий меня вопрос – перед тем, как моя несостоявшаяся собеседница захлопнула – нет, не перед моим носом, но явно жестко полуоткрытую дверь, – может, Анна теперь просто не хочет впускать в свою новую жизнь прежде перенесенное ею горе – тем более, вспоминать о нем? Тогда, опять же... Все это можно было бы, – терялся я в догадках, – преподнести поучительно (да и по человечески) хоть и четко, но более дипломатично, что ли, как подобает интеллигентному человеку?

Словом, я был растерян, хотя и предполагал, что предстоящий разговор будет не из простых и тем более – радужных. Я был настроен на доверительную, откровенную беседу – пусть даже и не сегодня, не в этот день, но...

Но неожиданно случилось то, что случилось. Аня, конечно, многое могла бы поведать мне о жизни Александра в США, его взглядах на заморских людей, планах на личное будущее, чем он ежедневно жил и во что верил, на что надеялся, о чем мечтал... Все это солидно дополнило бы картину его насыщенной, целеустремленной жизни – жизни, к которой (и это излишне доказывать) равнодушны как абаканцы, так и жители всей нашей Хакасии. Ведь он, Александр Иванцов, теперь принадлежит не только своим близким и родным, он принадлежит общей памяти.

Но в эти минуты я нашелся одно лишь сказать Анне: «Я вас понял...»

Положа руку на сердце, я все-таки где-то надеюсь, что рано или поздно, но наша встреча с Аней, так много успевшей уже пережить в своей такой молодой еще жизни, – она впереди, она состоится. К этому нас обязывает не только ускользящая все дальше и дальше ДАЛЬ ПАМЯТИ, но и ДОЛГ ПАМЯТИ перед ним, Александром Иванцовым, – неординарным, талантливым парнем из нашего города.

Парнем с большой буквы.

Валерий Полежаев

Содержание

I. НЕЧТО

Нечто	3
Горные мифы	7
В земле наши корни	8
Тайна Кошкулакского подземелья	15
Хуртуях – Тас, себе дарованная	19
Музей: ожившие камни	24
Чьи руки прикоснулись к Ергакам?	26

II. ВЕЩАЯ РАДОНИЦА

Призраки лунной ночи	31
Царь – баба	35
Портрет на память...	
Добрую или... вечную?	40
Средь бела дня, средь темной ночи... ..	56
Расстрельный Абакан	
(страницы из очерка)	62
Вещая Радоница	69
Знамение неблагоприятного огня	75

III. ПРИЗРАКИ ПРИБЫТИЯ

Призраки прибытия	79
Зимний вечер с... НЛО	83
Календарь Майя: сбудется ли предсказание	
(вперед, в прошлое?)	88
Над бездной Атлантики	93
Продырявленная Америка,	
или Пепел сожженной радости	98

